Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 98. Суббота 23-го апрѣля 1905 г. Годъ V

ПЕРВАЯ КРОВЬ ВЪ МАЙСКІЕ ДНИ.

Снова потоками льется кровь польскихъ пролетаріевъ... Въ „пасхальную“ недѣлю русская армія, день за днемъ, стрѣляетъ въ рабочихъ на улицахъ Ченстохова, Варшавы, Лодзи, Калиша, покрывая неизгладимымъ позоромъ свои военные мундиры. Новая эра царскаго „благоволенія“ къ буржуазной Польшѣ *должна* была ознаменоваться новыми убійствами революціонныхъ польскихъ пролетаріевъ.

Убитыхъ уже теперь около 100 человѣкъ. Новыми всеобщими стачками отвѣчаетъ пролетаріатъ Польши на эти звѣрства, снова показывая міру, какая неистощимая отвага, какая неизсякаемая энергія таится въ немъ. Двухъ мѣсяцевъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ стала заканчиваться полумилліонная стачка, начатая польскими рабочими въ январѣ и стоившая ему кромѣ массы лишеній, никѣмъ неподсчитаннаго въ точности количества убитыхъ. Еще не зажили недавнія раны, еще не сказано послѣднее слово безстыднаго звѣрства царскихъ военныхъ судовъ надъ участниками январьской борьбы — и стоило только наступить великому майскому дню, чтобы улицы польскихъ городовъ украсились красными знаменами, наполнились тысячными толпами демонстрантовъ. И стоило только раздаться первымъ выстрѣламъ царскихъ солдатъ, чтобы могучій левъ — польскій пролетаріатъ — снова воспрянулъ, готовый снова сразиться съ врагомъ, готовый снова проливать свою кровь.

Кровь пролилась, она будетъ еще литься въ эти дни. Такъ хочетъ проклятая судьба, поставившая революціоннѣйшую часть пролетаріата Россіи въ условія господства постояннаго военнаго положенія въ ея родинѣ. Болѣе, чѣмъ какая либо другая часть народовъ Россіи, польскіе рабочіе могутъ о себѣ сказать, что они заслужили право на достойную великаго народа политическую свободу.

Застрѣльщики „майской кампаніи“, польскіе товарищи имѣютъ право разсчитывать на то, что вся пролетарская Россія отзовется на примѣръ, данный ими, повсюду организовавъ въ майскіе дни ту или иную революціонную манифестацію. Стрѣляя въ мирно шествовавшихъ варшавскихъ рабочихъ, царизмъ бросилъ наглый вызовъ всему россійскому пролетаріату, которому онъ оффиціально грозилъ заранѣе самымъ жестокимъ подавленіемъ всякой попытки къ борьбѣ подъ майскимъ знаменемъ. Пусть же въ отвѣтѣ всей рабочей Россіи на свой вызовъ царизмъ услышитъ новое подтвержденіе готовности пролетаріата смести съ лица земли всѣ препятствія къ свободной борьбѣ.

ВЪ ПОГОНѢ ЗА СОЮЗАМИ.

Соціальдемократія имѣетъ, какъ извѣстно, привилегію возбуждать великую нелюбовь и даже ненависть со стороны всѣхъ другихъ политическихъ партій, всегда единодушныхъ, когда дѣло идетъ о нападкахъ на соціалдемократію. Партія пролетаріата, впервые нашедшая ключъ къ сердцу широкихъ *народныхъ* массъ, впервые сумѣвшая пробудить и воспитать ихъ политическую мысль, организовать и мобилизовать ихъ, на почвѣ отстаиванія ихъ *классовыхъ* интересовъ, для борьбы противъ царизма и тѣмъ дать реальную опору борьбѣ всѣхъ слоевъ образованнаго „общества“, эта партія не перестаетъ подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны свободолюбивыхъ элементовъ этого самаго „общества“. Еще въ послѣднемъ номерѣ „Р. Р.“ (№ 64) г. Бывшій Соціальдемократъ нашелъ въ себѣ достаточно вкуса, чтобы использовать въ этомъ направленіи противъ соціальдемократіи отрывки изъ „недоконченной рукописи“ И. П. Каляева, приговореннаго теперь къ смертной казни за убійство великаго князя Сергѣя. О, конечно, г. Б. С. сдѣлалъ это „не для полемики съ соціальдемократами!“ Но намъ кажется все же весьма характерной эта ненависть къ соціальдемократіи, заставляющая даже дань заслуженнаго удивленія передъ героическимъ актомъ облекать въ форму полемики противъ „Искры“. Вѣдь не пришло же въ голову г-ну Б. С. противопоставлять революціонность настроенія Каляева, ну, скажемъ, хоть „постепеновщинѣ“ того „Освобожденія“, съ которымъ „Революціонная Россія“, послѣ парижскаго брака, и до сихъ поръ — оффиціально, по крайней мѣрѣ — не развелась! Очевидно, очень ужъ досадила всѣмъ ужасная грѣшница — соціальдемократія! И самымъ ходячимъ упрекомъ противъ нея, несомнѣнно, является обвиненіе въ помѣхѣ всевозможнымъ „координированнымъ“ дѣйствіямъ, во внесеніи раскола и раздробленія въ среду оппозиціи, въ ослабленіи дружнаго „натиска“ на царизмъ и пр. и пр.

Было счастливое время, когда трогательное согласіе и единеніе господствовали почти на всемъ полѣ оппозиціонной журналистики. Отъ отца нынѣшнихъ с.-р—овъ — „Русскаго Богатства“ — до праматери нынѣшнихъ „умѣренныхъ“ купеческой и земской линіи — „Вѣстника Европы“ — царилъ одинъ и тотъ же неопредѣленный сѣро-розовый цвѣтъ, въ которомъ тонули всѣ оттѣнки политической мысли и всѣ разногласія.

Но было ли это единеніе признакомъ силы оппозиціи? Нѣтъ; оно служило неопровержимымъ свидѣтельствомъ ея слабости; оно подчеркивало чисто оборонительную позицію, которую — и то съ сомнительнымъ успѣхомъ — приходилось занимать всѣмъ „прогрессивнымъ“ элементамъ. Отсутствіе политическаго дробленія оппозиціи и мирное сожительство всего оппозиціоннаго лагеря означали ничто иное, какъ малую *практическую* цѣнность политическихъ программъ. „Идеалъ“ — политическая свобода — былъ такъ далекъ, что было совершенно излишне опредѣлять конкретнѣе свое отношеніе къ нему. Можно было довольствоваться самыми туманными формулами, благодаря туманности своей объединявшими всѣхъ.

Выступленіе пролетаріата въ серединѣ 90-хъ годовъ показало правильность разсчетовъ соціальдемократіи. Оно же впервые предъявило оппозиціонному „обществу“ оппозиціонный „народъ“ и тѣмъ самымъ повысило шансы оппозиціи вообще. Политическая свобода начала выступать изъ окутывавшаго ее тумана и пріобрѣтать болѣе опредѣленныя очертанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ всѣми оппозиціонными группами предстала необходимость соотвѣтственно усилить и опредѣленность своей политической позиціи. Эта бо́льшая опредѣленность означала повышеніе силы оппозиціи. Но она же означала и начинающееся дробленіе ея. Изъ подъ покрова общаго сходства всѣхъ оппозиціонныхъ группъ, основывавшагося на отрицательномъ отношеніи ихъ къ существующему режиму, начали выглядывать, хотя вначалѣ и весьма слабо, индивидуальныя физіономіи, индивидуальность которыхъ обусловливалась взглядами на методы и цѣли положительной политической борьбы.

Внимательный анализъ показалъ бы, что уже въ эту эпоху, подъ вліяніемъ первой волны пролетарскаго движенія, намѣтились общими штрихами почти всѣ тѣ направленія, которыя теперь, на нашихъ глазахъ, консолидируются въ политическія партіи. Первый же натискъ рабочаго класса на существующій государственный порядокъ, натискъ, въ значительной степени стихійный, воздѣйствовалъ на оппозиціонное „общество“ такимъ образомъ, что „раскалывалъ“ его, одновременно повышая совокупность его силъ и оппозиціонности. Роль соціальдемократіи, истолковывавшей историческій смыслъ стихійнаго движенія рабочихъ массъ, показывавшей его соціальные корни и вѣроятное будущее, сводилась въ этомъ отношеніи лишь къ ускоренію и интенсификаціи этого процесса одновременнаго и неразрывно связаннаго другъ съ другомъ наростанія силы оппозиціи и ея разслоенія.

Въ томъ же самомъ направленіи шло воздѣйствіе рабочаго движенія и его авангарда — соціальдемократіи — на либерализмъ и демократію въ теченіе всего остальнаго періода, отдѣляющаго насъ отъ середины 90-хъ годовъ. Съ ростомъ рабочаго движенія и усиленіемъ его классоваго характера, выражающимъ ростущую опредѣленность тѣхъ задачъ, которыя онъ себѣ ставитъ, растутъ и надежды на возможность политическаго переворота въ Россіи; изъ области „мечтаній“ конституція переходитъ въ область совершенно очевидной возможности. А вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ опредѣленность политической физіономіи оппозиціонныхъ группъ, растетъ ихъ сила и ихъ „дробленіе“.

Разумѣется, литературная критика соціальдемократіи, являвшаяся лишь отраженіемъ фактической критики рабочаго движенія, казалась, какъ кажется и до сихъ поръ, либерально-демократическимъ группамъ, черпавшимъ изъ этого самаго движенія свои силы, досаднымъ нарушеніемъ гармоніи и единства въ борьбѣ съ царизмомъ. Не понимая того процесса, который толкалъ ихъ впередъ, онѣ или отрицали свою эволюцію, или считали ее плодомъ самопроизвольнаго развитія и роста своей политической мысли. И въ каждый данный моментъ своего развитія, онѣ требовали „единенія“ на основѣ достигнутаго ими уровня. Отсюда — любовь къ туманнымъ и неопредѣленнымъ формуламъ, которыя, поскольку онѣ относились къ будущимъ формамъ политической свободы и соціальныхъ преобразованій, могли выражать все, что угодно, или ничего; и отсюда же — великая нелюбовь къ соціальдемократіи, которую сама классовая позиція ея заставляла ставить политическіе вопросы все въ болѣе и болѣе острой и опредѣленной формѣ и создавать такимъ образомъ реактивъ для опредѣленія классовой природы всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ группъ.

Въ высшей степени характерно, что соціальдемократія первая выработала себѣ программу, опредѣленно и ясно формулировавшую не только конечныя, но и ближайшія цѣли ея. Въ томъ вопросѣ объ уничтоженіи самодержавія и политической свободѣ, по отношенію къ которому и раздается болѣе всего сѣтованій насчетъ дробленія силъ, соціальдемократія первая сказала въ точныхъ и конкретныхъ терминахъ, чего именно она хочетъ. И до самаго послѣдняго времени (мы оставляемъ въ сторонѣ окраины и націоналистическія партіи) соціальдемократія одна только и имѣла программу, такъ что, въ сущности, она только соціальдемократія и была *политической партіей*; всѣ прочія оппозиціонныя и революціонныя группы были и оставались лишь *направленіями*, формулировавшими только общіе штрихи своей дѣятельности и своихъ цѣлей.

Это отсутствіе программъ и дало возможность чуть не наканунѣ переживаемаго нами революціоннаго періода, уже успѣвшаго такъ безпощадно обнажить классовую подоплеку многихъ „народолюбивыхъ“ направленій, поставить на очередь вопросъ объ „объединеніи“ силъ. „Освобожденіе“ объявляло въ это время, что русское освободительное движеніе „не носитъ на себѣ печати классовой ограниченности“, а „соціалисты“ „Рев. Россіи“ (№ 54, стр. 6) увѣряли, будто „крайняя лѣвая конституціоналистовъ“ „уже теперь“ выражаетъ „гласно нѣкоторыя симпатіи даже къ соціализму“!

Попытка „объединенія“ удалась. Парижскій „блокъ“ и ноябрьскій земскій съѣздъ — это, въ сущности, одна непрерывная цѣпь, такъ какъ освобожденцы, принимавшіе участіе и здѣсь и тамъ, служили соединительнымъ звеномъ. Правда, с.-р—ы хвалились, будто своимъ „блокомъ“ имъ удалось отдѣлить „такіе элементы, которые чужды специфическимъ классовымъ интересамъ аграрно-буржуазнаго ядра и тяготѣютъ ко многимъ тенденціямъ соціалистической демократіи“ (это г. Струве то!), элементы, которые якобы не желаютъ вести никакихъ „переговоровъ съ правительствомъ о „взаимодѣйствіи“ съ нимъ для „умиротворенія“ страны“ („Р. Р.“ № 56, стр. 6) и т. п. Но, во 1-хъ, г. Струве теперь уже печатно заявилъ, что „разговаривать“ съ Николаемъ II онъ пересталъ не въ эпоху „блока“, а лишь послѣ 9-го января; а во 2-хъ, „Р. Р.“ (№ 55, стр. 2—3) сумѣла втолковать массу прекрасныхъ вещей (въ томъ числѣ и всеобщее и пр. избирательное право) и въ резолюціи земскаго съѣзда, удивляясь лишь въ своей незарѣченной наивности, почему это у земцевъ явилась „странная мысль — говорить лишь далекими намеками въ вопросѣ, который для рабочихъ массъ имѣетъ самое жгучее значеніе“! Такимъ образомъ, очевидно, что, по признанію самихъ с.-р—овъ, политическая платформа „блока“ и земскаго съѣзда была, въ сущности, одна и та же. Желанное „единеніе“ было достигнуто, и можно было позволить себѣ двойной залпъ ругательствъ по адресу „узости“, „доктринерства“, „сектантской нетерпимости“ соціальдемократіи, которая одна оставалась теперь за порогомъ святилища объединенной оппозиціи.

Торжество „единенія“ продолжалось, однако, недолго. Не успѣлъ еще блокъ совершить ни единаго дѣйствія, какъ грянула январьская буря и почти однимъ ударомъ разрушила такъ старательно возведенное зданіе. Если до январьскихъ событій рабочій классъ, поскольку движеніе его было стихійнымъ и не обращалось *непосредственно* противъ самодержавія, игралъ въ значительной степени лишь роль разрушительной и дезорганизующей правительственный механизмъ силы, то теперь положеніе измѣнилось. Начиная съ 9-го января все большая и большая часть рабочаго класса ставитъ себѣ сознательною цѣлью борьбу не только за политическую свободу вообще, но и за опредѣленныя, конкретныя формы ея, именно тѣ, которыя намѣчены въ программѣ соціальдемократіи. Такое открытое выступленіе широкихъ массъ на непосредственную борьбу съ царизмомъ и знаменуетъ собою начало революціи. Политическая свобода и связанныя съ нею соціально-экономическія преобразованія становятся, такъ сказать, осязательными. Выдвигается рядъ соціально-политическихъ проблемъ, которыя можно почти нащупать руками и отъ которыхъ нельзя отговориться туманными фразами. Дѣло идетъ „въ серьезъ“ и классовые интересы заставляютъ отнестись къ нему „въ серьезъ“.

Послѣ 9-го января на нашихъ глазахъ совершается процессъ не только распаденія объединенной оппозиціи, но и образованія политическихъ партій съ опредѣленной политической и соціально-экономической программой. Классовый характеръ рабочаго движенія заставляетъ выдѣлиться въ особую группу промышленный либерализмъ. Вовлеченіе въ движеніе крестьянства даетъ толчокъ образованію „правой“ и „лѣвой“ партіи земскаго либерализма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціальдемократія перестала пользоваться привилегіей вести одновременно борьбу на два фронта, хотя и различными методами: противъ царизма и противъ всѣхъ другихъ, хотя-бы и „прогрессивныхъ“ партій, поскольку ихъ дѣятельность противорѣчитъ классовымъ интересамъ пролетаріата. Всякая новообразующаяся партія сейчасъ-же начинаетъ такую же войну противъ всѣхъ во имя представляемыхъ ею классовыхъ интересовъ. Купеческая партія прямо заключаетъ „конвенцію“ противъ требованій рабочихъ; Шиповская партія, открывая войну противъ самой идеи ограниченія монархіи, тѣмъ самымъ направляетъ свою программу не только противъ рабочей и крестьянской демократіи, но и противъ купечества и противъ своихъ-же болѣе либеральныхъ собратьевъ-земцевъ, которые думаютъ спасаться отъ аграрной революціи аграрной реформой или полуреформой, вмѣсто того, чтобы бросаться, по Шиповскому рецепту, въ объятія самодержавія. Только что родившись наши „националь-прогрессисты“ не только требуютъ цензовыхъ выборовъ, но считаютъ нужнымъ сейчасъ-же нарочито подчеркнуть свое твердое намѣреніе *бороться противъ* всеобщаго избирательнаго права. Вотъ онъ, истинный смыслъ знаменитаго пункта 7 земской резолюціи о „равенствѣ политическихъ правъ“ всѣхъ гражданъ!

Такъ постепенно съ ходомъ революціи и съ усиленіемъ революціоннаго натиска на царизмъ спадаютъ идеалистическіе покровы, обнажаются классовые интересы и растетъ „дробленіе“. Та либеральная буржуазія, которую видѣла раньше одна „доктринерская“ соціальдемократія, встаетъ теперь передъ всѣми во всей своей силѣ и организованности. И, быть можетъ, теперь даже „соціалисты“ изъ „Рев. Россіи“ поймутъ, почему соціальдемократія не могла связывать себя съ почтенной кампаніей парижской конференціи и петербургскаго съѣзда.

Они, впрочемъ, и сами чувствуютъ теперь — и уже съ точки зрѣнія не только „соціалистичности“, но и „революціонности“ — нѣкоторый конфузъ отъ своихъ похожденій въ поискахъ за „союзомъ“. Мы еще разсчитываемъ вернуться къ этому вопросу, а пока посовѣтуемъ читателю хоть бѣгло пробѣжать и сравнить №№ 55, 56, 61 и 64 „Революціонной Россіи“, чтобы увидѣть куда приводитъ „безпокойная ласковость взгляда“, ищущаго „единенія“ и „союза“ во что бы то ни стало.

И теперь, когда намъ указываютъ на вставшіе на революціонный путь элементы демократіи и совѣтуютъ заключить блокъ съ ними, мы скажемъ: мы знаемъ, знаемъ такъ-же хорошо, какъ знали это раньше относительно гг. Шиповыхъ, Трубецкихъ, Струве и пр. и пр., что эволюція этихъ элементовъ далеко еще не кончилась, что настанетъ моментъ, когда „печать классовой ограниченности“, лежащая на нихъ и видимая нами, станетъ видна и всѣмъ такъ же ясно, какъ она видна теперь соц.-рев. относительно г. Струве. Мы знаемъ, что главная сила нашей партіи — въ ея *классовомъ* характерѣ, который только и даетъ намъ возможность политически сплачивать, организовывать и мобилизовать все большія и большія массы пролетаріата. А только процессъ такой политической мобилизаціи дѣйствительно подготовляетъ народъ къ возстанію, и только на его основѣ можетъ получить не игрушечные размѣры и техническая подготовка возстанія. Вступить въ блокъ съ буржуазно-демократическими, хотя бы и революціонными элементами, значитъ сглаживать острыя грани классоваго характера нашей партіи, ибо только при этомъ условіи соглашеніе для достиженія опредѣленной цѣли пріобрѣтаетъ хоть какой нибудь смыслъ. Но сдѣлать это значитъ уменьшить размахъ нашей работы, революціонизирующей рабочее движеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить и питающуюся этимъ движеніемъ революціонность буржуазной демократіи...

ЦАРСКОЕ ПОПЕЧЕНІЕ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

Русское правительство недовольно недостаточно быстрымъ и недостаточно бурнымъ развитіемъ русской революціи. Этотъ выводъ напрашивается самъ собой при сопоставленіи различныхъ проявленій его государственной мудрости.

Въ отвѣтъ на волненія рабочаго класса и городской буржуазіи, требующихъ политической свободы, указъ 12 декабря провозвѣщаетъ реформу, имѣющую цѣлью поднять положеніе крестьянства. Самодержавіе надѣется противопоставить непримиримо-враждебному отношенію къ нему городскаго пролетаріата и буржуазіи благожелательно-выжидающее отношеніе крестьянства. Не безъ содѣйствія земскихъ начальниковъ, изъ крестьянства выбиваются десятки „всеподданнѣйшихъ“ благодарственныхъ адресовъ. Но наступаютъ январьскіе дни. Городская революція подняла свои волны на недосягаемую еще высоту. Теперь мало уже „нейтрализовать“ деревню, ее надо мобилизовать противъ города. Аппаратъ полицейской провокаціи пущенъ въ ходъ. Средства ея ограничены, методы воздѣйствія — первобытны. Поднять мужика въ защиту голаго принципа православія и самодержавія — выше ея скудныхъ силъ. Убогой идеями, ей приходится идти по линіи наименьшаго сопротивленія, то есть, въ концѣ концовъ, по той линіи, на которой реакціонные предразсудки мужика соприкасаются съ его примитивно-революціонными инстинктами. Свой лозунгъ: „бей интеллигента, соціалиста, земца, либерала,“ она вынуждена перевести на понятный наиболѣе отсталымъ слоямъ крестьянства языкъ: „бей барина!“ Задаваясь цѣлью натравливать деревенскую сермягу на городской пиджакъ, она вынуждена въ свою демагогическую агитацію ввести мотивы соціальной борьбы между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ. Спекулируя на политическую темноту и реакціонность крестьянства, она разжигаетъ его соціальное недовольство — вѣчный источникъ политическаго просвѣщенія и революціонизированія. Начавъ съ попытки помѣшать революціонной заразѣ проникнуть въ деревню, самодержавіе само заноситъ ее туда. Зловѣщее: „слишкомъ поздно!“ раздается по обыкновенію, въ отвѣтъ на новыя политическія авантюры разлагающагося режима.

Слишкомъ поздно! Прежде, чѣмъ полицейскіе демагоги успѣли сорганизовать „безпорядки“ въ полдюжинѣ уѣздовъ, *самостоятельно* начались „безпорядки“ въ десяткахъ мѣстностей. Одно уже это обстоятельство разрушаетъ дьявольскій умыселъ самодержавія. Кишиневъ и Баку въ видѣ „примѣрныхъ сраженій“ могутъ, по его замыслу, пригодиться въ его „внутренней политикѣ“; но „всероссійскій Кишиневъ“, но повсемѣстная гражданская война, даже подъ реакціоннымъ знаменемъ, прежде всего дезорганизуетъ его собственныя силы, уничтожаетъ кредитъ, разливаетъ панику въ окружающихъ его общественныхъ слояхъ, деморализуетъ его собственный бюрократическій механизмъ и, въ концѣ концовъ, лишаетъ всякой возможности направлять имъ же разнузданную стихію. Централизованный бюрократическій аппаратъ самодержавія еще можетъ, по указанію *свыше*, разлить по странѣ анархію, онъ уже давно неспособенъ служить цѣли организаціи какого бы то ни было общественнаго движенія. И если локализованные крестьянскіе „бунты" могли пригодиться самодержавію для цѣли устрашенія буржуазной оппозиціи, то всеобщее крестьянское возстаніе, каждый часъ грозящее освободиться отъ налипшей на немъ реакціонной политической программы „единенія съ царемъ", имѣетъ ближайшимъ послѣдствіемъ такое напряженіе репрессивной энергіи, которое одно можетъ обезсилить царизмъ до полнаго истощенія.

Слишкомъ поздно! Въ атмосферѣ *начала* революціи „вандейское" движеніе быстро идетъ къ превращенію въ движеніе противъ всѣхъ бастилій. Тѣмъ болѣе ясна эта опасность, чѣмъ рѣшительнѣе на окраинахъ, облекающихъ громадное тѣло черноземной Руси, формируется *организованное и сознательное* революціонное движеніе крестьянской бѣдноты. Разгорается руководимое соціальдемократами крестьянское возстаніе въ Гуріи и распространяется на весь Кавказъ. Организованная и политически сознательная борьба польскихъ и латышскихъ батраковъ и арендаторовъ указываетъ сельскому населенію сосѣднихъ областей тотъ путь, на которомъ оно рѣшительно разойдется съ царизмомъ. Уже въ юго-западныхъ губерніяхъ начинаются массовыя стачки и бойкоты. Если русскій черноземъ *пока* еще не *идетъ дальше* разгромовъ усадебъ, передѣла полей и сожженія сахарныхъ заводовъ—этихъ символовъ капитализаціи аграрныхъ отношеній,—то кто можетъ поручиться реакціонерамъ за завтрашній день? Кто можетъ дать имъ какую-нибудь гарантію, когда они видятъ, что въ крестьянствѣ зрѣетъ *политическое* недовольство, когда они чувствуютъ, что революціонныя и оппозиціонныя вліянія города пробиваютъ бреши въ толщѣ крестьянскаго индиферентизма, когда они замѣчаютъ, что и съ буржуазнаго, и съ пролетарскаго конца городского движенія въ деревню идутъ какія-то нити, по которымъ хоть отчасти переливается въ нее пониманіе „городскихъ" программъ, сочувствіе городскимъ лозунгамъ? Правда, въ данный моментъ крестьянское стихійное возстаніе идетъ еще, повидимому, въ сторонѣ отъ этихъ слабо пробивающихся струй демократическаго и соціалистическаго броженія деревни, но долго ли еще продлится такое положеніе?

Подъ напоромъ крестьянскихъ „бунтовъ", подстегиваемые полицейской провокаціей, крайніе элементы буржуазной оппозиціи спѣшатъ формулировать аграрную программу, которая могла бы сдѣлать ихъ борьбу популярной въ глазахъ подымающагося крестьянства. Хотя и очень плохо и очень нерѣшительно, демократическая оппозиція пытается, такимъ образомъ, повернуть противъ самодержавія приставленное имъ къ ея груди оружіе. Въ то же время наиболѣе умѣренные изъ оппозиціонныхъ элементовъ, связанные съ землевладѣніемъ, спѣшатъ построить самодержавію золотой мостъ для отступленія. За прекращеніе полицейской демагогіи они сулятъ царизму отказъ отъ конституціоналистскихъ требованій. Покинутая было всѣмъ міромъ, монархія вновь пріобрѣтаетъ, хотя и не безкорыстныхъ, союзниковъ. Повернувшееся къ нему въ дни недавней „весны" своей либеральной стороной, всероссійское дворянство начинаетъ оборачиваться къ нему теперь стороной реакціонной. Надо ловить моментъ и спѣшить закрѣпить начинающееся сближеніе. Надо бить отбой и, посуливъ крестьянину праздничнаго „мужицкаго царя", надѣляющаго его барской землей, вновь показать ему исконнаго царя сѣрыхъ будней, охраняющаго „неприкосновенность частной собственности".

Указъ, учреждающій мѣстныя коммиссіи для опредѣленія убытковъ, понесенныхъ помѣщиками отъ крестьянскихъ безпорядковъ и взысканія этихъ убытковъ съ крестьянъ, заканчиваетъ короткій періодъ новомодной игры въ „народную политику". Еще разъ самодержавіе подписало себѣ свидѣтельство безнадежнаго банкротства. Выступая рѣшительно противъ поощрявшагося имъ же подъ сурдинку крестьянскаго движенія, оно одновременно разрушаетъ иллюзію „мужицкаго царя" въ головахъ крестьянъ и—иллюзію „правового самодержавія" въ головахъ тѣхъ самыхъ „націоналъ-прогрессистовъ", ради которыхъ оно разрываетъ съ крестьянствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: нужна ли еще лучшая иллюстрація реакціонности *всякихъ* фантазій о совмѣстимости европейской политической свободы съ сохраненіемъ азіатской монархіи Романовыхъ, чѣмъ этотъ новый актъ царскаго „правосудія"?

Внѣ всякаго суда, крестьянство цѣлыхъ мѣстностей подвергается взысканію военной контрибуціи въ пользу „благороднаго сословія". Убытки опредѣляются коммиссіей изъ чиновниковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ. Упраздненная круговая порука возстановляется. Обѣщаніе объ уравненіи крестьянскаго сословія въ гражданскихъ правахъ грубо нарушается отдачей крестьянскаго имущества въ зависимость отъ рѣшенія чиновно-помѣщичьихъ коммиссій. Провозвѣщенное „охраненіе полной силы закона" звучитъ насмѣшкой. Только что—въ рескриптѣ Горемыкину — сказанныя слова о необходимости помочь пошатнувшемуся крестьянскому хозяйству реализуются въ указѣ, предписывающемъ добивать это убогое хозяйство. И „зрѣлыя общественныя силы", взывающія къ монархіи о союзѣ съ ними для охраны „порядка", должны (даже устами „Новаго Времени") констатировать, что все, что можетъ имъ предложить самодержавіе, исчерпывается грубымъ насиліемъ и беззаконнымъ произволомъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда на монархію явился общественный спросъ, какъ на *регулятора* разнуздавшейся гражданской войны, она оказалась способной выступить только въ роли башибузука, открыто отдающаго свою грубую силу на служеніе одной сторонѣ и тѣмъ самымъ еще пуще разжигающаго эту войну. Для другой роли у монархіи нѣтъ уже никакихъ средствъ. И обернувшійся лицомъ къ бюрократическому идолу дворянинъ-помѣщикъ видитъ въ его полированной поверхности свои собственныя черты, искаженныя бѣшенствомъ ущемленнаго собственника, столь далекія отъ того европейскаго облика „перваго сословія" въ облагороженномъ „реформами" государствѣ, который рисовался при созданіи либерально-монархическихъ программъ...

Захочетъ ли помѣстное дворянство признать себя въ этомъ портретѣ? Приметъ ли оно участіе въ „коммиссіяхъ по дѣламъ крестьянскаго разоренія", куда самодержавіе, не безъ хитраго разсчета, приглашаетъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей? *Промолчитъ* ли оно на своихъ съѣздахъ о новомъ вопіющемъ насиліи царизма надъ крестьянской массой, о новой гнусной насмѣшкѣ надъ элементарными понятіями права и законности? Станетъ ли оно соучастникомъ правительства въ его походѣ на крестьянство?

Какъ бы ни отвѣтила дѣйствительность на этотъ вопросъ, теперь уже ясно, что время двусмысленныхъ политическихъ позицій миновало для умѣренно-либеральныхъ элементовъ оппозиціи. Стихійное крестьянское движеніе продолжаетъ то, что начало сознательное движеніе пролетаріата — вырываетъ все болѣе глубокую пропасть между консервативными и „разрушительными" силами русской дѣйствительности. Или самодержавіе во всей его азіатской красѣ, или революція, — другого выхода нѣтъ. Но революція, низвергающая старый политическій порядокъ, немыслима при сохраненіи соціальнаго statu quo

Незыблемость аграрныхъ отношеній, завѣщанныхъ крѣпостнымъ правомъ, является чистой утопіей для того, кто не желаетъ укрѣплять падающее самодержавіе. Близорукіе фанатики кастовыхъ интересовъ могутъ не замѣчать этого. Буржуазное общество въ цѣломъ должно понять это, если не хочетъ проиграть свое собственное дѣло.

Чѣмъ рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе поведетъ рабочая партія свою революціонную работу въ деревнѣ, тѣмъ скорѣе буржуазное общество пойметъ положеніе дѣлъ, тѣмъ радикальнѣе будетъ та аграрная революція, которую оно должно будетъ поддержать.

ЗАХВАТНОЕ ПРАВО

Послѣ девятаго января кануны дней, имѣющихъ особое историческое значеніе въ глазахъ широкихъ массъ народа, становятся днями высочайшихъ „реформъ", или, вѣрнѣе, обѣщаній реформъ. Наканунѣ годовщины освобожденія крестьянъ, 18 го февраля, было обѣщано рескриптомъ народное представительство и дано указомъ такъ называемое право „петицій" или открытаго заявленія пожеланій по части организаціи этого представительства. Наканунѣ 18-го Апрѣля (1 го мая), дня всемірнаго праздника рабочихъ, возвѣщены реформы въ вѣроисповѣдной области и кое какія льготы крестьянамъ по части сложенія недоимокъ. На всѣхъ этихъ „обѣщаніяхъ", уже при самомъ рожденіи ихъ, лежитъ печать іудушкинаго двоедушія, изыскивающаго одновременно съ обѣщаніемъ и „наиудобнѣйшіе пути" къ его нарушенію. И само собою разумѣется что, лишь только проходитъ опасный день, какъ „обѣщаніе" откладывается въ дальній ящикъ. „Народное представительство" и по сей день еще находится въ стадіи „собиранія матеріаловъ", а что касается пресловутаго права „петицій", то указъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 апрѣля ставитъ тѣ точки надъ і, которыхъ благодушные люди могли не замѣтить въ указѣ царя отъ 18-го февраля. Великій визирь разъясняетъ волю падишаха: не допускается „разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты престола преобразованіямъ". Это разъ. А во-вторыхъ, обсужденіе „видовъ и предположеній" въ собраніяхъ разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, „если не будетъ *усмотрѣна* опасность возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія". Словомъ, министръ объясняетъ, что, „не препятствуя" и пр., слѣдуетъ все-же принять къ „непремѣнному руководству" старинное и мудрое правило отечественной конституціи, что, „ежели ты ничего не сдѣлаешь, то тебѣ ничего за это и не будетъ", но въ случаѣ чего... царское правительство намѣрено „распорядиться".

Если-бы у самодержавія сохранялась прежняя возможность „распорядительства", то, конечно, всѣ тѣ резолюціи, постановленія, ходатайства, заявленія и пр. и пр., которыя теперь сыплются какъ изъ рога изобилія, должны были-бы отойти въ область преданій о прекрасной, но мимолетной веснѣ. Но силы царизма слишкомъ поглощены расправой съ заявляющими свои требованія народными массами, чтобы оно могло услѣдить и во время принять необходимыя мѣры „пресѣченія" во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обсужденіе „видовъ и предположеній" исходитъ изъ „привилегированныхъ" слоевъ общества. Водворяется своего рода „захватное право" собраній, слова, союзовъ, печати. Мы, конечно, можемъ только радоваться тому, что „общество", хотя и съ недостаточной на нашъ взглядъ энергіей, пользуется этимъ „правомъ" и вырываетъ у самодержавнаго хищника его добычу. Но не мѣшаетъ помнить о томъ, что только потоки крови, проливаемые въ открытой борьбѣ народомъ, составляютъ основу этой своеобразной неписанной „конституціи". А въ такомъ случаѣ, пожалуй, не слѣдовало-бы, подобно г. Струве (О. №68), презрительнымъ движеніемъ руки отметать „жуткія предчувствія катастрофъ" и „рѣшать отрицательно" вопросъ о „пригодности или цѣлесообразности вооруженнаго *возстанія въ данный моментъ*". Если то, что происходило послѣ 9 января чуть не по всѣмъ пунктамъ скопленія рабочихъ, то, что происходитъ на Кавказѣ, и то, что произошло и происходитъ въ Польшѣ, а также событія въ деревняхъ — не есть *уже начинающееся* возстаніе, то было-бы любопытно послушать, въ какомъ-же видѣ представляетъ себѣ ходъ возстанія г. Струве, съ изумительной смѣлостью утверждающій, будто партіей соціаль-демократовъ „*всецѣло* (курс. нашъ) владѣетъ идея вооруженнаго сопротивленія и *матеріальной* (курс. Осв.) его подготовки". Нѣтъ, г. Струве, пора понять, что только наличность уже начинающагося возстанія въ „данный моментъ" и даетъ вамъ и вашимъ единомышленникамъ возможность переходить изъ „созерцательнаго" настроенія въ „дѣйственное"....

ДАЧНИКИ.

Россійская разночинная интеллигенція первая вступила въ революціонную борьбу со всѣмъ самодержавнымъ гнетомъ въ цѣломъ *во имя* широкихъ демократическихъ идеаловъ.

Но она была слишкомъ малочисленна, слишкомъ слаба, а классъ, интересы котораго она выражала, слишкомъ инертенъ и подавленъ ужасомъ предъ надвигавшимся капитализмомъ.

Глаза ея невольно обратились къ тѣмъ широкимъ слоямъ, которые наиболѣе испытывали тяжесть гнета и потому были наиболѣе предрасположены когда-нибудь возстать противъ него.

Надежды собственными силами запугать правительство, добиться реформъ, свергнуть самодержавіе, могли жить только рядомъ съ надеждой на поддержку, по меньшей мѣрѣ, на сочувствіе со стороны народа.

Чтобы подготовить это сочувствіе, революціонная интеллигенція пошла въ народъ: къ крестьянамъ, къ рабочимъ.

Чтобы подготовить это сочувствіе, надо было написать на своемъ знамени идеалы, которые выражали бы дѣйствительные и существенные интересы тѣхъ, кого надо было привлечь на свою сторону.

Борьба за интересы рабочаго народа стала условіемъ борьбы за обще-демократическіе идеалы, — болѣе того, — слилась съ нею въ одно неразрывное цѣлое.

Жизнь повела ее дальше.

Разгромъ „Народной Воли" и послѣдовавшая затѣмъ дикая реакція 80-хъ годовъ почти совпали съ нарожденіемъ у насъ капитализма и выступленіемъ на историческую арену новой общественной силы: промышленнаго пролетаріата.

Ученіе Маркса, извѣстное нашей революціонной интеллигенціи уже давно, но какъ будто забытое ею, теперь снова вспомнилось ей, открыло передъ ней новыя перспективы, указало новые пути.

Революціонная интеллигенція, уже раньше проникнутая идеалами соціализма, теперь подняла знамя соціальдемократіи и понесла его въ рабочія массы.

Она явилась по отношенію къ пролетаріату тѣмъ твердымъ тѣломъ, которое, будучи опущено въ насыщенный растворъ, вызываетъ въ немъ процессъ кристализаціи.

Рабочее движеніе началось.

Рабочее движеніе росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ, росла и политическая сила пролетаріата.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, росло и классовое самосознаніе средней и мелкой буржуазіи.

Изъ ея среды началъ выдѣляться все большій и большій слой радикальной демократической интеллигенціи, которая уже сознавала или, по крайней мѣрѣ, чувствовала, что интересы пролетаріата не *ея* интересы, чужды и даже враждебны имъ. Но она понимала также, что безъ пролетаріата она безсильна, что „только пролетаріатъ, сознающій свои классовые интересы,

---

Наши злоключенія*).

II.

О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціальдемократіи

Что русскую соціальдемократію разъѣдаетъ какой то недугъ, это знаетъ—по нашимъ временамъ затяжного партійнаго кризиса—разумѣется, всякій, кому не лѣнь только знать. Это знаютъ даже тѣ мономаны, которые всѣ свои душевныя и умственныя силы ухлопали на процессъ искорененія партійной крамолы; для нихъ „внутренній врагъ" и есть тотъ болѣзнетворный микробъ, котораго надо убить; для нихъ и болѣзнь соціальдемократіи поддается леченію только патентованныхъ средствъ старинной медицины — purgare et clistirizzare.

Мономаны смѣшны, но не одни мономаны видятъ корень недуга въ сторонней *внѣшней* причинѣ, не они одни полагаютъ, что организмъ россійской соціальдемократіи былъ бы здоровъ, если бы только не наличность *инороднаго* тѣла. Приблизительно такъ говорили всѣ мы пять лѣтъ тому назадъ, такъ въ частности писалъ и я когда то, призывая соціальдемократа „стряхнуть съ себя иго демократическаго плѣненія". Правда, это было въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за наибольшимъ расцвѣтомъ экономизма, это было тогда, когда звѣзда Тугана-Барановскаго и Струве еще сіяла полнымъ свѣтомъ на небосклонѣ журнальнаго марксизма. Однако, съ тѣхъ поръ великое множество перемѣнъ произошло въ общественныхъ конъюнктурахъ. Эксъвластители думъ, на спѣхъ продѣлавъ эволюцію „отъ марксизма къ идеализму", порвали свои послѣднія соціальдемократическія связи и не позже 1902 г. уже оказались передовыми застрѣльщиками „умѣренныхъ отцовъ" либерализма. Подъ впечатлѣніемъ весеннихъ событій 1901 года съ необыкновенной быстротой совершался процесъ высвобожденія демократической интеллигенціи изъ подъ чаръ пролетарскаго ученія. Ушли „умѣренные", уходили и революціонные демократы: соц.-рев. съ шумомъ подымали свое знамя, приглашая подъ него всѣхъ и вся. Становилось довольно таки просторно,—чтобы не сказать пустынно,—въ рядахъ марксистской, соц.-демократической интеллигенціи. А, между тѣмъ, соціальдемократія — очищенная, исправленная — тянула все туже надоѣдливо-запоздалую ноту, голосомъ автора брошюры „Что дѣлать?" заявляя о существованіи „коренной противоположности двухъ направленій въ русской соціальдемократіи" и о необходимости борьбы — „рѣшительной борьбы" — „съ этимъ расплывчатымъ и мало опредѣленнымъ, но за то тѣмъ болѣе устойчивымъ и способнымъ возрождаться въ разнообразныхъ формахъ направленіемъ. Ecrasez l'infâme! И это тогда, когда l'infâme, нечестивцемъ, котораго надлежало изничтожить, было наполовину уже увядшее „Рабочее Дѣло". Вскорѣ оно увяло окончательно и, ко времени партійнаго съѣзда 1903 г., оставило по себѣ лишь одни воспоминанія, да пару „обломковъ разбитаго корабля". Казалось бы: наконецъ то наступила желанная, давно жданная минута успокоенія: „посторонніе" удалены, въ худшемъ случаѣ—не у дѣлъ, поле брани свободно, оставалось бы только констатировать, что періодъ размежовокъ законченъ и перейти къ очереднымъ дѣламъ. Но какъ бы ни такъ: „сказка о бѣломъ бычкѣ" начиналась сначала: „курилка" оппортунизма, оказывается, былъ пуще прежняго живъ и распространялъ свою заразу на добрую половину всей партіи. Мало того. Онъ захватилъ въ свои цѣпкія лапы родоначальницу русской соціальдемократіи — „Группу Освобожденія Труда". Въ результатѣ: „исключительные законы", „осадное положеніе", проскрипціонные списки и желѣзное кольцо уставныхъ нормъ и гарантій, предназначенное служить непроницаемой броней для столь подверженнаго зараженію организма нашей партіи. И въ концѣ концовъ, послѣ полуторагодичнаго „уставнаго" существованія надвигающійся расколъ по всей линіи.

Своеобразный „итогъ"! Когда „Искра" еще только зачиналась, была брошена въ оборотъ сакраментальная формула: необходимо размежеваться, прежде чѣмъ соединяться. И съ того дня и до настоящаго времени соціальдемократія занимается — въ потѣ лица своего — размежеваніемъ. Пять цѣлыхъ лѣтъ! И до сихъ поръ не видно конца краю этому ея упражненію. Она готова размежевываться до пульверизаціи и все не можетъ подойти къ обѣщанному формулой вожделѣнному моменту соединенія. Она размежевывается! — такъ больной, который бредитъ, готовъ сбросить съ себя все, и остаться въ чемъ мать родила, и разбить себѣ голову о стѣну, потому что внутренняя боль его тѣла, порожденія его больной головы, проектируются имъ на экранѣ сознанія, какъ вещи въ себѣ, какъ самостоятельныя причины его бѣдъ.

2.

Словъ нѣтъ, марксистообразная демократія стояла въ свое время надъ душой россійскаго соціальдемократическаго движенія, награждая его антиреволюціонной „трезвенной" умѣренностью", тѣмъ особымъ видомъ поссибилистской приспособляемости, который на ленинскомъ жаргонѣ назывался „хвостизмомъ" и иными, столь же мало похвальными свойствами, но во первыхъ, *этотъ* типъ буржуазно-демократическаго вліянія, какъ я уже сказалъ, сошелъ почти на нѣтъ къ началу 900-хъ годовъ, съ наступленіемъ эры демонстрацій, террористическихъ настроеній и общаго революціонизированія демократической интеллигенціи, а во вторыхъ, — и это главное — даже единичный примѣръ этого буржуазно-демократическаго повѣтрія долженъ былъ бы, казалось, вплотную подвести насъ къ проклятому вопросу: почему же россійская соціальдемократія столь чувствительна къ повѣтріямъ, отчего нѣтъ въ ней устойчивости, отчего гнется она, точно стебель, колеблемый вѣтромъ, изъ стороны въ сторону. А подойти къ вопросу значило себѣ уяснить, что представляетъ собою соціальдемократія, какова та среда, тотъ общественный комплексъ, который у насъ, въ Россіи, впитываетъ въ себя, преломляетъ въ призмѣ своей психологіи, интерпретируетъ, комментируетъ, перерабатываетъ сообразно своему „естеству" въ политическіе лозунги, въ тактическія директивы, въ организаціонные „планы" — великое ученіе международнаго пролетаріата. Или, иначе говоря: что включаетъ въ себя тотъ революціонный, соціальдемократическій остатокъ, который получается за вычетомъ всего чужероднаго послѣ самаго что ни на есть скрупулезнаго отцѣживанія зараженныхъ или хотя бы только сомнительныхъ элементовъ.

Немногія исключенія не въ счетъ, въ этомъ революціонномъ соціальдемократическомъ остаткѣ оказывается все та же интеллигенція.

Но въ томъ то и дѣло, что эта кардинальная и въ своемъ родѣ роковая особенность россійской соціальдемократіи долгіе годы принадлежала къ числу тѣхъ истинъ, о которыхъ не принято говорить, которыя въ лучшемъ случаѣ пользуются полупризнаніемъ и изъ которыхъ во всякомъ случаѣ не дѣлается какихъ либо практическихъ выводовъ. Если одни отъ нея просто отмахивались, то другіе готовы были даже отрицать самый фактъ, казалось бы, неоспоримый. Неудивительно, конечно, что въ настоящіе дни литература Галерки оспариваетъ эту очевидность — на то она и литература Галерки, — но гораздо болѣе удивительно и достойно вниманія, что еще въ 1900 году признаніе интеллигентскаго par excellence состава соціальдемократіи принималось за что то почти еретическое, и это въ то время, когда сознательный пролетарій въ еще большей степени, чѣмъ даже теперь, представлялъ собою rara avis, рѣдкую диковину партійнаго міра. Такъ, я помню хорошо, съ какимъ неудовольствіемъ былъ встрѣченъ иными тотъ тезисъ статьи „Что случилось", который гласилъ: „марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ опредѣленной части русской интеллигенціи, такимъ же кровнымъ ея дѣтищемъ, какъ и знаменитое движеніе 70-хъ годовъ".

Тезисъ былъ непріятенъ: онъ мѣшалъ упрощенному пониманію задачъ нашей партіи, онъ вводилъ въ уравненіе лишнее слагаемое и ставилъ въ упоръ проблему о томъ, какъ согласить преобладающе-интеллигентскій составъ движенія съ его марксистскимъ, а слѣдовательно и соціальдемократическимъ характеромъ; онъ подымалъ тревожную мысль, не преобразуетъ ли можетъ совершить свою историческую миссію сверженія самодержавія". И она пошла къ пролетаріату.

---

*) См. „Искра", № 78.

Часть ея оставалась внѣ его: въ красныхъ крестахъ, въ легально-марксистскихъ журналахъ, въ сочувствующихъ и содѣйствующихъ группахъ. Другая часть стала проникать въ ряды самого пролетаріата, въ его авангардъ — соціальдемократію, примыкать къ ея интеллигенціи.

Но эти новые пришельцы уже не походили на старыхъ интеллигентовъ-революціонеровъ.

Тѣ сначала идеализировали рабочій народъ вообще, потомъ пролетаріатъ, проникались его интересами, стали на его классовую точку зрѣнія.

Эти были проникнуты исключительно *своими* классовыми идеалами, а въ пролетаріатѣ видѣли только необходимое орудіе для ихъ осуществленія.

Тѣ были соціалистами, соціальдемократами. Эти — якобинцы, связанные съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы.

Естественно, что притокъ къ организованному пролетаріату этихъ новыхъ, по существу чуждыхъ ему элементовъ, отразился на дальнѣйшемъ ходѣ соціальдемократической работы и увлекъ въ сторону наименѣе устойчивую, наименѣе сознательную часть соціальдемократической интеллигенціи и даже рабочихъ.

И это уклоненіе носитъ на себѣ явный отпечатокъ той особой, непролетарской психологіи, которую внесли въ соціальдемократію новые пришельцы.

Обще-демократическіе интересы, борьба за демократическую республику противъ самодержавія стали выдвигаться на первое мѣсто, какъ *главнѣйшая*, чуть ли не единственная задача соціальдемократіи, а чисто пролетарскіе интересы, интересы пролетаріата, какъ *класса*, и борьба за нихъ отодвигались на задній планъ, играя роль чего-то подчиненнаго, подсобнаго. Болѣе того, — находили возможнымъ и нужнымъ тормозить отдѣльныя проявленія этой борьбы, если казалось, что они не совпадаютъ съ общедемократической задачей даннаго момента. Такъ, нѣкоторыя видныя организаціи, называвшія себя соціальдемократическими, вступили даже въ открытую борьбу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ, стараясь остановить стачечное движеніе его, направленное противъ *его* враговъ.

Наряду съ этимъ, въ литературѣ, носящей заголовокъ С.-Д. Р. Партіи съ девизомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" — дѣлались усиленныя попытки набросить вуаль на антагонизмъ классовыхъ интересовъ, на законность и безпрерывную необходимость классовой борьбы. Это не было откровеннымъ бернштейніанскимъ отрицаніемъ обостренія классовыхъ противорѣчій. Нѣтъ, о классовомъ самосознаніи пролетаріата упоминалось постоянно и въ выноскахъ и въ скобкахъ. Но тутъ же пролетаріатъ регулярно ставился на одну доску съ крестьянствомъ въ широкомъ смыслѣ слова, говорилось о цѣлесообразности и своевременности „боевого соглашенія" съ буржуазно-демократическими революціонными партіями, — „ибо въ ближайшей цѣли борьбы нѣтъ ничего соціалистическаго" („Впередъ" № 7).

Но особенно духъ новыхъ пришельцевъ сказался въ отношеніи къ пролетаріату, какъ къ слѣпому орудію въ рукахъ „руководителей", какъ къ пушечному мясу въ грядущей буржуазной революціи.

Пока учителя еще прикрывали свои грѣшныя тѣла чужимъ платьицемъ соціальдемократической терминологіи, ученики съ увлеченіемъ неофитовъ не стѣсняются выставлять ихъ на показъ и прямо говорятъ о политическомъ переворотѣ, произведенномъ, „опираясь на *готовую къ повиновенію*... рабочую массу". Руководители намекаютъ на „толпу, лишенную самостоятельныхъ тенденцій къ историческому развитію" и восхваляютъ пролетарскую склонность къ „дисциплинѣ". Ученики имъ объясняютъ, что это за „дисциплина" и на какой предметъ: караси любятъ, чтобъ ихъ жарили въ сметанѣ.

Одинъ изъ героевъ Горькаго говоритъ о россійскихъ буржуазныхъ интеллигентахъ — „дачникахъ" жизни:

— Сору-то сколько... Черти! Въ родѣ гулящихъ эти дачники... появятся, насорятъ, — и нѣтъ ихъ... а ты послѣ ихняго житья разбирай, подметай!

Господа буржуазные интеллигенты-якобинцы чувствуютъ себя, очевидно, въ нашей партіи, словно на дачѣ. Вчера еще они ограничивались писательствомъ въ легальныхъ журналахъ, чтеніемъ рефератовъ на литературныя темы, раздѣляли свои платоническія симпатіи между с.-д. и с.-р.

Сегодня они появились въ „рабочей" партіи, появились и насорили: раскололи партію на части, раскассировали и раскостили хозяина партіи — пролетаріатъ, предложили ему пойти къ нимъ на выучку.

Пребываніе ихъ, конечно, не можетъ быть здѣсь продолжительнымъ: они съѣдутъ съ дачи. Они уже теперь намѣтили день и способъ отъѣзда.

Надо прежде всего организовать революцію такъ, чтобы пролетаріатъ могъ вынести ее на своихъ плечахъ, а ихъ — дачниковъ къ „хотя бы временному" захвату власти. Тогда имъ легко будетъ принять мѣры, чтобы пролетаріатъ не „опозорилъ себя", не оказался „революціоннѣе всѣхъ" — революціоннѣе, чѣмъ это требуется для упроченія власти буржуазіи. Тогда имъ легко будетъ открыто бороться противъ „провокаціи", толкающей пролетаріатъ на дальнѣйшую борьбу за свои интересы, на борьбу съ буржуазнымъ обществомъ въ его новой стадіи, съ его новымъ политическимъ представителемъ — „временнымъ правительствомъ".

Вслушиваешься въ эти вожделѣнія и эти опасенія, и начинаешь понимать, что скрывается за возгласомъ: „да здравствуетъ демократическая республика!", которымъ упорно и принципіально ограничиваются дачники-якобинцы въ своихъ новыхъ воззваніяхъ.

Вспоминается демократическая республика Франція. Мильеранъ у власти. Фурми, Шалонъ, Мартиника... Крезо. Недавній Лиможъ...

Но, чтобы свободнѣй имъ было распоряжаться пролетаріатомъ и его силами, имъ надо теперь уже удобно и прочно расположиться въ его „рабочей" партіи, какъ у себя дома.

И вотъ они устраиваютъ съѣздъ, который хотятъ назвать партійнымъ, но который, на самомъ дѣлѣ, будетъ только *ихъ* съѣздомъ, набраннымъ *ими*, составленнымъ на половину изъ нихъ. На этомъ съѣздѣ не будетъ представлена большая половина партіи. Будутъ подставныя лица, делегаты гнилыхъ организацій — организацій, существующихъ только на бумагѣ, делегаты, ничѣмъ не связанные съ тѣми организаціями, отъ имени которыхъ они выступаютъ. Крупнѣйшіе центры окажутся въ такомъ положеніи.

Можно заранѣе видѣть, что пролетаріатъ будетъ играть въ этомъ съѣздѣ такую же роль, какую ему готовило правительство въ комедіи Шидловскаго: роль безсловеснаго лица, поставленнаго для фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Ну, что-жъ! Тѣмъ лучше для нихъ: они окажутся хозяевами. Тѣмъ легче будетъ имъ вычеркнуть изъ партійной программы все то, что еще связано съ ея классовымъ пролетарскимъ характеромъ.

Этотъ съѣздъ могъ бы быть „законнымъ" и „партійнымъ" при одномъ только условіи: быть *учредительнымъ* съѣздомъ новой партіи, которая не будетъ имѣть уже нравственнаго права называть себя ни соціальдемократической, ни рабочей.

Но они на это не пойдутъ. Имъ нѣтъ никакого разсчета покидать такъ рано мѣсто, на которомъ они только что собрались усѣсться поудобнѣй.

Они постараются устроить этотъ съѣздъ — пикникъ въ свое удовольствіе.

А ты, пролетаріатъ, „послѣ ихняго житья разбирай! Подметай!.."

Къ счастью, опасность только въ этомъ: ничего худшаго они не могутъ сдѣлать.

Какъ ни увѣрены они въ своихъ силахъ руководителей, какъ ни разсчитываютъ они на „дисциплину" пролетаріата, имъ не удастся уже ни затемнить его классоваго самосознанія, ни повернуть его движеніе лѣвымъ плечомъ впередъ.

Вчера еще они гордо называли себя „большинствомъ". Сегодня это названіе звучитъ злою насмѣшкой надъ ними.

Развратить двухъ-трехъ интеллигентовъ, принципіально не выдержанныхъ и еще не сжившихся съ классовой точкой зрѣнія пролетаріата, обмануть десятокъ-другой пролетаріевъ, увлекшихся чистой политикой — вотъ все, что сулитъ имъ завтрашній день.

И тогда, — когда они увидятъ, что партія пролетаріата не даетъ имъ желанныхъ тріумфовъ, что, напротивъ того, они сами, „неразрывно связавъ себя съ организаціей пролетаріата", вынуждены порой итти противъ своего собственнаго класса, — тогда они поднимутъ забрало и явятся предъ нами въ своемъ природномъ видѣ якобинцевъ tout court, безъ всякихъ стѣснительныхъ для нихъ оговорокъ.

О. Лушинъ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И БУРЖУАЗНО-РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПАРТІИ.

Въ „Vorwärts"'ѣ помѣщены свѣдѣнія о новой конференціи различныхъ революціонныхъ партій, имѣвшей мѣсто недавно. Конференція была созвана „отцомъ" Гапономъ, который, повидимому, начинаетъ серьезно смотрѣть на себя, какъ на призваннаго „объединителя" революціонныхъ силъ. Приглашеніе отъ Г. Гапона, который, кстати сказать, снова облекся въ священническую рясу (см. только что изданную Партіей С.-Р. листовку „Священника Г. Гапона ко всему крестьянскому люду воззваніе"), было прислано и намъ. Совѣтъ партіи, не входя въ обсужденіе поставленныхъ конференціи задачъ и ея состава, ограничился въ своемъ отвѣтѣ Гапону указаніемъ на безнадежность такихъ попытокъ соглашенія различныхъ политическихъ партій, которыя исходятъ отъ отдѣльной личности, стоящей „надъ партіями". Отъ участія въ конференціи, созываемой отдѣльнымъ лицомъ, притомъ, вообще, слишкомъ недавно примкнувшимъ къ борьбѣ съ царизмомъ, Совѣтъ отказался. Это, конечно, не могло помѣшать конференціи состояться.

О своемъ отвѣтѣ Совѣтъ оповѣстилъ всѣ остальныя, приглашенныя Г. Гапономъ, организаціи. Къ сожалѣнію, не всѣ соц.-дем. организаціи поступили такъ же; къ сожалѣнію, ни одна изъ тѣхъ, которыя пожелали дѣйствовать въ данномъ случаѣ иначе, чѣмъ дѣйствовали соціальдемократы по отношенію къ такой же конференціи прошлаго лѣта, не пожелала предложить остальнымъ (по крайней мѣрѣ, Р. С.-Д. Р. П.) установить общую тактику. Съ непріятнымъ изумленіемъ мы прочли въ „Vorwärts"'ѣ, что представители *Латышской* соц.-дем. партіи и „Бунда" явились на конференцію, созванную Гапономъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что не задолго передъ тѣмъ обѣ эти организаціи на конференціи, установившей соглашеніе между различными соц.-дем. партіями, подписались подъ слѣдующими строками:

„... Мы считаемъ невозможнымъ вступать съ буржуазными партіями въ союзы, имѣющіе цѣлью использовать всѣ силы пролетаріата въ интересахъ буржуазнаго переустройства, такъ какъ такое использованіе означало бы растворение соціальдемократическаго движенія въ движеніи демократическомъ и обращеніе пролетаріата изъ самостоятельной политической силы въ орудіе борьбы демократической буржуазіи съ самодержавіемъ". „... Но соціальдемократія, въ интересахъ освободительной борьбы рабочаго класса, не отказывается *въ отдѣльныхъ актахъ борьбы* (курсивъ нашъ) отъ согласованныхъ дѣйствій съ буржуазными партіями"... (Революція о соглашеніяхъ съ либеральными и демократическими партіями, см. № 89 „Искры").

Между тѣмъ, программа той конференціи, на которую приглашалъ Г. Гапонъ, шла гораздо дальше согласованныхъ дѣйствій „въ отдѣльныхъ актахъ борьбы" и имѣла въ виду *политическій союзъ* на почвѣ ряда програмныхъ рѣшеній.

Замѣтимъ тутъ же, что Латышская соц.-дем. партія уже не въ первый разъ поступаетъ столь... страннымъ образомъ. Подписавъ сообща съ другими соц.-дем. партіями общій текстъ отказа отъ участія въ парижской конференціи прошлаго лѣта, она вслѣдъ затѣмъ.... отрядила на эту конференцію своего делегата. Думаютъ ли латышскіе товарищи, что подобный образъ дѣйствій можетъ способствовать прочному сближенію соц.-дем. партій разныхъ національностей Россіи?

Вмѣстѣ съ „Бундомъ" и Латышской партіей, на Гапоновскую конференцію явилась и „армянская соц.-дем. рабочая организація", которая незадолго до того присоединилась къ резолюціямъ, принятымъ на конференціи соціальдемократическихъ партій и организацій.

Наконецъ, на зовъ Гапона откликнулись и „впередовцы", которые также прислали своего делегата. Въ какой роли выступали они, спроситъ читатель, наканунѣ того „партійнаго съѣзда", на которомъ они собирались формулировать волю нашей партіи? Были ли они уполномочены этой партіей замѣстить на конференціи ея оффиціальный центръ—Совѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Въ приглашеніи, разосланномъ Гапономъ, имѣлось перечисленіе приглашаемыхъ на конференцію партій, и Р. С.-Д. Р. П. фигурировала въ этомъ перечнѣ дважды: одинъ разъ съ отмѣткой въ скобкахъ: „фракція Искры", другой разъ со словами: „фракція Впередъ". Совѣтъ, не зная, что „Впередъ" признаетъ себя особой и самостоятельной фракціей, отнесъ эти термины на счетъ неосвѣдомленности „отца" Гапона въ партійныхъ отношеніяхъ и отвѣчалъ ему въ качествѣ представителя всей партіи. „Впередовцы" откликнулись въ качествѣ отдѣльной *фракціи*, и въ этой же роли явились на конференцію. Оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о характерномъ для новой фракціи стремленіи начать свою политическую карьеру съ угодливаго визита къ гг. Гарденинымъ и tutti quanti, мы должны заклеймить презрѣніемъ лицемѣрную политику группы, которая одновременно выступаетъ передъ стоящими внѣ пролетаріата партіями въ роли фракціи, ничѣмъ не связанной по отношенію къ Р. С.-Д. Р. П. въ цѣломъ, а передъ самой Р. С.-Д. Р. П. фигурируетъ въ роли представительницы ея „большинства". Двусмысленность дѣйствій этой группы достаточно обрисовывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ о всѣхъ шагахъ Совѣта, связанныхъ съ Гапоновской конференціей, редакція Ц. О., по порученію Совѣта, немедленно освѣдомила партійныя организаціи (въ печатномъ бюллетенѣ), о принятіи группой „Впередъ" приглашенія на конференцію до сихъ поръ партійныя организаціи не были увѣдомлены (по крайней мѣрѣ, то ихъ громадное большинство, которое не имѣетъ чести принадлежать къ организаціи „бюро большинства").

Итакъ, четыре „фракціи" соц.-демократовъ явились на странную конференцію, задачей которой было дать возможность бывшему предсѣдателю „общества русскихъ рабочихъ" осчастливить революціонныя партіи объединеніемъ ихъ борьбы.

А затѣмъ... затѣмъ начался водевиль самаго веселаго свойства.

Явившись на конференцію, представители четырехъ указанныхъ соціальдемократическихъ организацій увидали, въ числѣ

общественый слой, извѣстный подъ именемъ интеллигенціи, пролетарскаго ученія на свой ладъ, подъ цвѣтъ своей общественной физіономіи. Гдѣ гарантіи того, что всѣ его интеллигентски-партійныя постройки служатъ не только запросамъ и цѣлямъ интеллигенціи, но и дѣйствительно отвѣчаетъ интересамъ рабочаго движенія въ его цѣломъ. Неужели только въ томъ, что представители этого общественнаго слоя субъективно вѣрны революціонному ученію Маркса. Эти сомнѣнія стояли предо мной во всей своей грозной реальности, и я не могъ отдѣлаться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ попытки найти для себя удовлетворительный отвѣтъ въ анализѣ того общественнаго содержанія, той групповой психологіи, съ которыми революціонно-настроенная русская разночинная интеллигенція выступаетъ на сценѣ исторіи. Одно изъ двухъ: или это содержаніе въ своихъ рѣшающихъ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ пролетарскаго движенія и тогда есть *оправданіе* россійской соціальдемократіи, тогда можно не бояться ея „интеллигентности", или оно съ нимъ не совпадаетъ и въ такомъ случаѣ—годны на свалку всѣ наши усилія: „интеллигентская стихія", не введенная въ границы сознательнымъ пролетаріатомъ, рано или поздно проложитъ свое собственное русло и дастъ себя знать во всей своей групповой особности. Или — или! tertium non datur! „Что случилось" рѣшало вопросъ въ пользу русской интеллигенціи, оно намѣчало элементы въ ея психологіи, сближающіе ее съ пролетаріатомъ, и ставило оптимистическій прогнозъ для дальнѣйшей ея дѣятельности. Именно за это какой то борзописецъ изъ „Впередъ" и обругалъ меня недавно, заявивъ, что лишь *я*, молъ, одинъ и переоцѣниваю такъ интеллигенцію. Неблагодарный, онъ не понималъ, что только эта моя будто бы переоцѣнка и придавала извѣстный еще смыслъ его собственному существованію.

Разумѣется, я ничего не переоцѣнивалъ, но я, если угодно, не дооцѣнилъ въ свое время — вмѣстѣ со всѣми своими единомышленниками — тѣхъ особенностей въ общественномъ складѣ революціонной интеллигенціи, которыя должны были неизбѣжно идти на перекоръ нормальному развитію соціальдемократіи. Эта недоцѣнка, однако, была не простою случайностью, тѣмъ менѣе индивидуальной ошибкой. Въ то время, пять лѣтъ тому назадъ, революціонно-интеллигентскій типъ начиналъ только вновь формироваться, послѣ многолѣтняго перерыва реакціи, и отдѣльныя черты его, разсѣянныя по разрозненнымъ кружкамъ, были въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и сами кружки, лишь чисто номинально объединенныя незадолго до того въ единую соціальдемократическую партію. Да и кружки того времени — эта колыбель интеллигентскаго революціонизма—представляли собою точки скрещенія противоположныхъ вліяній: въ нихъ подполье сочеталось причудливымъ образомъ съ тѣмъ фальсификатомъ марксизма, которымъ надѣлали имъ тогдашніе легальные писатели, въ соотвѣтствіи моменту предреволюціоннаго затишья. Если уже тогда что бросалось въ глаза, такъ это развѣ та примитивность въ методахъ мышленія, та специфическая куцость пониманія и особенно примѣненію Марксова ученія къ явленіямъ дѣйствительности, которыя курсировали въ подпольныхъ кружкахъ, но которыя невозможно было поставить еще въ связь съ какой либо опредѣленной политической доктриной. Легко, конечно, въ настоящее время, давая ретроспективный обзоръ нашего прошлаго устанавливать близость, родство и преемство между легальнымъ бутономъ и нелегальнымъ цвѣткомъ, между извѣстнымъ оттѣнкомъ подцензурнаго русскаго марксизма и нѣкоторыми послѣдующими явленіями соціальдемократической исторіи; и трудно — немыслимо было тогда, когда и вся то россійская соціальдемократія, едва выйдя изъ рамокъ борьбы съ идеями народничества и вопросовъ о наилучшихъ пріемахъ агитаціи, еще только вступала на путь организаціоннаго строительства и широкой партійной политики. Какъ бы то ни было, но мы уже не можемъ теперь игнорировать это преемство и для того, чтобы понять интеллигентскій революціонизмъ въ его quasi — соціальдемократическомъ обличьѣ, должны вернуться къ начальнымъ его, эмбріональнымъ, стадіямъ, къ той фазѣ его развитія, когда кружковая подпольная жизнь, накладывая первые штрихи свои на ученіе Маркса, залагала основы его идеологіи.

3.

Когда у насъ говорятъ о легальномъ русскомъ марксизмѣ — я разумѣю, конечно, марксизмъ 90-хъ годовъ, а не современный „реалистическій" марксизмъ эпигоновъ,—то имѣютъ, обычно, въ виду марксизмъ двоякаго рода: съ одной стороны, марксизмъ русской буржуазной демократіи, марксизмъ г. Струве и его присныхъ, и съ другой, тотъ революціонный, подлинный марксизмъ, взрощенный въ атмосферѣ международнаго идейнаго общенія и пролетарской борьбы, который, какъ бомба ворвался вмѣстѣ съ знаменитымъ памфлетомъ Плеханова-Бельтова въ литературную обстановку того времени. Но при этомъ непремѣнно забываютъ, что отечественный марксизмъ включалъ въ себя и третью еще разновидность: марксизмъ кружковаго подполья. Это былъ, на первый взглядъ, малозамѣтный, тусклый, уродливый порою образчикъ марксизма, скромно ютившійся подъ крыломъ ортодоксіи, но за этой неприглядною внѣшностью, таилась связь съ революціонно-интеллигентской средой въ существѣ своемъ болѣе глубокая, чѣмъ какой когда либо достигалъ неподдѣльный международный марксизмъ. Не авторъ „Монистическаго взгляда на исторію", во всемъ блескѣ своемъ дарованія, а гг. Тулинъ и Влад. Ильинъ съ ихъ схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами, настойчиво впивавшимися даже въ самыя неподатливыя головы, безконечно повторяясь и переворачиваясь на разные лады, выражали сокровенную суть опредѣленной части россійской интеллигенціи. Они были кость отъ кости ея и плоть отъ ея плоти. Они говорили ея языкомъ и пользовались ея аргументами. Они служили нагляднымъ показателемъ того, что, могло быть усвоено и что должно было быть сдѣлано изъ Марксова ученія революціонно-интеллигентской кружковщиной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ болѣе разительное противорѣчіе, болѣе вопіющее несоотвѣтствіе, чѣмъ то, которое было между революціоннымъ марксизмомъ и средой, въ наличныхъ русскихъ условіяхъ собиравшейся его воспринимать и дальше пускать въ оборотъ. Достаточно вспомнить для этого основную традиціонную ячейку радикальной и революціонно настроенной интеллигенціи, лабораторію ея мысли — дискусіонный кружокъ, изъ элементовъ котораго и выростаетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, активно-революціонная коллективность. Это цѣльный въ своемъ родѣ организмъ, довлѣющій себѣ, живущій въ особомъ мірkѣ усвоенныхъ идей и собственныхъ доморощенныхъ построеній, состоящій изъ людей, либо въ жизнь еще не вошедшихъ (если это кружокъ совсѣмъ юной молодежи), либо уже отгороженныхъ, отщепленныхъ отъ жизни условіями полицейскаго государства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это одинъ изъ островковъ въ безбрежномъ пространствѣ политически-аморфнаго общества, въ которомъ даже самыя значительныя измѣненія совершаются гдѣ-то въ глубинѣ, подъ спудомъ наружнаго безразличія. Естественно поэтому, что это общество, надѣляя своихъ интеллигентныхъ отщепенцевъ жгучей ненавистью къ себѣ, щедро надѣляло ихъ въ то же время своей собственной соціально-политической неразвитостью и соотвѣтственной безпомощностью въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри его процессовъ. Интеллигентски-кружковая среда, относительно сильная въ талмудистскомъ толкованіи какой угодно доктрины, среда, мысль которой свободно себя чувствуетъ въ ограниченномъ догмою кругѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ положеній, обязательно пасуетъ всякій разъ, когда ей надлежитъ за собственный страхъ разобраться въ категоріяхъ общественности, когда ей дается не готовый рецептъ на всѣ случаи жизни, а лишь методъ, при посредствѣ котораго она должна на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и своего собственнаго опыта, по личному разумѣнію, направлять остріе своего анализа. Слишкомъ скуденъ ея опытъ и слишкомъ ничтожны наблюденія! Неудивительно, если ея жизненная выучка оказалась въ конецъ несостоятельной передъ тѣмъ испытаніемъ, которое поставило передъ ней матеріалистическое пониманіе исторіи. Интеллигентски-кружковой средѣ были впору соціологія Миртова, формула прогресса Михайловскаго, но отнюдь не то ученіе, которое родилось и окрѣпло въ привольѣ широкой борьбы, на просторѣ, гдѣ движутся массы и сплетаможетъ совершить свою историческую миссію сверженія самодержавія". И она пошла къ пролетаріату.

Часть ея оставалась внѣ его: въ красныхъ крестахъ, въ легально-марксистскихъ журналахъ, въ сочувствующихъ и содѣйствующихъ группахъ. Другая часть стала проникать въ ряды самого пролетаріата, въ его авангардъ — соціальдемократію, примыкать къ ея интеллигенціи.

Но эти новые пришельцы уже не походили на старыхъ интеллигентовъ-революціонеровъ.

Тѣ сначала идеализировали рабочій народъ вообще, потомъ пролетаріатъ, проникались его интересами, стали на его классовую точку зрѣнія.

Эти были проникнуты исключительно *своими* классовыми идеалами, а въ пролетаріатѣ видѣли только необходимое орудіе для ихъ осуществленія.

Тѣ были соціалистами, соціальдемократами. Эти — якобинцы, связанные съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы.

Естественно, что притокъ къ организованному пролетаріату этихъ новыхъ, по существу чуждыхъ ему элементовъ, отразился на дальнѣйшемъ ходѣ соціальдемократической работы и увлекъ въ сторону наименѣе устойчивую, наименѣе сознательную часть соціальдемократической интеллигенціи и даже рабочихъ.

И это уклоненіе носитъ на себѣ явный отпечатокъ той особой, непролетарской психологіи, которую внесли въ соціальдемократію новые пришельцы.

Обще-демократическіе интересы, борьба за демократическую республику противъ самодержавія стали выдвигаться на первое мѣсто, какъ *главнѣйшая*, чуть ли не единственная задача соціальдемократіи, а чисто пролетарскіе интересы, интересы пролетаріата, какъ *класса*, и борьба за нихъ отодвигались на задній планъ, играя роль чего-то подчиненнаго, пособнаго. Болѣе того, — находили возможнымъ и нужнымъ тормозить отдѣльныя проявленія этой борьбы, если казалось, что они не совпадаютъ съ общедемократической задачей даннаго момента. Такъ, нѣкоторыя видныя организаціи, называвшія себя соціальдемократическими, вступили даже въ открытую борьбу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ, стараясь остановить стачечное движеніе его, направленное противъ *его* враговъ.

Наряду съ этимъ, въ литературѣ, носящей заголовокъ С.-Д. Р. Партіи съ девизомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" — дѣлались усиленныя попытки набросить вуаль на антагонизмъ классовыхъ интересовъ, на законность и безпрерывную необходимость классовой борьбы. Это не было откровеннымъ бернштейніанскимъ отрицаніемъ обостренія классовыхъ противорѣчій. Нѣтъ, о классовомъ самосознаніи пролетаріата упоминалось постоянно и въ выноскахъ и въ скобкахъ. Но тутъ же пролетаріатъ регулярно ставился на одну доску съ крестьянствомъ въ широкомъ смыслѣ слова, говорилось о цѣлесообразности и своевременности „боевого соглашенія" съ буржуазно-демократическими революціонными партіями, — „ибо въ ближайшей цѣли борьбы нѣтъ ничего соціалистическаго" („Впередъ" № 7).

Но особенно духъ новыхъ пришельцевъ сказался въ отношеніи къ пролетаріату, какъ къ слѣпому орудію въ рукахъ „руководителей", какъ къ пушечному мясу въ грядущей буржуазной революціи.

Пока учителя еще прикрывали свои грѣшныя тѣла чужимъ платьицемъ соціальдемократической терминологіи, ученики съ увлеченіемъ неофитовъ не стѣсняются выставлять ихъ на показъ и прямо говорятъ о политическомъ переворотѣ, произведенномъ, „опираясь на *готовую къ повиновенію*... рабочую массу". Руководители намекаютъ на „толпу, лишенную самостоятельныхъ тенденцій къ историческому развитію" и восхваляютъ пролетарскую склонность къ „дисциплинѣ". Ученики имъ объясняютъ, что это за „дисциплина" и на какой предметъ: караси любятъ, чтобъ ихъ жарили въ сметанѣ.

Одинъ изъ героевъ Горькаго говоритъ о россійскихъ буржуазныхъ интеллигентахъ — „дачникахъ" жизни:

— Сору-то сколько... Черти! Въ родѣ гулящихъ эти дачники... появятся, насорятъ, — и нѣтъ ихъ... а ты послѣ ихняго житья разбирай, подметай!

Господа буржуазные интеллигенты-якобинцы чувствуютъ себя, очевидно, въ нашей партіи, словно на дачѣ. Вчера еще они ограничивались писательствомъ въ легальныхъ журналахъ, чтеніемъ рефератовъ на литературныя темы, раздѣляли свои платоническія симпатіи между с.-д. и с.-р.

Сегодня они появились въ „рабочей" партіи, появились и насорили: раскололи партію на части, раскассировали и раскостили хозяина партіи — пролетаріатъ, предложили ему пойти къ нимъ на выучку.

Пребываніе ихъ, конечно, не можетъ быть здѣсь продолжительнымъ: они съѣдутъ съ дачи. Они уже теперь намѣтили день и способъ отъѣзда.

Надо прежде всего организовать революцію такъ, чтобы пролетаріатъ могъ вынести ее на своихъ плечахъ, а ихъ — дачниковъ къ „хотя бы временному" захвату власти. Тогда имъ легко будетъ принять мѣры, чтобы пролетаріатъ не „опозорилъ себя", не оказался „революціоннѣе всѣхъ" — революціоннѣе, чѣмъ это требуется для упроченія власти буржуазіи. Тогда имъ легко будетъ открыто бороться противъ „провокаціи", толкающей пролетаріатъ на дальнѣйшую борьбу за свои интересы, на борьбу съ буржуазнымъ обществомъ въ его новой стадіи, съ его новымъ политическимъ представителемъ — „временнымъ правительствомъ".

Вслушиваешься въ эти вожделѣнія и эти опасенія, и начинаешь понимать, что скрывается за возгласомъ: „да здравствуетъ демократическая республика!", которымъ упорно и принципіально ограничиваются дачники-якобинцы въ своихъ новыхъ воззваніяхъ.

Вспоминается демократическая республика Франція. Мильеранъ у власти. Фурми, Шалонъ, Мартиника... Крезо. Недавній Лиможъ...

Но, чтобы свободнѣй имъ было распоряжаться пролетаріатомъ и его силами, имъ надо теперь уже удобно и прочно расположиться въ его „рабочей" партіи, какъ у себя дома.

И вотъ они устраиваютъ съѣздъ, который хотятъ назвать партійнымъ, но который, на самомъ дѣлѣ, будетъ только *ихъ* съѣздомъ, набраннымъ *ими*, составленнымъ на половину изъ нихъ. На этомъ съѣздѣ не будетъ представлена большая половина партіи. Будутъ подставныя лица, делегаты гнилыхъ организацій — организацій, существующихъ только на бумагѣ, делегаты, ничѣмъ не связанные съ тѣми организаціями, отъ имени которыхъ они выступаютъ. Крупнѣйшіе центры окажутся въ такомъ положеніи.

Можно заранѣе видѣть, что пролетаріатъ будетъ играть въ этомъ съѣздѣ такую же роль, какую ему готовило правительство въ комедіи Шидловскаго: роль безсловеснаго лица, поставленнаго для фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Ну, что-жъ! Тѣмъ лучше для нихъ: они окажутся хозяевами. Тѣмъ легче будетъ имъ вычеркнуть изъ партійной программы все то, что еще связано съ ея классовымъ пролетарскимъ характеромъ.

Этотъ съѣздъ могъ бы быть „законнымъ" и „партійнымъ" при одномъ только условіи: быть *учредительнымъ* съѣздомъ новой партіи, которая не будетъ имѣть уже нравственнаго права называть себя ни соціальдемократической, ни рабочей.

Но они на это не пойдутъ. Имъ нѣтъ никакого разсчета покидать такъ рано мѣсто, на которомъ они только что собрались усѣсться поудобнѣй.

Они постараются устроить этотъ съѣздъ — пикникъ въ свое удовольствіе.

А ты, пролетаріатъ, „послѣ ихняго житья разбирай! Подметай!.."

Къ счастью, опасность только въ этомъ: ничего худшаго они не могутъ сдѣлать.

Какъ ни увѣрены они въ своихъ силахъ руководителей, какъ ни разсчитываютъ они на „дисциплину" пролетаріата, имъ не удастся уже ни затемнить его классоваго самосознанія, ни повернуть его движеніе лѣвымъ плечомъ впередъ.

Вчера еще они гордо называли себя „большинствомъ". Сегодня это названіе звучитъ злою насмѣшкой надъ ними.

Развратить двухъ-трехъ интеллигентовъ, принципіально не выдержанныхъ и еще не сжившихся съ классовой точкой зрѣнія пролетаріата, обмануть десятокъ-другой пролетаріевъ, увлекшихся чистой политикой — вотъ все, что сулитъ имъ завтрашній день.

И тогда, — когда они увидятъ, что партія пролетаріата не даетъ имъ желанныхъ тріумфовъ, что, напротивъ того, они сами, „неразрывно связавъ себя съ организаціей пролетаріата", вынуждены порой итти противъ своего собственнаго класса, — тогда они поднимутъ забрало и явятся предъ нами въ своемъ природномъ видѣ якобинцевъ tout court, безъ всякихъ стѣснительныхъ для нихъ оговорокъ.

О. Лушинъ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И БУРЖУАЗНО-РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПАРТІИ.

Въ „Vorwärts"ѣ помѣщены свѣдѣнія о новой конференціи различныхъ революціонныхъ партій, имѣвшей мѣсто недавно. Конференція была созвана „отцомъ" Гапономъ, который, повидимому, начинаетъ серьезно смотрѣть на себя, какъ на призваннаго „объединителя" революціонныхъ силъ. Приглашеніе отъ Г. Гапона, который, кстати сказать, снова облекся въ священническую рясу (см. только что изданную Партіей С.-Р. листовку „Священника Г. Гапона ко всему крестьянскому люду воззваніе"), было прислано и намъ. Совѣтъ партіи, не входя въ обсужденіе поставленныхъ конференціи задачъ и ея состава, ограничился въ своемъ отвѣтѣ Гапону указаніемъ на безнадежность такихъ попытокъ соглашенія различныхъ политическихъ партій, которыя исходятъ отъ отдѣльной личности, стоящей „надъ партіями". Отъ участія въ конференціи, созываемой отдѣльнымъ лицомъ, притомъ, вообще, слишкомъ недавно примкнувшимъ къ борьбѣ съ царизмомъ, Совѣтъ отказался. Это, конечно, не могло помѣшать конференціи состояться.

О своемъ отвѣтѣ Совѣтъ оповѣстилъ всѣ остальныя, приглашенныя Г. Гапономъ, организаціи. Къ сожалѣнію, не всѣ соц.-дем. организаціи поступили также; къ сожалѣнію, ни одна изъ тѣхъ, которыя пожелали дѣйствовать въ данномъ случаѣ иначе, чѣмъ дѣйствовали соціальдемократы по отношенію къ такой же конференціи прошлаго лѣта, не пожелала предложить остальнымъ (по крайней мѣрѣ, Р. С.-Д. Р. П.) установить общую тактику. Съ непріятнымъ изумленіемъ мы прочли въ „Vorwärts"ѣ, что представители *Латышской* соц.-дем. партіи и „Бунда" явились на конференцію, созванную Гапономъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что не задолго передъ тѣмъ обѣ эти организаціи на конференціи установившей соглашеніе между различными соц.-дем. партіями, подписались подъ слѣдующими строками:

„... Мы считаемъ невозможнымъ вступать съ буржуазными партіями въ союзы, имѣющіе цѣлью использовать всѣ силы пролетаріата въ интересахъ буржуазнаго переустройства, такъ какъ такое использованіе означало бы раствореніе соціальдемократическаго движенія въ движеніи демократическомъ и обращеніе пролетаріата изъ самостоятельной политической силы въ орудіе борьбы демократической буржуазіи съ самодержавіемъ". „...Но соціальдемократія, въ интересахъ освободительной борьбы рабочаго класса, не отказывается *въ отдѣльныхъ актахъ борьбы* (курсивъ нашъ) отъ согласованныхъ дѣйствій съ буржуазными партіями"... (Резолюція о соглашеніяхъ съ либеральными и демократическими партіями, см. № 89 „Искры").

Между тѣмъ, программа той конференціи, на которую приглашалъ Г. Гапонъ, шла гораздо дальше согласованныхъ дѣйствій „въ отдѣльныхъ актахъ борьбы" и имѣла въ виду *политическій союзъ* на почвѣ ряда программныхъ рѣшеній.

Замѣтимъ тутъ же, что Латышская соц.-дем. партія уже не въ первый разъ поступаетъ столь... страннымъ образомъ. Подписавъ сообща съ другими соц.-дем. партіями общій текстъ отказа отъ участія въ парижской конференціи прошлаго лѣта, она вслѣдъ затѣмъ... отрядила на эту конференцію своего делегата. Думаютъ ли латышскіе товарищи, что подобный образъ дѣйствій можетъ способствовать прочному сближенію соц.-дем. партій разныхъ національностей Россіи?

Вмѣстѣ съ „Бундомъ" и Латышской партіей, на Гапоновскую конференцію явилась и „армянская соц.-дем. рабочая организація", которая незадолго до того присоединилась къ резолюціямъ, принятымъ на конференціи соціальдемократическихъ партій и организацій.

Наконецъ, на зовъ Гапона откликнулись и „впередовцы", которые также прислали своего делегата. Въ какой роли выступали они, спроситъ читатель, наканунѣ того „партійнаго съѣзда", на которомъ они собирались формулировать волю нашей партіи? Были ли они уполномочены этой партіей замѣстить на конференціи ея оффиціальный центръ—Совѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Въ приглашеніи, разосланномъ Гапономъ, имѣлось перечисленіе приглашаемыхъ на конференцію партій, и Р. С.-Д. Р. П. фигурировала въ этомъ перечнѣ дважды: одинъ разъ съ отмѣткой въ скобкахъ: „фракція Искры", другой разъ со словами: „фракція Впередъ". Совѣтъ, не зная, что „Впередъ" признаетъ себя особой и самостоятельной фракціей, отнесъ эти термины на счетъ неосвѣдомленности „отца" Гапона въ партійныхъ отношеніяхъ и отвѣчалъ ему въ качествѣ представителя всей партіи. „Впередовцы" откликнулись въ качествѣ отдѣльной *фракціи*, и въ этой же роли явились на конференцію. Оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о характерномъ для новой фракціи стремленіи начать свою политическую карьеру съ угодливаго визита къ гг. Гардениннымъ и tutti quanti, мы должны заклеймить презрѣніемъ лицемѣрную политику группы, которая одновременно выступаетъ передъ стоящими внѣ пролетаріата партіями въ роли фракціи, ничѣмъ не связанной по отношенію къ Р. С.-Д. Р. П. въ цѣломъ, а передъ самой Р. С.-Д. Р. П. фигурируетъ въ роли представительницы ея „большинства". Двусмысленность дѣйствій этой группы достаточно обрисовывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ о всѣхъ шагахъ Совѣта, связанныхъ съ Гапоновской конференціей, редакція Ц. О., по порученію Совѣта, немедленно освѣдомила партійныя организаціи (въ печатномъ бюллетенѣ), о принятіи группой „Впередъ" приглашенія на конференцію до сихъ поръ партійныя организаціи не были увѣдомлены (по крайней мѣрѣ, то ихъ громадное большинство, которое не имѣетъ чести принадлежать къ организаціи „бюро большинства").

Итакъ, четыре „фракціи" соц.-демократовъ явились на странную конференцію, задачей которой было дать возможность бывшему предсѣдателю „общества русскихъ рабочихъ" осчастливить революціонныя партіи объединеніемъ ихъ борьбы.

А затѣмъ... затѣмъ начался водевиль самаго веселаго свойства.

Явившись на конференцію, представители четырехъ указанныхъ соціальдемократическихъ организацій увидали, въ числѣ

общественый слой, извѣстный подъ именемъ интеллигенціи пролетарскаго ученія на свой ладъ, подъ цвѣтъ своей общественной физіономіи. Гдѣ гарантіи того, что всѣ его интеллигентски-партійныя постройки служатъ не только запросамъ и цѣлямъ интеллигенціи, но и дѣйствительно отвѣчаетъ интересамъ рабочаго движенія въ его цѣломъ. Неужели только въ томъ, что представители этого общественнаго слоя субъективно вѣрны революціонному ученію Маркса. Эти сомнѣнія стояли предо мной во всей своей грозной реальности, и я не могъ отдѣлаться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ попытки найти для себя удовлетворительный отвѣтъ въ анализѣ того общественнаго содержанія, той групповой психологіи, съ которыми революціонно настроенная русская разночинная интеллигенція выступаетъ на сценѣ исторіи. Одно изъ двухъ: или это содержаніе въ своихъ рѣшающихъ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ пролетарскаго движенія и тогда есть *оправданіе* россійской соціальдемократіи, тогда можно не бояться ея „интеллигентности", или оно съ нимъ не совпадаетъ и въ такомъ случаѣ—годны на смарку всѣ наши усилія: „интеллигентская стихія", не введенная въ границы сознательнымъ пролетаріатомъ, рано или поздно проложитъ свое собственное русло и дастъ себя знать во всей своей групповой особенности. Или — или! tertium non datur! „Что случилось" рѣшало вопросъ въ пользу русской интеллигенціи, оно намѣчало элементы въ ея психологіи, сближающіе ее съ пролетаріатомъ, и ставило оптимистическій прогнозъ для дальнѣйшей ея дѣятельности. Именно за это какой то борзописецъ изъ „Впередъ" и обругалъ меня недавно, заявивъ, что лишь *я*, молъ, одинъ и переоцѣниваю такъ интеллигенцію. Неблагодарный, онъ не понималъ, что только эта моя будто бы переоцѣнка и придавала извѣстный еще смыслъ его собственному существованію.

Разумѣется, я ничего не переоцѣнивалъ, но я, если угодно, не дооцѣнилъ въ свое время — вмѣстѣ со всѣми своими единомышленниками — тѣхъ особенностей въ общественномъ складѣ революціонной интеллигенціи, которыя должны были неизбѣжно идти на перекоръ нормальному развитію соціальдемократіи. Эта недооцѣнка, однако, была не простою случайностью, тѣмъ менѣе индивидуальной ошибкой. Въ то время, пять лѣтъ тому назадъ, революціонно-интеллигентскій типъ начиналъ только вновь формироваться, послѣ многолѣтняго перерыва реакціи, и отдѣльныя черты его, разсѣянныя по разрозненнымъ кружкамъ, были въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и сами кружки, лишь чисто номинально объединенныя незадолго до того въ единую соціальдемократическую партію. Да и кружки того времени — эта колыбель интеллигентскаго революціонизма—представляли собою точки скрещенія противоположныхъ вліяній: въ нихъ подполье сочеталось причудливымъ образомъ съ тѣмъ фальсификатомъ марксизма, которымъ надѣлали имъ тогдашніе легальные писатели, въ соотвѣтствіи моменту предреволюціоннаго затишья. Если уже тогда что бросалось въ глаза, такъ это развѣ та примитивность въ методахъ мышленія, та специфическая куцость пониманія и особенно примѣненію Марксова ученія къ явленіямъ дѣйствительности, которыя курсировали въ подпольныхъ кружкахъ, но которыя невозможно было поставить еще въ связь съ какой либо опредѣленной политической доктриной. Легко, конечно, въ настоящее время, давая ретроспективный обзоръ нашего прошлаго устанавливать близость, родство и преемство между легальнымъ бутономъ и нелегальнымъ цвѣткомъ, между извѣстнымъ оттѣнкомъ подцензурнаго русскаго марксизма и нѣкоторыми послѣдующими явленіями соціальдемократической исторіи; и трудно — немыслимо было тогда, когда и вся то россійская соціальдемократія, едва выйдя изъ рамокъ борьбы съ идеями народничества и вопросовъ о наилучшихъ пріемахъ агитаціи, еще только вступала на путь организаціоннаго строительства и широкой партійной политики. Какъ бы то ни было, но мы уже не можемъ теперь игнорировать это преемство и для того, чтобы понять интеллигентскій революціонизмъ въ его quasi — соціальдемократическомъ обличьѣ, должны вернуться къ начальнымъ его, эмбріональнымъ, стадіямъ къ той фазѣ его развитія, когда кружковая подпольная жизнь, накладывая первые штрихи свои на ученіе Маркса, залагала основы его идеологіи.

3

Когда у насъ говорятъ о легальномъ русскомъ марксизмѣ — я разумѣю, конечно, марксизмъ 90-хъ годовъ, а не современный „реалистическій" марксизмъ эпигоновъ,—то имѣютъ, обычно, ввиду марксизмъ двоякаго рода: съ одной стороны, марксизмъ русской буржуазной демократіи, марксизмъ г. Струве и его присныхъ, и съ другой, тотъ революціонный, подлинный марксизмъ, взрощенный въ атмосферѣ международнаго идейнаго общенія и пролетарской борьбы, который, какъ бомба ворвался вмѣстѣ съ знаменитымъ памфлетомъ Плеханова-Бельтова въ литературную обстановку того времени. Но при этомъ непремѣнно забываютъ, что отечественный марсизмъ включалъ въ себя и третью еще разновидность: марксизмъ кружковаго подполья. Это былъ, на первый взглядъ, малозамѣтный, тусклый, уродливый порою образчикъ марксизма, скромно ютившійся подъ крыломъ ортодоксіи, но за этой непривлекательною внѣшностью, таилась связь съ революціонно-интеллигентской средой въ существѣ своемъ болѣе глубокая, чѣмъ какой когда либо достигалъ неподдѣльный международный марксизмъ. Не авторъ „Монистическаго взгляда на исторію", во всемъ блескѣ своемъ дарованія, а гг. Тулинъ и Влад. Ильинъ съ ихъ схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами, настойчиво впивавшимися даже въ самыя неподатливыя головы, безконечно повторяясь и переворачиваясь на разные лады, выражали сокровенную суть опредѣленной части россійской интеллигенціи. Они были кость отъ кости ея и плоть отъ ея плоти. Они говорили ея языкомъ и пользовались ея аргументами. Они служили нагляднымъ показателемъ того, что могло быть усвоено и что должно было быть сдѣлано изъ Марксова ученія революціонно-интеллигентской кружковщиной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ болѣе разительное противорѣчіе, болѣе вопіющее несоотвѣтствіе, чѣмъ то, которое было между революціоннымъ марксизмомъ и средой, въ наличныхъ русскихъ условіяхъ собиравшейся его воспринимать и дальше пускать въ оборотъ. Достаточно вспомнить для этого основную традиціонную ячейку радикальной и революціонно настроенной интеллигенціи, лабораторію ея мысли — дискусіонный кружокъ, изъ элементовъ котораго и вырастаетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, активно-революціонная коллективность. Это цѣльный въ своемъ родѣ организмъ, довлѣющій себѣ, живущій въ особомъ мірке усвоенныхъ идей и собственныхъ доморощенныхъ построеній, состоящій изъ людей, либо въ жизнь еще не вошедшихъ (если это кружокъ совсѣмъ юной молодежи), либо уже отгороженныхъ, отщепленныхъ отъ жизни условіями полицейскаго государства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это одинъ изъ островковъ въ безбрежномъ пространствѣ политически-аморфнаго общества, въ которомъ даже самыя значительныя измѣненія совершаются гдѣ-то въ глубинѣ подъ спудомъ наружнаго безразличія. Естественно поэтому, что это общество, надѣляя своихъ интеллигентныхъ отщепенцевъ жгучей ненавистью къ себѣ, щедро надѣляло ихъ въ то же время своей собственной соціально-политической неразвитостью и соотвѣтственной безпомощностью въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри его процессовъ. Интеллигентски-кружковая среда, относительно сильная въ талмудистскомъ толкованіи какой угодно доктрины, среда, мысль которой свободно себя чувствуетъ въ ограниченномъ догмою кругѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ положеній, обязательно пасуетъ всякій разъ, когда ей надлежитъ за собственный страхъ разобраться въ категоріяхъ общественности, когда ей дается не готовый рецептъ на всѣ случаи жизни, а лишь методъ, при посредствѣ котораго она должна на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и своего собственнаго опыта, по личному разумѣнію, направлять остріе своего анализа. Слишкомъ скуденъ ея опытъ и слишкомъ ничтожны наблюденія! Неудивительно, если ея жизненная выучка оказалась въ конецъ несостоятельной передъ тѣмъ испытаніемъ, которое поставило передъ ней матеріалистическое пониманіе исторіи. Интеллигентска-кружковой средѣ были впору соціологія Миртова, формула прогресса Михайловскаго, но отнюдь не то ученіе, которое родилось и окрѣпло въ привольѣ широкой борьбы, на просторѣ, гдѣ движутся массы и сплетаприсутствовавшихъ, еще одного „соціальдемократа" — представителя „Латышскаго соц.-дем. союза". Они заявили протестъ противъ участія его на конференціи, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что этотъ „союзъ" не ведетъ революціонной работы въ Россіи. Не безъ основанія отвѣтили имъ прочіе участники конференціи, что они лишены возможности провѣрить такое показаніе. Не безъ ехидства прибавили они, что въ числѣ протестующихъ имѣется представитель организаціи, о которой столь же позволительно сомнѣваться, ведетъ ли она работу на мѣстѣ (Арм. соц.-дем. раб. организація). Въ виду отказа большинства убрать представителя „союза", четыре соц.-дем. организаціи удалились.

Что „Латышскій соц.-дем. союзъ" организація фиктивная, это несомнѣнно. Можно пойти дальше и прибавить, что онъ представляетъ собой фиктивное отдѣленіе П. С. Р. — ея агентуру „in partibus infidelium" и что называется онъ „соціальдемократическимъ" съ спеціальной цѣлью досадить латышской соціальдемократіи и оторвать отъ нея десятокъ-другой рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, мы не думаемъ, чтобы кому-нибудь показалась убѣдительной такая мотивировка отказа товарищей продолжать уже начатое ими дѣло „сотрудничества" съ участниками конференціи. Мы не думаемъ также, чтобы они хотѣли сказать своей мотивировкой, что признаютъ всѣ прочія — кромѣ латышскаго союза — организаціи, собранныя Гапономъ, болѣе *реальными*, чѣмъ этотъ Союзъ. И участники конференціи, которые могли бы по этому поводу разсказать намъ не мало интереснаго, должны были искренно изумиться тому, что присутствіе совершенно невиннаго Союза могло нарушить уже налаженное, казалось бы, дѣло. А бѣдный „отецъ", невскушенный въ политикѣ, совсѣмъ таки, надо думать, запутался въ этихъ „высшихъ соображеніяхъ".

Вѣроятно, это общее изумленіе заставило конференцію не замѣтить маленькаго противорѣчія въ дѣйствіяхъ тѣхъ четырехъ организацій, которыя „пришли, понюхали и пошли прочь": иначе они, навѣрное указали бы на него протестантамъ. Какъ мы уже указывали, въ приглашеніи, разосланномъ Г. Гапономъ, имѣлся *перечень* всѣхъ приглашаемыхъ на конференцію организацій. И въ этомъ перечнѣ гордо красуется тотъ самый „латышскій союзъ", присутствіе котораго повергло въ смятеніе нашихъ рѣшительныхъ бундовскихъ товарищей и неустрашимыхъ якобинцевъ „Впередъ". Стало быть, принимая приглашеніе, они знали, съ какими „филистимлянами" придется имъ вести трапезу? И, безъ сомнѣнія, они знали, что нигдѣ не принято, явившись на съѣздъ *опредѣленныхъ* организацій, требовать удаленія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Почему же они поставили себя въ такое странное противорѣчивое положеніе? Почему участіе свое въ работахъ по созданію новаго „блока" они поставили въ зависимость отъ столь ничтожнаго факта? Почему?

Мы не можемъ дать читателю другого отвѣта, кромѣ того, который просится на уста: *потому что передъ нашими товарищами во время промелькнула тѣнь россійскаго организованнаго пролетаріата.*

Этому можно только радоваться. Все хорошо, что хорошо кончается. И ради хорошаго конца, можно пройти мимо такихъ странныхъ предлоговъ, какъ присутствіе маленькаго представителя очень маленькой группы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 3 апрѣля былъ митингъ на Выборгской сторонѣ, на Богословскомъ кладбищѣ: хоронили рабочаго, бывшаго выборщика въ коммиссію Шидловскаго, умершаго по освобожденіи изъ тюрьмы. Говорило 5 ораторовъ — всѣ отъ Группы. 10 апрѣля былъ митингъ женщинъ-работницъ, въ закрытомъ помѣщеніи. Либералы пытались основать здѣсь „женскій союзъ", но работницы отвергли, отвѣтивъ, что признаютъ одинъ лишь союзъ — Рос. С.-Д. Раб. Партіи.

На 1-ое мая (русск. стиля) группа рѣшила звать рабочихъ на улицы для устройства массовыхъ митинговъ и — если возможно — демонстрацій. Рабочіе призываются выходить вооруженными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было обратиться къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ и союзамъ съ предложеніемъ показать свое отношеніе къ пролетаріату на дѣлѣ. Мы предлагаемъ „обществу" поддержать пролетаріатъ въ его демократическихъ требованіяхъ, предоставить рабочимъ свои помѣщенія для собраній, создать сочувственную атмосферу выступленію пролетаріата.

Резолюція въ этомъ смыслѣ обсуждалась на всѣхъ районныхъ собраніяхъ и мысль о такомъ экзаменѣ буржуазной оппозиціи встрѣтила общее сочувствіе. По принятіи резолюціи предстоитъ внесеніе ея товарищами-рабочими на обсужденіе разныхъ обществъ. Только для журналистовъ пришлось сдѣлать исключеніе — предложить имъ (отъ Группы) резолюцію до принятія ея рабочими: иначе мы бы пропустили случай. Наше предложеніе о предоставленіи рабочимъ помѣщеній для собраній и т. д. обсуждалось въ междуредакціонномъ собраніи петербургскихъ оппозиціонныхъ изданій. Короленко, Анненскій и другіе выступали противъ насъ. „Не понимаю, почему именно пролетаріатъ — передовой борецъ за революцію, говорилъ Короленко, я не хочу идти въ хвостѣ соціальдемократіи: это „меньшинство" хочетъ, вызвавъ движеніе въ обществѣ по поводу 1-го мая, подѣйствовать на рабочихъ этимъ путемъ (!) и повести за собой и „большинство". Намъ обѣщаютъ демонстративные митинги, а хотятъ увлечь въ революцію, хотятъ заручиться для нея поддержкой на 1-ое мая". Ему отвѣтили, что пролетаріатъ рѣшитъ вопросъ о выходѣ или невыходѣ на улицы безразлично къ тому, что скажутъ гг. журналисты, что „назначать" революцію на 1-ое мая „меньшинство" не думаетъ, оно ставитъ себѣ лишь цѣлью сплотить пролетаріатъ вокругъ партіи; если же событія примутъ болѣе серьезный оборотъ, то, конечно, соціальдемократія поведетъ и пойдетъ и на баррикады. Собраніе отказалось не только принять, но и голосовать резолюцію (противъ 16 голосовъ; нѣкоторые освобожденцы голосовали за). То же самое повторилось на съѣздѣ журналистовъ, гдѣ было 140 чел. Группа писателей — марксистовъ (21 чел.), *констатировавъ предательское отношеніе съѣзда къ пролетаріату*, ушла, отказалась присоединиться къ Союзу журналистовъ и основала свой союзъ съ цѣлью „содѣйствія проведенію въ жизнь выводовъ изъ марксистскаго міровоззрѣнія". Если это — попытка положить начало легализаціи с. д. партіи, то, признаюсь, способъ, принятый петербургскими рабочими — открытые митинги — подаетъ мнѣ больше надежды въ этомъ направленіи. Интересно, что бывшіе на съѣздѣ марксисты, склоняющіеся къ „большинству", ознакомившись съ резолюціей Группы, всецѣло присоединились къ ней, признавъ такимъ образомъ, нашу тактику относительно либераловъ правильной и, очевидно, одобривъ нашъ планъ майскаго выступленія. Объ этомъ объединеніи „большевиковъ" и „меньшевиковъ" тутъ же было заявлено почтенному собранію, и они уже не могли тыкать разногласіями между самими с.-д.-ами, что на между-редакціонномъ собраніи Короленко также выставлялъ въ качествѣ довода за отрицательное отношеніе къ нашему предложенію. Въ „союзъ марксистовъ" вошли также одинаково сторонники обоихъ теченій.

Наша резолюція была предложена также и представителю „гапоновцевъ", которые, по его словамъ, отчасти снова сорганизовались. Онъ сначала предлагалъ вставить слова „мирныя" передъ словомъ „манифестація", но, не добившись, присоединился къ данному тексту, такъ что гапоновцы теперь будутъ пропагандировать нашу резолюцію. Съ с.-р.-ами ведемъ переговоры о технической поддержкѣ; быть можетъ, кое-что и выйдетъ.

Съ Комитетомъ „большинства" дѣло стоитъ такъ. Сначала, какъ и подобаетъ правовѣрному большинству, онъ, считая себя не готовымъ къ вооруженному возстанію, былъ противъ всякаго выступленія на улицахъ, допуская, какъ максимумъ, тайныя сходки въ лѣсу за городомъ. Но настроеніе рабочихъ, въ связи съ агитаціей нашихъ ораторовъ на митингахъ, видимо оказали серьезное вліяніе на Комитетъ, и не смотря на то, что „Бюро Ком. Большинства" выпустило листокъ съ призывомъ не устраивать демонстраціи 1-го мая, онъ кончилъ тѣмъ, что на оффиціальномъ собраніи съ представителями группы примкнулъ къ нашему плану, хотя и не далъ формальнаго обязательства. (Изъ письма члена Пет. Гр.)

Одесса, 10 апрѣля. Когда послѣ удачной демонстраціи на засѣданіи медицинскаго общества былъ назначенъ въ обществѣ врачей рефератъ о пироговскомъ съѣздѣ, всѣ, даже отдаленно прикосновенные къ „политикѣ" рѣшили не пропустить интереснаго зрѣлища политической демонстраціи съ свободными рѣчами. Въ томъ, что демонстрація будетъ, всѣ были увѣрены.

Начало засѣданія въ восемь часовъ. Къ семи часамъ передъ зданіемъ общества врачей собралась плотная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ — вся рабочая молодежь и демократическая интеллигенція. Толпа шумитъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Въ двухъ шагахъ за угломъ — полицейскій участокъ, но на улицѣ ни одного городового.

Прошло болѣе получаса, дверь открылась, и живой человѣческій потокъ ринулся впередъ, затѣмъ вверхъ на второй этажъ. Залъ мигомъ наполнился; заняты были всѣ проходы, углы, ниши и углубленія оконъ. Далеко не всѣ могли помѣститься, лѣстница и улица передъ входомъ были черны отъ столпившагося народа.

Толпа гудѣла. Начать засѣданія не было никакой возможности. Раздались требованія перейти въ другое, болѣе обширное помѣщеніе. Предсѣдатель заявилъ, что такового не имѣется: что университетъ категорически отказалъ предоставить для собранія свою большую аудиторію; далѣе онъ предложилъ публикѣ рѣшать вопросъ, быть или не быть засѣданію; проектировалъ устроить докладъ въ двѣ смѣны за сегодняшній вечеръ. Но это было отвергнуто, ибо нельзя было оставаться на улицѣ тѣмъ, кто не помѣстился въ залѣ: ожидались казаки съ нагайками. Вдругъ потухло электричество. Шумъ усилился — и на голову какъ снѣгъ посыпались листки („Будьте готовы" и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ", изд. Группы Ц. К., листки с.-ровъ: Письмо Гапона и „Письмо солдата къ солдатамъ", Комитета: „Чего мы требуемъ" и еще листокъ Поалей-Ціонъ). Публика жадно ловила ихъ въ воздухѣ, и было не мало комичныхъ фигуръ, дико размахивавшихъ руками въ погонѣ за бѣлой бумажкой. Въ теченіи бурнаго и безпорядочнаго часа, что мы провели въ залѣ, обсуждая, какъ быть, что предпринять, электричество тухло разъ пять, и каждый разъ сверху летѣли бумажки. Предлагалось устроить демонстрацію на улицѣ, но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ. Казаки уже прискакали и выстроились предъ зданіемъ. Съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы, дружнымъ и громкимъ, публика стала выходить изъ зала. На мостовой стояла сотня казаковъ въ полномъ вооруженіи, вплоть до винтовки за спиной. Публика медленно расходилась. Все шло чинно и мирно.

Другая сотня сопровождала по Херсонской ул. уходившую публику. Прошли квартала два. Совершенно неожиданно явился десятокъ городовыхъ и, отрѣзавъ отъ толпы человѣкъ шесть-семь отставшихъ, стали бить шашками плашмя. Сзади наступали казаки, пустивъ рысью лошадей. По мостовой несся галопомъ другой отрядъ казаковъ. Отрѣзанные спасались отъ ударовъ бѣгствомъ — кто куда могъ — съ рискомъ быть раздавленными лошадиными копытами. Одинъ товарищъ получилъ шашкой по спинѣ. Дѣвицѣ одной разсѣкли нагайкой носъ и губу. Ее доставили въ аптеку, и случайно проходившій врачъ оказалъ ей помощь. Говорятъ, еще есть взятые. Изъ толпы раза два-три стрѣляли въ городовыхъ.

Самара. 31 марта. Здѣсь состоялось публичное засѣданіе Общества Охраненія Народнаго Здравія. Публика собралась человѣкъ до 800. Былъ прочитанъ докладъ „о 35 лѣтнемъ юбилеѣ средней школы". Докладчикъ говоритъ о „ненормальномъ" положеніи средней школы, говорилъ, что „такъ больше жить нельзя", что надо бороться. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе собранія на тотъ „тоже ненормальный фактъ", что борьба эта ведется не отцами, а дѣтьми, и что „мы, отцы, должны ее взять на себя". Заключалъ онъ тѣмъ, „что реформа возможна", и возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Первымъ оппонентомъ былъ какой-то либералъ, рѣчь котораго была столь безцвѣтна, что приводить ее не стоитъ.

Вторымъ говорилъ соціальдемократъ. Онъ говорилъ, что положеніе средней школы не связано лишь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и что оно тѣсно связано со всѣмъ самодержавнымъ строемъ и, чтобы перестроена была средняя школа, нужно, чтобъ перестроенъ былъ весь государственный порядокъ; что переустройство произойдетъ путемъ низверженія самодержавія, что главную роль въ надвигающейся революціи сыграетъ соціальдемократія. Потомъ говорилъ еще одинъ либералъ, онъ прочелъ рѣчи или прокламаціи къ народу „отцовъ православной церкви", Антонія и еще какого-то. Тамъ эти христолюбивые попы призываютъ народъ бить всѣхъ образованныхъ людей, такъ какъ они де и есть истинные враги народа. Заканчивалъ онъ тѣмъ, что бороться съ самодержавіемъ необходимо.

Затѣмъ говорилъ еще одинъ соціальдемократъ. Когда онъ кончилъ, поднялся одинъ изъ представителей печати и выразилъ свое удивленіе, „почему это здѣсь восхваляютъ соціальдемократовъ, а о соціалистахъ-революціонерахъ не говорятъ ничего"? Онъ не понималъ, почему это въ надвигающейся революціи будутъ бороться соціальдемократы, а соціалисты революціонеры нѣтъ. (Этого никто не говорилъ). Послѣ него говорилъ еще одинъ соціальдемократъ, который отвѣтилъ ему. Онъ выяснилъ позицію соціальдемократіи по отношенію къ настоящему моменту. Говорили еще двое либераловъ. Одинъ, возражая соціальдемократу, ссылался на исторію; по его понятію, исторія идетъ „медленно": вотъ, напримѣръ, во Франціи революція совершалась 100 лѣтъ, а потому „совершать революцію" намъ слѣдуетъ подождать, если не сотни, то, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ, а пока учитывать все полезное, вродѣ коммиссіи Булыгина. Наконецъ, поднялся еще одинъ либералъ, имѣющій обыкновеніе говорить глупости и соболѣзновательно пропѣлъ, „что, конечно, демократическая республика хорошо, но только всѣ эти рѣчи напоминаютъ ему голубковъ, воркующихъ о свободѣ." Онъ просилъ указать имъ, либераламъ, какой-либо практическій шагъ. Отвѣтить ему не пришлось, такъ какъ въ публикѣ заговорили, что собирается черная сотня бить говорившихъ соціальдемократовъ, и имъ пришлось уйти. Однако, это былъ только слухъ, полиція также не присутствовала и засѣданіе прошло совершенно спокойно.

Говорятъ, мѣстная прокуратура поднимаетъ дѣло по поводу собранія.

За послѣднее время комитетомъ устраивались массовки человѣкъ по 70, 130, гдѣ говорилось о Земскомъ Соборѣ, Учред. Собраніи и др.

На дняхъ были обыски; троихъ забрали, у двоихъ нашли по 1000 прокламацій.

Ростовъ н/Д. 12 апрѣля. Вчера должна была быть лекція о холерѣ доктора С. Абрамова. Ровно въ 8 часовъ вечера гро-

---

ются пути мірового развитія. На основѣ кружковой психологіи расцвѣталъ раціонализмъ всѣхъ ученій, за послѣднія сорокъ лѣтъ смѣнявшихъ другъ друга въ обиходѣ россійской интеллигенціи, и на этой же основѣ интеллигентская оторванность находила свое идеологическое выраженіе въ постоянной тенденціи въ свою очередь отрывать идеи отъ почвы, на которой онѣ выросли, отъ среды, въ которой онѣ обращаются, и разбирать ихъ лишь въ порядкѣ абстрактной логичности или соотвѣтствія ранѣе принятымъ тезисамъ, безъ малѣйшаго слѣда какой бы то ни было исторической перспективы. Можно было уже a priori сказать, что изъ столкновенія интеллигентски-кружкового начала съ марксизмомъ получится своеобразная комбинація, въ которой кружковое начало, такъ сказать, раціонализируя Маркса, постарается занять возможно болѣе пространное мѣсто. Теперь post factum съ насъ довольно двухъ примѣровъ, возстановляющихъ въ нашей памяти забытыя или совершенно неизвѣстныя новому читателю публицистическія произведенія гг. Тулина и Влад. Ильина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ.

4.

Среди тѣхъ положеній марксизма, которыя въ 90-хъ годахъ были у всѣхъ на устахъ, какъ кличъ въ борьбѣ противъ народничества, какъ необходимый идейный инвентарь, изъ котораго черпалъ обѣими руками каждый юный марксистъ того времени, однимъ изъ самыхъ громкихъ и видныхъ было положеніе о такъ называемыхъ „надстройкѣ" и „базисѣ", о зависимости „идеологій" отъ того, что именуется „экономикой". Дѣйствительно: вскрыть классовую подоплеку, экономическую подкладку идейнаго теченія значило сдѣлать добрую половину работы, значило нанести самый чувствительный ударъ своему „идеологическому" противнику. Естественно, что этимъ орудіемъ борьбы усердно пользовалась тогдашняя интеллигенція; понятно, что она должна была пытаться подвести соотвѣтственный „базисъ" подъ народничество. И она его подводила, аргументируя насчетъ мелкобуржуазности народничества. Это было не ново. О мелкобуржуазныхъ элементахъ въ народническихъ взглядахъ говорила и прежняя литература соціальдемократіи; новъ былъ, однако, тотъ видъ, который принимала эта старая истина подъ перомъ кружковой публицистики, новъ былъ тотъ псевдо-реализмъ, съ которымъ она доходила — будто бы по Марксу — до экономическаго „корня" явленія.

„Гуманность" и „народолюбивость (народнической) теоріи — говорилъ г. Тулинъ[1] была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя... Отношеніе народничества къ Западу и его вліянію на Россію опредѣлялось, конечно,... условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ... и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи... Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства, — и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго („народнаго") производства" (стр. 88).

Въ этихъ отрывкахъ, мысль которыхъ варьируетъ на протяженіи всей огромной брошюры-статьи, по внѣшности какъ будто бы все ортодоксально — до послѣдней точки надъ i. Устанавливается именно та связь между идеей и средой, которая такъ плохо давалась вообще кружковой интеллигенціи. Стоитъ, однако, припомнить, о чемъ идетъ рѣчь, чтобы тотчасъ же разсѣялся обманчивый миражъ, и выступило наружу то простое штемпелеваніе дѣйствительности взятымъ изъ книжки, на прокатъ, трафаретомъ, которое какъ нельзя болѣе характерно для аргументаціи кружковыхъ писателей. Иностранный читатель, который имѣлъ бы несчастье ознакомляться съ Россіей по Тулину, былъ бы, конечно, вправѣ сказать: очевидно, то русское общественное теченіе, которое извѣстно подъ именемъ народничества и о плеядѣ идеологовъ котораго я издавна такъ много наслышанъ, есть теченіе въ средѣ русскаго крестьянства, кустарей или ремесленниковъ, и было бы крайне важно узнать отъ г. Тулина что нибудь болѣе опредѣленное, болѣе конкретное объ этомъ интересномъ явленіи изъ жизни „мелкаго производителя" Россіи.

Но мы то, россійскіе люди, мы знаемъ хорошо, что народническія теченіе и движеніе было характернѣйшимъ продуктомъ той „національной" категоріи дореволюціонной Россіи, которая называется интеллигенціей и которая представляетъ изъ себя пестрый конгломератъ буржуазныхъ и отщепенски деклассированныхъ элементовъ. Непріятный „пассажъ", приключившійся съ Тулинымъ, приключился съ нимъ потому, что онъ обошелъ какъ разъ эту категорію и вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ проанализировать среду, которая была несомнѣнной носительницей настроеній и взглядовъ народничества, вмѣсто того чтобы на ней показать, почему она должна была — при данной общественной конъюктурѣ — проявить народническую мелкобуржуазность, онъ выбросилъ ее просто за бортъ своего разсмотрѣнія, чтобы обратиться — якобы по Марксу — къ тому „мелкому производителю", который въ этомъ случаѣ былъ лишь тѣмъ общимъ, мелкобуржуазнымъ, жизненнымъ *фономъ*, на которомъ и разыгрывалась эволюція народнической интеллигенціи.

Но этотъ же „пассажъ" былъ въ то же время и провиденціальнымъ. Онъ наглядно показалъ, какъ шуточно легко — почеркомъ пера — совершается подмѣнъ одного общественнаго слоя другимъ. И если въ свое время было нетрудно проглотить интеллигенцію, чтобы на ея мѣсто посадить кустаря или крестьянина, то еще съ меньшими трудностями оказалось впослѣдствіи возможнымъ метаморфизировать тѣмъ же путемъ соціальдемократически-настроенную интеллигенцію въ соціальдемократическую *пролетарскую* партію.

Другой нелишенный интереса вопросъ, вокругъ котораго въ 90-хъ годахъ происходила полемика между марксистами и народниками, былъ пресловутый вопросъ о „наслѣдствѣ": Отказываются ли русскіе марксисты отъ наслѣдства 60-хъ годовъ, какъ утверждалъ Михайловскій, или наоборотъ, они болѣе вѣрны ихъ завѣтамъ, чѣмъ современные будто бы „хранители"? Прежде чѣмъ спорить, надлежало, разумѣется, договориться о томъ, что понимать подъ наслѣдствомъ: ту ли смѣсь изъ либерализма и народничества, о которой обыкновенно шла рѣчь въ литературѣ прогрессивнаго лагеря, или же общественное содержаніе взглядовъ Добролюбова и Чернышевскаго, жизнеспособное до сихъ поръ, несмотря на устарѣлость своей идейной оболочки. Если первое, — честь и мѣсто въ наслѣдствѣ народникамъ эпохи упадка, если второе, — то, конечно, марксисты могли больше на него претендовать, чѣмъ вся народолюбивая братія.

Революціонное отщепенство по отношенію ко всему современному строю во имя идеи соціалистическаго переустройства общества — вотъ что связывало и должно было связывать молодое поколѣніе революціонныхъ марксистовъ съ великими тѣнями прошлаго. Но что же говорилъ по сему случаю марксизмъ интеллигентской кружковщины? Онъ растерялся передъ тѣмъ противорѣчіемъ, которое казалось ему неразрѣшимымъ. Не умѣя оперировать съ идеями въ общественно-исторической перспективѣ, а лишь только раціоналистически-абстрактно, онъ не могъ переварить, напримѣръ, что Чернышевскій былъ сторонникомъ общины, что въ этомъ отношеніи онъ какъ будто походилъ на В. В. съ компаніей. И чтобы спасти положеніе, онъ въ лицѣ г. Ильина[1], не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ открыть и оборудовать свое собственное „наслѣдство" — отъ буржуазнаго просвѣтительства.

Что это такое? Ужъ не призываются ли по этому поводу мыслители 18-го вѣка? Но причемъ тутъ 60-ые годы? Или ненарокомъ, быть можетъ, поминается Писаревъ? — Успокойтесь, читатель, рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, — какъ только о... **нѣкоемъ Скалдинѣ!**

Скалдинъ! Какъ-то Энгельсъ говорилъ: мы германскіе соц.-дем. можемъ гордиться тѣмъ, что происходимъ не только отъ С. Симона, Оуэна и Фурье, но и отъ Канта и Гегеля. Слѣдуя марксисту г. Ильину, рос. соц.-дем. могла бы поздравить себя съ неожиданнымъ предкомъ, съ достословнымъ родствомъ, съ „либерально-консерприсутствующихъ, еще одного „соціальдемократа" — представителя „Латышскаго соц.-дем. союза". Они заявили протестъ противъ участія его на конференціи, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что этотъ „союзъ" не ведетъ революціонной работы въ Россіи. Не безъ основанія отвѣтили имъ прочіе участники конференціи, что они лишены возможности провѣрять такое показаніе. Не безъ ехидства прибавили они, что въ числѣ протестующихъ имѣется представитель организаціи, о которой столь же позволительно сомнѣваться, ведетъ ли она работу на мѣстѣ (Арм. соц.-дем. раб. организація). Въ виду отказа большинства убрать представителя „союза", четыре соц.-дем. организаціи удалились.

---

[1] См. Тулинъ „Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве,", въ сборникѣ „Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія" 1895 г.

[1] См. „Экономическіе этюды и статьи" СПБ. 1899 г. „Отъ какого наслѣдства мы отказываемся".

Что „Латышск. соц.-дем. союзъ" организація фиктивная, это несомнѣнно. Можно пойти дальше и прибавить, что онъ представляетъ собой филіальное отдѣленіе П. С. Р., ея агентуру „in partibus infidelium" и что называется онъ „соціальдемократическимъ" съ спеціальной цѣлью досадить латышской соціальдемократіи и оторвать отъ нея десятокъ-другой рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, мы не думаемъ, чтобы кому-нибудь показалась убѣдительной *такая* мотивировка отказа товарищей продолжать уже начатое ими дѣло „сотрудничества" съ участниками конференціи. Мы не думаемъ также, чтобы они хотѣли сказать своей мотивировкой, что признаютъ всѣ прочія — кромѣ латышскаго союза — организаціи, собранныя Гапономъ, болѣе *реальными*, чѣмъ этотъ Союзъ. И участники конференціи, которые могли бы по этому поводу разсказать намъ не мало интереснаго, должны были искренно изумиться тому, что присутствіе совершенно невиннаго Союза могло нарушить уже налаженное, казалось бы, дѣло. А бѣдный „отецъ", невскушенный въ политикѣ, совсѣмъ таки, надо думать, запутался въ этихъ „высшихъ соображеніяхъ".

Вѣроятно, это общее изумленіе заставило конференцію не замѣтить маленькаго противорѣчія въ дѣйствіяхъ тѣхъ четырехъ организацій, которыя „пришли, понюхали и пошли прочь": иначе она, навѣрное указала бы на него протестантамъ. Какъ мы уже указывали, въ приглашеніи, разосланномъ Г. Гапономъ, имѣлся *перечень* всѣхъ приглашаемыхъ на конференцію организацій. И въ этомъ перечнѣ гордо красуется тотъ самый „латышскій союзъ" присутствіе котораго повергло въ смятеніе нашихъ рѣшительныхъ бундовскихъ товарищей и неустрашимыхъ якобинцевъ „Впередъ". Стало быть, принимая приглашеніе, они знали, съ какими „филистимлянами" придется имъ вести трапезу? И, безъ сомнѣнія, они знали, что нигдѣ не принято, явившись на съѣздъ *опредѣленныхъ* организацій, требовать удаленія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Почему же они поставили себя въ такое странное противорѣчивое положеніе? Почему участіе свое въ работахъ по созданію новаго „блока" они поставили въ зависимость отъ столь ничтожнаго факта? Почему?

Мы не можемъ дать читателю другого отвѣта, кромѣ того, который просится на уста: *потому что передъ нашими товарищами во время промелькнула тѣнь россійскаго организованнаго пролетаріата.*

Этому можно только радоваться. Все хорошо, что хорошо кончается. И ради хорошаго конца, можно пройти мимо такихъ странныхъ предлоговъ, какъ присутствіе маленькаго представителя очень маленькой группы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 3 апрѣля былъ митингъ на Выборгской сторонѣ, на Богословск. кладбищѣ: хоронили рабочаго, бывшаго выборщика въ коммиссію Шидловскаго, умершаго по освобожденіи изъ тюрьмы. Говорило 5 ораторовъ — всѣ отъ Группы. 10 апрѣля былъ митингъ женщинъ-работницъ, въ закрытомъ помѣщеніи. Либералы пытались основать здѣсь „женскій союзъ", но работницы отвергли, отвѣтивъ, что признаютъ одинъ лишь союзъ — Рос. С.-Д. Раб. Партіи.

На 1-ое мая (русск. стиля) группа рѣшила звать рабочихъ на улицы для устройства массовыхъ митинговъ и — если возможно — демонстрацій. Рабочіе призываются выходить вооруженными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было обратиться къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ и союзамъ съ предложеніемъ показать свое отношеніе къ пролетаріату на дѣлѣ. Мы предлагаемъ „обществу" поддержать пролетаріатъ въ его демократическихъ требованіяхъ, предоставить рабочимъ свои помѣщенія для собраній, создать сочувственную атмосферу выступленію пролетаріата.

Резолюція въ этомъ смыслѣ обсуждалась на всѣхъ районныхъ собраніяхъ и мысль о такомъ экзаменѣ буржуазной оппозиціи встрѣтила общее сочувствіе. По принятіи резолюціи предстоитъ внесеніе ея товарищами-рабочими на обсужденіе разныхъ обществъ. Только для журналистовъ пришлось сдѣлать исключеніе — предложить имъ (отъ Группы) резолюцію до принятія ея рабочими: иначе мы бы пропустили случай. Наше предложеніе о предоставленіи рабочимъ помѣщеній для собраній и т. д. обсуждалось въ междуредакціонномъ собраніи петербургскихъ оппозиціонныхъ изданій. Короленко, Анненскій и другіе выступали противъ насъ. „Не понимаю, почему именно пролетаріатъ — передовой борецъ за революцію, говорилъ Короленко, я не хочу идти въ хвостѣ соціальдемократіи: это „меньшинство" хочетъ, вызвавъ движеніе въ обществѣ по поводу 1-го мая, подѣйствовать на рабочихъ этимъ путемъ (!) и повести за собой и „большинство". Намъ обѣщаютъ демонстративные митинги, а хотятъ увлечь въ революцію, хотятъ заручиться для нея поддержкой на 1-ое мая". Ему отвѣтили, что пролетаріатъ рѣшитъ вопросъ о выходѣ или невыходѣ на улицы безразлично къ тому, что скажутъ гг. журналисты, что „назначать" революцію на 1-ое мая „меньшинство" не думаетъ, оно ставитъ себѣ лишь цѣлью сплотить пролетаріатъ вокругъ партіи; если же событія примутъ болѣе серьезный оборотъ, то, конечно, соціальдемократія поведетъ и пойдетъ и на баррикады. Собраніе отказалось не только принять, но и голосовать резолюцію (противъ 16 голосовъ; нѣкоторые освобожденцы голосовали за). То же самое повторилось на съѣздѣ журналистовъ, гдѣ было 140 чел. Группа писателей — марксистовъ (21 чел.), *констатировавъ предательское отношеніе съѣзда къ пролетаріату*, ушла, отказалась присоединиться къ Союзу журналистовъ и основала свой союзъ съ цѣлью „содѣйствія проведенію въ жизнь выводовъ изъ марксистскаго міровоззрѣнія". Если это — попытка положить начало легализаціи с. д. партіи, то, признаюсь, способъ, принятый петербургскими рабочими — открытые митинги — подаетъ мнѣ больше надежды въ этомъ направленіи. Интересно, что бывшіе на съѣздѣ марксисты, склоняющіеся къ „большинству", ознакомившись съ резолюціей Группы, всецѣло присоединились къ ней, признавъ такимъ образомъ, нашу тактику относительно либераловъ правильной и, очевидно, одобривъ нашъ планъ майскаго выступленія. Объ этомъ объединеніи „большевиковъ" и „меньшевиковъ" тутъ же было заявлено почтенному собранію, и они уже не могли тыкать разногласіями между самими с.-д.-ами, что на между-редакціонномъ собраніи Короленко также выставлялъ въ качествѣ довода за отрицательное отношеніе къ нашему предложенію. Въ „союзъ марксистовъ" вошли также одинаково сторонники обоихъ теченій.

Наша резолюція была предложена также и представителю „гапоновцевъ", которые, по его словамъ, отчасти снова сорганизовались. Онъ сначала предлагалъ вставить слова „мирныя" передъ словомъ „манифестація", но, не добившись, присоединился къ данному тексту, такъ что гапоновцы теперь будутъ пропагандировать нашу резолюцію. Съ с.-р.-ами ведемъ переговоры о технической поддержкѣ; быть можетъ, кое-что и выйдетъ.

Съ Комитетомъ „большинства" дѣло стоитъ такъ. Сначала, какъ и подобаетъ правовѣрному большинству, онъ, считая себя не готовымъ къ вооруженному возстанію, былъ противъ всякаго выступленія на улицахъ, допуская, какъ максимумъ, тайныя сходки въ лѣсу за городомъ. Но настроеніе рабочихъ, въ связи съ агитаціей нашихъ ораторовъ на митингахъ, видимо оказали серьезное вліяніе на Комитетъ, и не смотря на то, что „Бюро Ком. Большинства" выпустило листокъ съ призывомъ не устраивать демонстраціи 1-го мая, онъ кончилъ тѣмъ, что на оффиціальномъ собраніи съ представителями группы примкнулъ къ нашему плану, хотя и не далъ формальнаго обязательства. (Изъ письма члена Пет. Гр.).

Одесса, 10 апрѣля. Когда послѣ удачной демонстраціи на засѣданіи медицинскаго общества былъ назначенъ въ обществѣ врачей рефератъ о пироговскомъ съѣздѣ, всѣ, даже отдаленно прикосновенные къ „политикѣ" рѣшили не пропустить интереснаго зрѣлища политической демонстраціи съ свободными рѣчами. Въ томъ, что демонстрація будетъ, всѣ были увѣрены.

Начало засѣданія въ восемь часовъ. Къ семи часамъ передъ зданіемъ общества врачей собралась плотная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ — вся рабочая молодежь и демократическая интеллигенція. Толпа шумитъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Въ двухъ шагахъ за угломъ — полицейскій участокъ но на улицѣ ни одного городового.

Прошло болѣе получаса, дверь открылась, и живой человѣческій потокъ ринулся впередъ, затѣмъ вверхъ на второй этажъ. Залъ мигомъ наполнился; заняты были всѣ проходы, углы, ниши и углубленія оконъ. Далеко не всѣ могли помѣститься, лѣстница и улица передъ входомъ были черны отъ столпившагося народа.

Толпа гудѣла. Начать засѣданія не было никакой возможности. Раздались требованія перейти въ другое, болѣе обширное помѣщеніе. Предсѣдатель заявилъ, что такового не имѣется: что университетъ категорически отказалъ предоставить для собранія свою большую аудиторію; далѣе онъ предложилъ публикѣ рѣшать вопросъ, быть или не быть засѣданію; проектировалъ устроить докладъ въ двѣ смѣны за сегодняшній вечеръ. Но это было отвергнуто, ибо нельзя было оставаться на улицѣ тѣмъ, кто не помѣстился въ залѣ: ожидались казаки съ нагайками. Вдругъ потухло электричество. Шумъ усилился — и на голову какъ снѣгъ посыпались листки („Будьте готовы" и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ", изд. Группы Ц. К., листки с.-ровъ: Письмо Гапона и „Письмо солдата къ солдатамъ", Комитета: „Чего мы требуемъ" и еще листокъ Поалей-Ціонъ). Публика жадно ловила ихъ въ воздухѣ, и было не мало комичныхъ фигуръ, дико размахивавшихъ руками въ погонѣ за бѣлой бумажкой. Въ теченіи бурнаго и безпорядочнаго часа, что мы провели въ залѣ, обсуждая, какъ быть, что предпринять, электричество тухло разъ пять, и каждый разъ сверху летѣли бумажки. Предлагалось устроить демонстрацію на улицѣ, но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ. Казаки уже прискакали и выстроились предъ зданіемъ. Съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы, дружнымъ и громкимъ, публика стала выходить изъ зала. На мостовой стояла сотня казаковъ въ полномъ вооруженіи, вплоть до винтовки за спиной. Публика медленно расходилась. Все шло чинно и мирно.

Другая сотня сопровождала по Херсонской ул. уходившую публику. Прошли квартала два. Совершенно неожиданно явился десятокъ городовыхъ и, отрѣзавъ отъ толпы человѣкъ шесть-семь отставшихъ, стали бить шашками плашмя. Сзади наступала казака, пустивъ рысью лошадей. По мостовой несся галопомъ другой отрядъ казаковъ. Отрѣзанные спасались отъ ударовъ бѣгствомъ — кто куда могъ — съ рискомъ быть раздавленными лошадиными копытами. Одинъ товарищъ получилъ шашкой по спинѣ. Дѣвицѣ одной разсѣкли нагайкой носъ и губу. Ее доставили въ аптеку, и случайно проходившій врачъ оказалъ ей помощь. Говорятъ, еще есть избитые. Изъ толпы раза два-три стрѣляли въ городовыхъ.

Самара. 31 марта. Здѣсь состоялось публичное засѣданіе Общества Охраненія Народнаго Здравія. Публика собралось человѣкъ до 800. Былъ прочитанъ докладъ „о 35 лѣтнемъ юбилеѣ средней школы". Докладчикъ говоритъ о „ненормальномъ" положеніи средней школы, говорилъ, что „такъ больше жить нельзя", что надо бороться. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе собранія на тотъ „тоже ненормальный фактъ", что борьба эта ведется не отцами, а дѣтьми, и что „мы, отцы, должны ее взять на себя". Заключилъ онъ тѣмъ, „что реформа возможна", и возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Первымъ оппонентомъ былъ какой то либералъ, рѣчь котораго была столь безцвѣтна, что приводить ее не стоитъ.

Вторымъ говорилъ соціальдемократъ. Онъ говорилъ, что положеніе средней школы не связано лишь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и что оно тѣсно связано со всѣмъ самодержавнымъ строемъ и, чтобы перестроена была средняя школа, нужно, чтобъ перестроенъ былъ весь государственый порядокъ; что переустройство произойдетъ путемъ низверженія самодержавія, что главную роль въ надвигающейся революціи сыграетъ соціальдемократія. Потомъ говорилъ еще одинъ либералъ, онъ прочелъ рѣчи или прокламаціи къ народу „отцовъ православной церкви", Антонія и еще какого то. Тамъ эти христолюбивые попы призываютъ народъ бить всѣхъ образованныхъ людей, такъ какъ они де и есть истинные враги народа. Закончилъ онъ тѣмъ, что бороться съ самодержавіемъ необходимо.

Затѣмъ говорилъ еще одинъ соціальдемократъ. Когда онъ кончилъ, поднялся одинъ изъ представителей печати и выразилъ свое удивленіе „почему это здѣсь восхваляютъ соціальдемократовъ, а о соціалистахъ-революціонерахъ не говорятъ ничего"? Онъ не понималъ, почему это въ надвигающейся революціи будутъ бороться соціальдемократы, а соціалисты революціонеры нѣтъ. (Этого никто не говорилъ). Послѣ него говорилъ еще одинъ соціальдемократъ, который отвѣтилъ ему. Онъ выяснялъ позицію соціальдемократіи по отношенію къ настоящему моменту. Говорили еще двое либераловъ. Одинъ, возражая соціальдемократу, ссылался на исторію; по его понятію, исторія идетъ „медленно": вотъ, напримѣръ, во Франціи революція совершалась 100 лѣтъ, а потому „совершать революцію" намъ слѣдуетъ подождать, если не сотни, то, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ, а пока учитывать все полезное, вродѣ коммиссіи Булыгина. Наконецъ, поднялся еще одинъ либералъ, имѣющій обыкновеніе говорить глупости и соболѣзновательно пропѣлъ, „что, конечно, демократическая республика хорошо, но только всѣ эти рѣчи напоминаютъ ему голубковъ, воркующихъ о свободѣ." Онъ просилъ указать имъ, либераламъ, какой либо практическій шагъ. Отвѣтить ему не пришлось, такъ какъ въ публикѣ заговорили, что собирается черная сотня бить говорившихъ соціальдемократовъ, и имъ пришлось уйти. Однако, это былъ только слухъ, полиція также не присутствовала и засѣданіе прошло совершенно спокойно.

Говорятъ, мѣстная прокуратура поднимаетъ дѣло по поводу собранія.

За послѣднее время комитетомъ устраивались массовки человѣкъ по 70, 130, гдѣ говорилось о Земскомъ Соборѣ, Учред. Собраніи и др.

На дняхъ были обыски; троихъ забрали, у двоихъ нашли по 1000 прокламацій.

Ростовъ н/Д. 12 апрѣля. Вчера должна была быть лекція о холерѣ доктора С. Абрамова. Ровно въ 8 часовъ вечера гро-

---

ются пути мірового развитія. На основѣ кружковой психологіи расцвѣталъ раціонализмъ всѣхъ ученій, за послѣднія сорокъ лѣтъ смѣнявшихъ другъ друга въ обиходѣ россійской интеллигенціи, и на этой же основѣ интеллигентская оторванность находила свое идеологическое выраженіе въ постоянной тенденціи въ свою очередь отрывать идеи отъ почвы, на которой онѣ выросли, отъ среды, въ которой онѣ обращаются, и разбирать ихъ лишь въ порядкѣ обстрактной логичности или соотвѣтствія ранѣе принятымъ тезисамъ, безъ малѣйшаго слѣда какой бы то ни было исторической перспективы. Можно было уже a priori сказать, что изъ столкновенія интеллигентски-кружковаго начала съ марксизмомъ получится своеобразная комбинація, въ которой кружковое начало, такъ сказать, раціонализируя Маркса, постарается занять возможно болѣе пространное мѣсто. Теперь post factum съ насъ довольно двухъ примѣровъ, возстановляющихъ въ нашей памяти забытыя или совершенно неизвѣстныя новому читателю публицистическія произведенія гг. Тулина и Влад. Ильина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ.

4.

Среди тѣхъ положеній марксизма, которыя въ 90-хъ годахъ были у всѣхъ на устахъ, какъ кличъ въ борьбѣ противъ народничества, какъ необходимый идейный инвентарь, изъ котораго черпалъ обѣими руками каждый юный марксистъ того времени, однимъ изъ самыхъ громкихъ и видныхъ было положеніе о такъ называемыхъ „надстройкѣ" и „базисѣ", о зависимости „идеологіи" отъ того, что именуется „экономикой". Дѣйствительно: вскрыть классовую подоплеку, экономическую подкладку идейнаго теченія значило сдѣлать добрую половину работы, значило нанести самый чувствительный ударъ своему „идеологическому" противнику. Естественно, что этимъ орудіемъ борьбы усердно пользовалась тогдашняя интеллигенція; понятно, что она должна была пытаться подвести соотвѣтственный „базисъ" подъ народничество. И она его подводила, аргументируя насчетъ мелкобуржуазности народничества. Это было не ново. О мелкобуржуазныхъ элементахъ въ народническихъ взглядахъ говорила и прежняя литература соціальдемократіи; новъ былъ, однако, тотъ видъ, который принимала эта старая истина подъ перомъ кружковой публицистики, новъ былъ тотъ псевдо-реализмъ, съ которымъ она доходила — будто бы по Марксу — до экономическаго „корня" явленія.

„Гуманность" и „народолюбивость (народнической) теоріи — говорилъ г. Тулинъ[1] была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя... Отношеніе народничества къ Западу и его вліянію на Россію опредѣлялось, конечно,... условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ... и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи... Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять вставный характеръ государства, — и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго („народнаго") производства" (стр. 88).

Въ этихъ отрывкахъ, мысль которыхъ варьируетъ на протяженіи всей огромной брошюры-статьи, по внѣшности какъ будто бы все ортодоксально — до послѣдней точки надъ і. Устанавливается именно та связь между идеей и средой, которая такъ плохо давалась вообще кружковой интеллигенціи. Стоитъ, однако, припомнить, о чемъ идетъ рѣчь, чтобы тотчасъ же разсѣялся обманчивый миражъ, и выступило наружу то простое штемпелеваніе дѣйствительности взятымъ изъ книжки, на прокатъ, трафаретомъ, которое какъ нельзя болѣе характерно для аргументаціи кружковыхъ писателей. Иностранный читатель, который имѣлъ бы несчастье ознакомляться съ Россіей по Тулину, былъ бы, конечно, вправѣ сказать: очевидно, то русское общественное теченіе, которое извѣстно подъ именемъ народничества и о плеядѣ идеологовъ котораго я издавна такъ много наслышанъ, есть теченіе въ средѣ русскаго крестьянства, кустарей или ремесленниковъ, и было бы крайне важно узнать отъ г. Тулина что нибудь болѣе опредѣленное, болѣе конкретное объ этомъ интересномъ явленіи изъ жизни „мелкаго производителя" Россіи.

Но мы то, россійскіе люди, мы знаемъ хорошо, что народническія теченіе и движеніе было характернѣйшимъ продуктомъ той „національной" категоріи дореволюціонной Россіи, которая называется интеллигенціей и которая представляетъ изъ себя пестрый конгломератъ буржуазныхъ и отщепенски деклассированныхъ элементовъ. Непріятный „пассажъ", приключившійся съ Тулинымъ, приключился съ нимъ потому, что онъ обошелъ какъ разъ эту категорію и вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ проанализировать среду, которая была несомнѣнной носительницей настроеній и взглядовъ народничества, вмѣсто того чтобы на ней показать, почему она должна была — при данной общественной конъюктурѣ — проявить народническую мелкобуржуазность, онъ выбросилъ ее просто за бортъ своего разсмотрѣнія, чтобы обратиться — якобы по Марксу — къ тому „мелкому производителю", который въ этомъ случаѣ былъ лишь тѣмъ общимъ, мелкобуржуазнымъ, жизненнымъ *фономъ*, на которомъ и разыгрывалась эволюція народнической интеллигенціи.

Но этотъ же „пассажъ" былъ въ то же время и провиденціальнымъ. Онъ наглядно показалъ, какъ шуточно легко — почеркомъ пера — совершается подмѣнъ одного общественнаго слоя другимъ. И если въ свое время было нетрудно проглотить интеллигенцію, чтобы на ея мѣсто посадить кустаря или крестьянина, то еще съ меньшими трудностями оказалось впослѣдствіи возможнымъ метаморфизировать тѣмъ же путемъ соціальдемократически-застроенную интеллигенцію въ соціальдемократическую *пролетарскую* партію.

Другой нелишенный интереса вопросъ, вокругъ котораго въ 90-хъ годахъ происходила полемика между марксистами и народниками, былъ пресловутый вопросъ о „наслѣдствѣ": Отказываются ли русскіе марксисты отъ наслѣдства 60-хъ годовъ, какъ утверждалъ Михайловскій, или наоборотъ, они болѣе вѣрны ихъ завѣтамъ, чѣмъ современные будто бы „хранители"? Прежде чѣмъ спорить, надлежало, разумѣется, договориться о томъ, что понимать подъ наслѣдствомъ; ту ли смѣсь изъ либерализма и народничества, о которой обыкновенно шла рѣчь въ литературѣ прогрессивнаго лагеря, или же общественное содержаніе взглядовъ Добролюбова и Чернышевскаго, жизнеспособное до сихъ поръ, несмотря на устарѣлость своей идейной оболочки. Если первое, — честь и мѣсто въ наслѣдствѣ народникамъ эпохи упадка, если второе, — то, конечно, марксисты могли больше на него претендовать, чѣмъ вся народолюбивая братія.

Революціонное отщепенство по отношенію ко всему современному строю во имя идеи соціалистическаго переустройства общества — вотъ что связывало и должно было связывать молодое поколѣніе революціонныхъ марксистовъ съ великими тѣнями прошлаго. Но что же говорилъ по сему случаю марксизмъ интеллигентской кружковщины? Онъ растерялся передъ тѣмъ противорѣчіемъ, которое казалось ему неразрѣшимымъ. Не умѣя оперировать съ идеями въ общественно-исторической перспективѣ, а лишь только раціоналистически-абстрактно, онъ не могъ переварить, напримѣръ, что Чернышевскій былъ сторонникомъ общины, что въ этомъ отношеніи онъ какъ будто походилъ на В. В. съ компаніей. И чтобы спасти положеніе, онъ въ лицѣ г. Ильина[1], не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ открыть и оборудовать свое собственное „наслѣдство" — отъ буржуазнаго просвѣтительства.

Что это такое? Ужъ не призываются ли по этому поводу мыслители 18-го вѣка? Но причемъ тутъ 60-ые годы? Или ненарокомъ, быть можетъ, поминается Писаревъ? — Успокойтесь, читатель, рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, — какъ только о... нѣкоемъ Скалдинѣ!

Скалдинъ! Какъ то Энгельсъ говорилъ: мы германскіе соц.-дем. можемъ гордиться тѣмъ, что происходимъ не только отъ С. Симона, Оуэна и Фурье, но и отъ Канта и Гегеля. Слѣдуя марксисту г. Ильину, рос. соц.-дем. могла бы поздравить себя съ неожиданнымъ предкомъ, съ достословнымъ родствомъ, съ „либерально-консерная толпа рабочихъ, интеллигентовъ и т. д. заполняли залу и хоры Ростовскаго клуба, было человѣкъ отъ 1500 до 2000 Довольно отчетливо, но не совсѣмъ ужъ популярно лекторъ излагалъ свою лекцію, тѣмъ не менѣе, его слушали. Свою бесѣду онъ иллюстрировалъ тутъ же висѣвшими картами со снимками различнаго рода и флакончиками съ бациллами, разносившимися въ публикѣ. Въ краткихъ словахъ онъ сказалъ и о резолюціи Пироговскаго съѣзда. Онъ кончилъ слѣдующими словами: „Благодарю Васъ, мм. гг., что вы мою сухую лекцію выслушали до конца, не перебивая, и теперь предлагаю плохо понявшимъ меня или желающимъ добавить что нибудь, пусть высказываются". Дружные аплодисменты. Встаетъ предсѣдатель, докторъ Парійскій и говоритъ, что такъ какъ клубъ предназначенъ на сегодня для лекціи о холерѣ, а не для дебатовъ — то онъ закрываетъ собраніе. Послышались протестующіе крики и „долой предсѣдателя". Выбрали новаго—редактора-издателя „Донской Рѣчи" М. Берберова. Слово взялъ рабочій, — представитель Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Въ своей рѣчи онъ развилъ ту мысль, что холера только частный видъ всѣхъ бѣдствій, что бороться съ холерой, какъ съ отдѣльнымъ зломъ нельзя, не узнавши причины всѣхъ бѣдствій — разоренія народа — а причина разоренія народа — самодержавіе. Онъ указалъ на растущее съ поразительной быстротой революціонизированіе народныхъ массъ и сказалъ, что только революція смететъ всѣ бѣдствія. Онъ указалъ на губительность войны и ея роль, какъ очага заразныхъ болѣзней. Въ концѣ онъ прочелъ резолюцію Донского Комитета по поводу Пироговскаго съѣзда. Резолюція [1] была голосована поднятіемъ руки. Почти весь залъ былъ съ поднятыми руками. Ораторъ указалъ также на то, что докторовъ интеллигентовъ почти нѣтъ, что большинство является прислужниками хозяевъ-капиталистовъ. Онъ указывалъ на примѣрѣ въ полъ часа докторъ принимаетъ 50—60 человѣкъ — и ограничивается пропиской касторки и порошковъ. Послѣ него хотѣлъ взять слово докторъ Блиловскій, но его не хотѣли слушать. Тогда взялъ слово Коганъ. Онъ заговорилъ о черныхъ сотняхъ, о невѣжествѣ крестьянъ — и о томъ, что нельзя натравливать на интеллигенцію, на докторовъ эту массу. Заговорилъ о Пироговскомъ съѣздѣ и о резолюціи его, при чемъ довольно толково и прямо сказалъ, что только сверженіемъ самодержавія можно достигнуть улучшенія благосостоянія народа, что теперь рабочій классъ не долженъ отвергать союзниковъ, каковыми являются интеллигенты. Затѣмъ говорилъ снова ораторъ рабочій отъ Комитета. Онъ пояснилъ прежнюю мысль свою и сказалъ: „наше пролетарское дѣло должно быть чистымъ, безъ всякихъ примѣсей" и что пока интеллигенція будетъ бороться съ самодержавіемъ, рабочіе ее не оттолкнутъ. Послышались голоса рабочихъ: „вмѣстѣ бить — врозь итти!" Затѣмъ слово взялъ адвокатъ, пріѣхавшій со съѣзда адвокатовъ. Интеллигенція, по его словамъ, только начала жить политической жизнью и „требовать отъ нея, чтобы она сразу приняла Вашу программу нельзя. Она начинаетъ бороться! Союзы, учреждаемые одинъ за однимъ — вотъ признаки начинающагося сплоченія ея. Знайте, что она вся на вашей сторонѣ — и что не мало жертвъ уже было съ ея стороны и она не остановится". Затѣмъ все время, мѣняясь, говорили рабочіе соціальдемократы — и полнѣе развивали свое отношеніе къ либераламъ. Еще во время рѣчи 2-го оратора появилась въ залѣ полиція. Крики долой полицію, долой шпиковъ! Масса переодѣтыхъ. Дѣло въ томъ, что послѣ оставленія предсѣдательскаго мѣста Парійскимъ, было дано знать полиціи, что „инцидентъ" начался. Полиція не замедлила явиться. Всѣ ораторы соціальдемократы дружно были поддержаны аплодисментами публики. Стали расходиться съ пѣніемъ Марсельезы и Варшавянки. Очень выдержанно, стройно пѣли. Возбужденіе росло. У выхода клуба стояла высшая полиція — а въ цѣлый рядъ выстроившись конныя казаки съ плетьми. Первые выходившіе по парѣ или больше стали группироваться по угламъ. Но вотъ одинъ рабочій сѣлъ на скамейку вблизи клуба. Къ нему подходитъ полиція и велитъ уйти. Онъ говоритъ: „ну чтожъ можно". Не знаю почему—но его рѣшили арестовать. Но въ эту минуту послышались голоса — „товарищей арестовываютъ" и бросились къ извощику отбивать. Не знаю, отбили или нѣтъ, но моментально на всю публику, выходившую изъ дверей ужегустой массой, налетѣли конные казаки съ гикомъ и стали бить нагайками. Били всѣхъ. Не щадили никого. Полиція била шашками, сапогами. Лошади давили всѣхъ. Лежащихъ добивали. Одну дѣвицу казакъ ударилъ, она упала; пыталась подняться, ее другой казакъ еще разъ ударилъ. Теперь, израненная, лежитъ. Масса вся была беззащитна и дорогой попадала всюду, въ погреба винные, кондитерскую и дворы. Возмутительно велъ себя Файвушовичъ, извѣстный богачъ. Къ его парадному крыльцу подбѣжали раненая женщина и 2 мужчинъ. — Просили впустить, онъ отказался. Слышны были душу раздирающіе крики. Что было дѣлать, когда всѣ пришли безъ оружія — не думая, слѣдовательно устроить демонстрацію. Били ужъ послѣ того, когда всѣхъ почти разогнали. Раненныхъ много, не берусь даже сказать и приблизительнаго числа! Словомъ, второе Нижегородское избіеніе полиціей.

---

[1] См. Тулинъ „Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве", въ сборникѣ „Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія" 1895 г.

[1] См. „Экономическіе этюды и статьи" СПБ. 1899 г. „Отъ какого наслѣдства мы отказываемся".

Ростовъ н/Д 9 го января. И здѣсь зашевелились либералы, устраиваютъ собранія, выносятъ резолюціи; такъ, напримѣръ, было на дняхъ собраніе въ реальномъ училищѣ, гдѣ сошлись педагоги и родители учащихся. Послѣдніе произносили довольно смѣлыя рѣчи и вынесли соотвѣтствующую резолюцію.

Было также и спеціально женское собраніе, вынесшее резолюцію съ общими революціонными требованіями. Въ театрѣ публика устроила сочувственную манифестацію артисткѣ Кузѣ, протестовавшей 9 января противъ бойни и удаленной за то съ петербургской казенной сцены. При ея появленіи на сцену, посыпалась маленькія красныя прокламаціи; затѣмъ ей поднесли букетъ изъ красныхъ розъ съ красными лентами и надписью, „Отъ женщинъ Ростова и Нахичевани — женщинѣ гражданкѣ". Растерявшаяся полиція никакихъ мѣръ не принимала.

Сормово. 1-го апрѣля въ зданіи чайной читалась однимъ врачемъ лекція о холерѣ. Публики, почти исключительно рабочей, собралось очень много; интересно отмѣтить, что почти всѣ рабочіе явились вооруженные, кто чѣмъ могъ — желѣзными палками, гирями, гайками, а кто и револьверомъ.

По окончаніи лекціи одинъ изъ рабочихъ спросилъ лектора, почему это надо ожидать, что холера появится прежде всего въ рабочихъ кварталахъ, а не среди богачей? Докторъ отвѣтилъ, что это ужъ отъ Бога. Тогда между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: *Рабочій* — На богѣ далеко не уѣдешь. *Докторъ*: Конечно богъ то богъ, да и самъ не будь плохъ!

Другой рабочій замѣтилъ, что холера не единственная бѣда, надвигающаяся на рабочихъ, что она, какъ и всѣ остальныя ихъ бѣды, происходитъ отъ одной общей причины — общихъ условій ихъ жизни (рабочихъ) вообще и политическихъ условій жизни въ Россіи въ частности. Говорилъ и о войнѣ, о событіяхъ внутри Россіи. Закончилъ онъ свою рѣчь такъ: „наши товарищи — петербургскіе рабочіе—геройски погибли 9 го января отъ руки убійственнаго самодержавія. Всѣ ужасы 9 го января заставляютъ напрягать нашъ умъ и всѣ наши силы на то, чтобы скорѣе найти выходъ". Въ концѣ его рѣчи съ улицы раздался выстрѣлъ; рабочіе приняли его за нападеніе полиціи и всѣ бросились къ выходу. Тогда раздались выстрѣлы и въ самомомъ залѣ: то рабочіе разстрѣливали портретъ Николая II.

Вышедшіе изъ залы, при крикахъ „да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. Партія" съ пѣніемъ марсельезы двинулись по улицѣ. Было до 2000 человѣкъ. Другая толпа демонстрантовъ навела на полицію такую панику, что она вся разбѣжалась и попряталась, кто куда, а на другой день около 40 городовыхъ подали въ отставку, т. к. они не хотятъ болѣе служить въ Сормовѣ и вообще въ полиціи: имъ еще охота пожить, „а на этой службѣ легко могутъ убить".

Нѣкоторое время спустя послѣ ухода демонстрантовъ хулиганы, по наущенію полиціи, выбили стекла въ двухъ домахъ, думая такимъ образомъ возбудить населеніе противъ демонстрантовъ, но напрасно: всѣ знаютъ, чего хотятъ демонстранты и чего надо ждать отъ черной сотни.

Теперь сюда прислали 2 сотни казаковъ — одна стоитъ здѣсь другая въ городѣ, власти готовятся къ 1-ому мая.

Камышинъ, (Саратовской губерніи). До сихъ поръ нельзя было услышать изъ Камышина о массовомъ протестѣ противъ существующаго государственнаго режима. Не было протеста не потому, что нѣтъ сознательныхъ и протестующихъ элементовъ, — они есть, но они не организованы и разобщены между собой. Вскорѣ послѣ Курскихъ избіеній здѣшняя учащаяся молодежь, реалисты и гимназистки старшихъ классовъ, заволновалась и рѣшила собраться на сходку въ реальномъ училищѣ 23 февраля послѣ спектакля, но до начала танцевъ. На сходкѣ огласили фактъ организованнаго полиціей избіенія учащихся въ Курскѣ и другихъ городахъ и приняли резолюцію, въ которой учащіеся обращаются къ мыслящему обществу, чтобы оно протестовало противъ такихъ подлыхъ средствъ усмиренія учащихся и указываютъ, что успокоеніе умовъ будетъ лишь тогда, когда произойдетъ полное обновленіе всего государственнаго и общественнаго строя. Послѣ сходки учащіеся, съ пѣніемъ марсельезы, направились въ залъ и, объявивъ собравшейся на вечеръ публикѣ свою резолюцію, предлагали прекратить танцы. Присутствовавшая публика, за исключеніемъ немногихъ, разошлась. На сходкѣ было 155 человѣкъ. Полиція не вмѣшивалась. Учебное начальство было обезкуражено неожиданной для нихъ демонстраціей. На другой день учащіеся выступили въ роли демонстрантовъ уже въ клубѣ, гдѣ былъ концертъ. Во время самаго концерта публика на галерѣ замѣтила одного шпіона. Послышались крики: „долой шпіона!" И шпіонъ былъ вытолкнутъ съ галереи чуть ли не всей стоявшей тамъ публикой, главнымъ образомъ, учащимися. При самомъ окончаніи концерта опять съ галереи просили пѣвца Хохлова спѣть „на бисъ" послѣднюю пьесу „Два гренадера". И вотъ, когда онъ запѣлъ знакомый мотивъ Марсельезы — на публику, сидящую въ рядахъ, посыпались прокламаціи — послышались крики: „долой самодержавіе!" и съ галереи грянула настоящая Марсельеза: „Отречемся отъ стараго міра". Сидящая на мѣстахъ публика, какъ только на нее посыпались прокламаціи (отъ группы соціальдемократовъ) о призывѣ къ протесту противъ избіенія, организованнаго самодержавіемъ для искорененія крамолы, — поспѣшно стала удаляться изъ залы. Исправникъ, услышавъ массовое пѣніе, отдалъ музыкѣ приказаніе играть маршъ и самъ явился въ залъ для увѣщеванія. Большая часть брошенныхъ прокламацій попала въ руки полиціи. Участвовавшихъ на демонстраціи въ клубѣ было свыше 100 человѣкъ. Говорятъ, что будетъ производиться по этому дѣлу жандармское слѣдствіе. Предсѣдатель совѣта старшинъ, мѣстный членъ окружного суда Остроумовъ добровольно принялъ на себя жандармскія обязанности. Впереди исправника онъ старался „усовѣстить" поющую публику и принялъ мѣры, чтобъ на будущее время не было большого скопленія людей на галереѣ, а исправникъ постарался на слѣдующій день приставить къ дверямъ клуба, вѣроятно, для устрашенія, человѣкъ 10 здоровенныхъ городовыхъ. Надо замѣтить, что всѣ эти ихъ мѣры усиліями мѣстнаго интеллигентнаго общества, на концертѣ 26 февраля, были уничтожены... По городу ходитъ слухъ, что будутъ бить учащихся. Поэтому, среди нихъ организовалась самооборона, состоящая изъ расхаживающихъ по наиболѣе многолюднымъ улицамъ вооруженныхъ револьверами патрулей.

Челябинскъ. 31 марта. Здѣсь были разбросаны прокламаціи слѣдующаго содержанія: „Воззваніе. Просимъ васъ, братья, сегодня въ 9 часовъ соединиться съ нами. Помогите намъ стереть съ лица земли это злое сѣмя, конечно, вы знаете, вреднѣе нѣтъ этихъ жидовъ, уничтожимъ мы ихъ всѣхъ самихъ и все ихнее производство. Пока до свиданья, надѣемся увидѣться сегодня вечеромъ въ 9 ч. 29 марта 1905 г. Присоединяется тысяча голосовъ".

Настроеніе въ массѣ возбужденное. Отовсюду требуютъ литературу.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 40 человѣкъ въ г. Иркутскѣ.

Мы, Иркутскіе работники и работницы, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ количествѣ 40 человѣкъ и обсудивъ вопросъ о современномъ положеніи рабочаго класса, пришли къ заключенію, что

1) вообще тяжелое положеніе рабочаго класса стало невыносимымъ въ послѣднее время, благодаря войнѣ;

2) виновникомъ войны и безправнаго положенія рабочаго класса является самодержавіе;

3) единственный выходъ при настоящемъ положеніи, какъ для насъ, такъ и для всего рабочаго класса одинъ — уничтоженіе царской монархіи путемъ народнаго возстанія для созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ;

4) Это Учредительное Собраніе прекратитъ войну и только оно одно обезпечитъ народу политическую свободу въ демократической республикѣ, а рабочему классу — возможность организовываться и бороться за соціализмъ.

5) Поэтому, мы привѣтствуемъ призывъ Сибирскаго Соціальдемократическаго Союза къ политической забастовкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзной дороги противъ царской монархіи и войны и обѣщаемъ поддержать эту стачку, а во время народнаго возстанія мы примкнемъ къ нему подъ знаменемъ Россійской Соціаль Демократической Рабочей Партіи.

Мартъ 1905 г.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ въ г. Нижнеудинскѣ.

Мы, рабочіе Нижнеудинскаго желѣзнодорожнаго депо, обсудивъ въ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ вопросъ о необходимости прекращенія войны, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что только активное вмѣшательство рабочихъ можетъ положить конецъ нелѣпой кровопролитной войнѣ съ Японіей.

Запутавшемуся въ сѣтяхъ собственной политики русскому правительству остается теперь одно изъ двухъ: побѣдить Японію или самому погибнуть; оно это прекрасно понимаетъ, оно знаетъ, что война затѣяна и ведется имъ въ цѣляхъ самосохраненія, и что она, поэтому, должна быть доведена до конца.

Русское самодержавіе надѣялось побѣдить Японію — и такимъ образомъ возвысить свой военный авторитетъ въ глазахъ другихъ державъ, чтобы имѣть возможность вновь пользоваться займами, безъ которыхъ оно жить не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно надѣялось, прокричавъ о новой побѣдѣ, подогрѣть ложный патріотизмъ темныхъ невѣжественныхъ массъ и отвлечь хотя на нѣкоторое время отъ себя ихъ революціонное вниманіе.

Но и самодержавіе знаетъ также, что ждетъ его въ случаѣ неудачъ: Оно лишится прежде всего иностраннаго кредита (ему, какъ обанкротившемуся коммерсанту, никто не будетъ вѣрить) и, кромѣ того, истощивъ въ неудачной войнѣ до послѣдней степени страну и, доказавъ свою полную неспособность управленія ею, оно еще сильнѣе возбудитъ революціонное настроеніе противъ себя.

Самодержавіе должно побѣдить, чтобы самому не погибнуть. И только крайняя необходимость заставитъ его подписать миръ; пока же есть хоть какая-нибудь возможность продолжать войну — правительство само не кончитъ ее.

Ежедневно оно перевозитъ на поля Манджуріи сотни и тысячи одѣтыхъ въ мундиры, одураченныхъ, вымуштрованныхъ братьевъ; шлетъ туда тысячи и милліоны рублей, нашимъ потомъ и кровью добытыхъ денегъ и жизненныхъ припасовъ, оставляя насъ здѣсь безъ продуктовъ первой необходимости, бросая на насъ вдовъ-женъ, сиротъ-дѣтей и безпомощныхъ стариковъ-родителей. Каждый день требуетъ новыхъ и новыхъ кровавыхъ жертвъ.

Ужасная, разорительная война тянется уже больше года, высасывая изъ рабочаго класса всѣ послѣдніе соки, и будетъ тянуться еще неопредѣленно долго — пока мы, рабочіе, сами не положимъ ей конецъ. И мы должны его положить!

На насъ, рабочихъ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ, лежитъ священная обязанность явиться застрѣльщиками въ этомъ благородномъ дѣлѣ, такъ какъ мы поставлены въ особо благопріятныя къ тому условія: въ нашихъ рукахъ находится вся линія Сибирскихъ и Забайкальскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Мы, Нижнеудинскіе рабочіе, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что лучшимъ и единственно подходящимъ въ данный моментъ средствомъ къ прекращенію войны является всеобщая *политическая* стачка по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Эта всеобщая политическая стачка положитъ конецъ нелѣпой войнѣ, нанесетъ смертельный ударъ опротивѣвшему царизму и дастъ могучій толчекъ всенародному возстанію противъ царской монархіи, которую такъ тщетно бомбардируетъ наша буржуазія всѣхъ оттѣнковъ разными петиціями и банкетными резолюціями.

На мѣсто царскаго правительства возставшій русскій народъ установитъ свое временное правительство. Оно заключитъ миръ съ Японіей и, помощью всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго голосованія, созоветъ *Всенародное Учредительное Собраніе*, которое должно учредить въ Россіи новый государственный строй на началахъ самодержавія народа, т. е. учредитъ Россійскую Демократическую Республику. Тогда то народу будетъ свобода, значитъ, свобода будетъ и для насъ, рабочихъ. Тогда рабочій классъ побѣдитъ буржуазію, и настанетъ царство соціализма, царство счастія, равенства и братства людей.

Теперь же, во имя соціализма, подъ знаменемъ нашей Рабочей Партіи, Соціальдемократической, мы должны вступить въ безпощадный бой противъ царской монархіи, противъ царской войны и мы вступимъ въ этотъ бой.

Марта 1905. г.

Съ театра войны. (Письмо офицера). 21 фев. ст. Нингута. Вотъ уже 4-й мѣсяцъ, какъ мы изъ В-ка; немного кажется, а сколько разныхъ приключеній: отъ В. до Манчжуріи бойко мы ѣхали, право, молодцы! Грабили по дорогѣ, колотили всѣхъ, кто попадется; бывало, когда поѣздъ подходитъ къ какому-нибудь городу, всѣ жители убѣгали, да ставни запирали; а водки-то, водки сколько вылакали! однимъ словомъ, храбрецы — молодцы! Японца въ щепки разобьемъ! — кричали, колотя стекла въ лавкахъ! Въ результатѣ отъ такой храбрости: 5 молодцевъ пьяненькихъ поѣздъ перерѣзалъ пополамъ, 3 молодцамъ руки или ноги пооторвало, 2 повѣсили за разбой, а 4 сослали въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Отличились! — Раньше я не вѣрилъ въ чудеса, но теперь вѣрю: развѣ это не чудо, что такіе храбрые, какъ только въѣхали въ Манчжурію и услыхали, какъ подъ Мукденомъ японцы: бумъ! бумъ! — такъ сейчасъ же всѣ стали смирные и перестали кричать „разобьемъ японца." — Но, какъ быть, начальство говоритъ что непремѣнно надо разбить японца, ну ужъ если не разбить, то хоть одну побѣду давай! Хоть роди, а давай побѣду! Э-э! у насъ и на это есть средство! вотъ оно: какъ только мы пришли подъ Мукденъ, пріѣхалъ къ намъ попъ главный съ образомъ, не съ простымъ образомъ, а съ такимъ, говорятъ попы, что кто имѣетъ этотъ образъ, тотъ побѣдитъ; даже японцы не имѣютъ такого хорошаго образа! Вотъ и давай пѣть, кадить да кланяться, а въ концѣ попъ поднялъ образъ и закричалъ грозно: „да погибнутъ всѣ японцы"! Ну, думаемъ мы, теперь уже конецъ япошкамъ! Но, видно, они лукавѣе насъ, мы то съ попами кадили и молились, а япошки въ это время подъ Сандепу укрѣпленія дѣлали. Наши, помолившись, пошли брать приступомъ эту самую деревню Сандепу: сунулись—12.000 нашихъ легло на мѣстѣ съ 15 го по 17 ое января и отступили назадъ. Ну, и времена! и образа даже не помогаютъ! Бѣда еще въ томъ, что въ Сандепу япошекъ было только 6 баталіоновъ и 6 орудій, а нашихъ 16 баталіоновъ и 102 орудія. Ну, да у насъ и на это есть средство: насъ вотъ поколотили, а мы за это панихиду отслужили, да еще не одну, а нѣсколько; поколотятъ еще — мы опять панихиду, да еще молебенъ, вотъ и тягайся съ нами! Ну, погодите, проклятые, пріѣдутъ къ намъ къ осени подкрѣпленія, зададимъ вамъ тогда! а теперь такъ намъ даже выгодно, что насъ бьютъ, это въ планъ войны у насъ вошло!.., Но что-же это такое? Да они, проклятые нехристи, уже въ тылъ намъ забрались: въ Цицикарѣ, въ Харбинѣ, въ Гунжулинѣ даже мостъ и желѣзную дорогу взорвали 3-го

---

[1] Къ сожалѣнію нѣтъ сейчасъ подъ рукой.

ственной" ископаемой рѣдкостью, называемой Скалдинымъ. Кромѣ записныхъ библіографовъ, мало кому что либо говоритъ названіе этого писателя, незамѣтно и нетипично промелькнувшаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ переходный періодъ „Отечественныхъ Записокъ"; но бѣдный кружковой марксистъ облюбовалъ эту рѣдкость за нѣсколько буржуазно-либеральныхъ идеекъ, пріятно пѣвшихъ въ униссонъ его антинародническому сердцу, не подозрѣвая, конечно, что безвѣстный Скалдинъ былъ не кто другой, какъ въ позднѣйшіе годы извѣстный хорошо на всю Россію авторъ проектовъ обузданія печати, реакціонный публицистъ по финляндскому вопросу, скверной памяти покойный Еленевъ.

Я не остановился бы на этомъ скандальномъ эпизодѣ изъ исторіи легальнаго марксизма, еслибы онъ не характеризовалъ такъ поразительно отчетливо и ярко особенностей мышленія кружковой интеллигенціи. Г. Ильину, какъ истому представителю кружка, свободному отъ элементарнаго историческаго чутья-пониманія, не стоило сомнѣній и труда выхватить изъ статей случайнаго и чуждаго писателя группу идей, формально сходныхъ съ положеніями современныхъ марксистовъ, и на основѣ этого сходства приняться за конструированіе того невѣроподобнаго преемства, которымъ онъ такъ горделиво щеголялъ на посрамленіе своимъ народническимъ оппонентамъ. Какъ и подобаетъ кружковому публицисту, онъ бралъ идеи внѣ среды, ихъ создавшей, внѣ той связи, которая только и сообщаетъ плоть и кровь безъ того безплотнымъ абстракціямъ. Онъ аргументировалъ отмахнувшись отъ исторіи, какъ и та первичная интеллигентская ячейка, изъ которой онъ пришелъ, и которая въ сущности живетъ — при всемъ радикализмѣ своихъ взглядовъ и несмотря на всю нелегальность своей практики — внѣ пространства и времени, въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ понятій.

И что примѣчательно: въ результатѣ — о иронія судьбы! — кружковой раціонализмъ омертвилъ · обезплодилъ кружковую отщепенскую нетерпимость: прочитайте, въ самомъ дѣлѣ, статью г. Ильина о „наслѣдствѣ", если вамъ до сихъ поръ ее прочесть не удосужилось, и вы поймете, что нетерпимость кружка есть самое ненадежное предохранительное средство отъ возможныхъ соблазновъ политики, вы поймете, почему эта статья при своемъ появленіи на свѣтъ была встрѣчена сочувственно въ кругу русскихъ бернштейніанцевъ того времени, и почему впослѣдствіи непримиримый Ленинъ — о чемъ еще разговоръ впереди — могъ дѣлать свои благожелательные курбеты передъ фрондой предводителей россійскаго дворянства.

Староверъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[illegible]ная толпа рабочихъ, интеллигентовъ и т. д. заполняли залу и хоры Ростовскаго клуба, было человѣкъ отъ 1500 до 2000 Довольно отчетливо, но не совсѣмъ ужъ популярно лекторъ излагалъ свою лекцію, тѣмъ не менѣе, его слушали. Свою бесѣду онъ иллюстрировалъ тутъ же висѣвшими картами со снимками различнаго рода и флакончиками съ бациллами, разносившимися въ публикѣ. Въ краткихъ словахъ онъ сказалъ и о резолюціи Пироговскаго съѣзда. Онъ кончилъ слѣдующими словами: „Благодарю Васъ, мм. гг., что вы мою сухую лекцію выслушали до конца, не перебивая, и теперь предлагаю плохо понявшимъ меня или желающимъ добавить что нибудь, пусть высказываются“. Дружные аплодисменты. Встаетъ председатель, докторъ Парійскій и говоритъ, что такъ какъ клубъ предназначенъ на сегодня для лекціи о холерѣ, а не для дебатовъ — то онъ закрываетъ собраніе. Послышались протестующіе крики и „долой председателя“. Выбрали новаго—редактора-издателя „Донской Рѣчи“ М. Берберова. Слово взялъ рабочій, — представитель Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Въ своей рѣчи онъ развилъ ту мысль, что холера только частный видъ всѣхъ бѣдствій, что бороться съ холерой, какъ съ отдѣльнымъ зломъ нельзя, не узнавши причины всѣхъ бѣдствій — разоренія народа — а причина разоренія народа — самодержавіе. Онъ указалъ на растущее съ поразительной быстротой революціонизированіе народныхъ массъ и сказалъ, что только революція смететъ всѣ бѣдствія. Онъ указалъ на губительность войны и ея роль, какъ очага заразныхъ болѣзней. Въ концѣ онъ прочелъ резолюцію Донского Комитета по поводу Пироговскаго съѣзда. Резолюція [1] была голосована поднятіемъ руки. Почти весь залъ былъ съ поднятыми руками. Ораторъ указалъ также на то, что докторовъ интеллигентовъ почти нѣтъ, что большинство является прислужниками хозяевъ-капиталистовъ. Онъ указывалъ на примѣрѣ въ полчаса докторъ принимаетъ 50—60 человѣкъ — и ограничивается пропиской касторки и порошковъ. Послѣ него хотѣлъ взять слово докторъ Бланиловскій, но его не хотѣли слушать. Тогда взялъ слово Коганъ. Онъ заговорилъ о черныхъ сотняхъ, о невѣжествѣ крестьянъ — и о томъ, что нельзя натравливать на интеллигенцію, на докторовъ эту массу. Заговорилъ о Пироговскомъ съѣздѣ и о резолюціи его, при чемъ довольно толково и прямо сказалъ, что только сверженіемъ самодержавія можно достигнуть улучшенія благосостоянія народа, что теперь рабочій классъ не долженъ отвергать союзниковъ, каковыми являются интеллигенты. Затѣмъ говорилъ снова ораторъ рабочій отъ Комитета. Онъ пояснилъ прежнюю мысль свою и сказалъ: „наше пролетарское дѣло должно быть чистымъ, безъ всякихъ примѣсей“ и что пока интеллигенція будетъ бороться съ самодержавіемъ, рабочіе ее не оттолкнутъ. Послышались голоса рабочихъ: „вмѣстѣ бить — врозь итти!“ Затѣмъ слово взялъ адвокатъ, пріѣхавшій со съѣзда адвокатовъ. Интеллигенція, по его словамъ, только начала жить политической жизнью и „требовать отъ нея, чтобы она сразу приняла Вашу программу нельзя. Она начинаетъ бороться! Союзы, учреждаемые одинъ за однимъ — вотъ признаки начинающагося сплоченія ея. Знайте, что она вся на вашей сторонѣ — и что не мало жертвъ уже было съ ея стороны и она не остановится“. Затѣмъ все время, мѣняясь, говорили рабочіе соціальдемократы — и полнѣе развивали свое отношеніе къ либераламъ. Еще во время рѣчи 2-го оратора появилась въ залѣ полиція. Крики долой полицію, долой шпиковъ! Масса переодѣтыхъ. Дѣло въ томъ, что послѣ оставленія предсѣдательскаго мѣста Парійскимъ, было дано знать полиціи, что „инцидентъ“ начался. Полиція не замедлила явиться. Всѣ ораторы соціальдемократы дружно были поддержаны аплодисментами публики. Стали расходиться съ пѣніемъ Марсельезы и Варшавянки. Очень выдержанно, стройно пѣли. Возбужденіе росло. У выхода клуба стояла высшая полиція — а въ цѣлый рядъ выстроившись конные казаки съ плетьми. Первые выходившіе по парѣ или больше стали группироваться по угламъ. Но вотъ одинъ рабочій сѣлъ на скамейку вблизи клуба. Къ нему подходитъ полиція и велитъ уйти. Онъ говоритъ: „ну чтожъ можно“. Не знаю почему —но его рѣшили арестовать. Но въ эту минуту послышались голоса — „товарищей арестовываютъ“ и бросились къ извощику отбивать. Не знаю, отбили или нѣтъ, но моментально на всю публику, выходившую изъ дверей уже густой массой, налетѣли конные казаки съ гикомъ и стали бить нагайками. Били всѣхъ. Не щадили никого. Полиція била шашками, сапогами. Лошади давили всѣхъ. Лежащихъ добивали. Одну дѣвицу казакъ ударилъ, она упала; пыталась подняться, ее другой казакъ еще разъ ударилъ. Теперь, израненная, лежитъ. Масса вся была беззащитна и дорогой попадала всюду, въ погреба винные, кондитерскую и дворы. Возмутительно велъ себя Файвушовичъ, извѣстный богачъ. Къ его парадному крыльцу подбѣжали раненая женщина и 2 мужчинъ. — Просили впустить, онъ отказался. Слышны были душу раздирающіе крики. Что было дѣлать, когда всѣ пришли безъ оружія — не думая, слѣдовательно устроить демонстрацію. Били ужъ послѣ того, когда всѣхъ почти разогнали. Раненныхъ много, не берусь даже сказать и приблизительнаго числа! Словомъ, второе Нижегородское избіеніе полиціей.

Ростовъ н/Д 9 го января. И здѣсь зашевелились либералы, устраиваютъ собранія, выносятъ резолюціи; такъ, напримѣръ, было на дняхъ собраніе въ реальномъ училищѣ, гдѣ сошлись педагоги и родители учащихся. Послѣдніе произносили довольно смѣлыя рѣчи и вынесли соотвѣтствующую резолюцію.

Было также и спеціально женское собраніе, вынесшее резолюцію съ общими революціонными требованіями. Въ театрѣ публика устроила сочувственную манифестацію артисткѣ Куза, протестовавшей 9 января противъ бойни и удаленной за то съ петербургской казенной сцены. При ея появленіи на сцену, посыпались маленькія красныя прокламаціи; затѣмъ ей поднесли букетъ изъ красныхъ розъ съ красными лентами и надписью, „Отъ женщинъ Ростова и Нахичевани — женщинѣ гражданкѣ“. Растерявшаяся полиція никакихъ мѣръ не принимала.

Сормово. 1-го апрѣля въ зданіи чайной читалась однимъ врачемъ лекція о холерѣ. Публики, почти исключительно рабочей, собралось очень много; интересно отмѣтить, что почти всѣ рабочіе явились вооруженные, кто чѣмъ могъ — желѣзными палками, гирями, гайками, а кто и револьверомъ.

По окончаніи лекціи одинъ изъ рабочихъ спросилъ лектора, почему это надо ожидать, что холера появится прежде всего въ рабочихъ кварталахъ, а не среди богачей? Докторъ отвѣтилъ, что это ужъ отъ Бога. Тогда между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: *Рабочій* — На богѣ далеко не уѣдешь. *Докторъ*: Конечно богъ то богъ, да и самъ не будь плохъ!

Другой рабочій замѣтилъ, что холера не единственная бѣда, надвигающаяся на рабочихъ, что она, какъ и всѣ остальныя ихъ бѣды, происходитъ отъ одной общей причины — общихъ условій ихъ жизни (рабочихъ) вообще и политическихъ условій жизни въ Россіи въ частности. Говорилъ и о войнѣ, о событіяхъ внутри Россіи. Закончилъ онъ свою рѣчь такъ: „наши товарищи — петербургскіе рабочіе—геройски погибли 9 го января отъ руки убійственнаго самодержавія. Всѣ ужасы 9 го января заставляютъ напрягать нашъ умъ и всѣ наши силы на то, чтобы скорѣе найти выходъ“. Въ концѣ его рѣчи съ улицы раздался выстрѣлъ; рабочіе приняли его за нападеніе полиціи и всѣ бросились къ выходу. Тогда раздались выстрѣлы и въ самомомъ залѣ: то рабочіе разстрѣливали портретъ Николая II.

Вышедшіе изъ залы, при крикахъ „да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. Партія“ съ пѣніемъ марсельезы двинулись по улицѣ. Было до 2000 человѣкъ. Другая толпа демонстрантовъ навела на полицію такую панику, что она вся разбѣжалась и попряталась, кто куда, а на другой день около 40 городовыхъ подали въ отставку, т. к. они не хотятъ болѣе служить въ Сормовѣ и вообще въ полиціи: имъ еще охота пожить, „а на этой службѣ легко могутъ убить“.

Нѣкоторое время спустя послѣ ухода демонстрантовъ хулиганы, по наущенію полиціи, выбили стекла въ двухъ домахъ, думая такимъ образомъ возбудить населеніе противъ демонстрантовъ, но напрасно: всѣ знаютъ, чего хотятъ демонстранты и чего надо ждать отъ черной сотни.

Теперь сюда прислали 2 сотни казаковъ — одна стоитъ здѣсь другая въ городѣ, власти готовятся къ 1 ому мая.

Камышинъ, (Саратовской губерніи). До сихъ поръ нельзя было услышать изъ Камышина о массовомъ протестѣ противъ существующаго государственнаго режима. Не было протеста не потому, что нѣтъ сознательныхъ и протестующихъ элементовъ, — они есть, но они не организованы и разобщены между собой. Вскорѣ послѣ Курскихъ избіеній здѣшняя учащаяся молодежь, реалисты и гимназистки старшихъ классовъ, заволновалась и рѣшила собраться на сходку въ реальномъ училищѣ 23 февраля послѣ спектакля, но до начала танцевъ. На сходкѣ огласили фактъ организованнаго полиціей избіенія учащихся въ Курскѣ и другихъ городахъ и приняли резолюцію, въ которой учащіеся обращаются къ мыслящему обществу, чтобы оно протестовало противъ такихъ подлыхъ средствъ усмиренія учащихся и указываютъ, что успокоеніе умовъ будетъ лишь тогда, когда произойдетъ полное обновленіе всего государственнаго и общественнаго строя. Послѣ сходки учащіеся, съ пѣніемъ марсельезы, направились въ залъ и, объявивъ собравшейся на вечеръ публикѣ свою резолюцію, предлагали прекратить танцы. Присутствовавшая публика, за исключеніемъ немногихъ, разошлась. На сходкѣ было 157 человѣкъ. Полиція не вмѣшивалась. Учебное начальство было обезкуражено неожиданной для нихъ демонстраціей. На другой день учащіеся выступили въ роли демонстрантовъ уже въ клубѣ, гдѣ былъ концертъ. Во время самаго концерта публика на галереѣ замѣтила одного шпіона. Послышались крики: „долой шпіона!“ И шпіонъ былъ вытолкнутъ съ галереи чуть ли не всей стоявшей тамъ публикой, главнымъ образомъ, учащимися. При самомъ окончаніи концерта опять съ галереи просили пѣвца Хохлова спѣть „на бисъ“ послѣднюю пьесу „Два гренадера“. И вотъ, когда онъ запѣлъ знакомый мотивъ Марсельезы — на публику, сидящую въ рядахъ, посыпались прокламаціи — послышались крики: „долой самодержавіе!“ и съ галереи грянула настоящая Марсельеза: „Отречемся отъ стараго міра“. Сидящая на мѣстахъ публика, какъ только на нее посыпались прокламаціи отъ группы соціальдемократовъ о призывѣ къ протесту противъ избіенія, организованнаго самодержавіемъ для искорененія крамолы, — поспѣшно стала удаляться изъ залы. Исправникъ, услышавъ массовое пѣніе, отдалъ музыкѣ приказаніе играть маршъ и самъ явился въ залъ для увѣщеванія. Большая часть брошенныхъ прокламацій попала въ руки полиціи. Участвовавшихъ на демонстраціи въ клубѣ было свыше 100 человѣкъ. Говорятъ, что будетъ производиться по этому дѣлу жандармское слѣдствіе. Предсѣдатель совѣта старшинъ, мѣстный членъ окружного суда Остроумовъ добровольно принялъ на себя жандармскія обязанности. Впереди исправника онъ старался „усовѣстить“ поющую публику и принялъ мѣры, чтобъ на будущее время не было большого скопленія людей на галереѣ, а исправникъ постарался на слѣдующій день приставить къ дверямъ клуба, вѣроятно для устрашенія, человѣкъ 10 здоровенныхъ городовыхъ. Надо замѣтить, что всѣ эти ихъ мѣры усиліями мѣстнаго интеллигентнаго общества, на концертѣ 26 февраля, были уничтожены... По городу ходитъ слухъ, что будутъ бить учащихся. Поэтому, среди нихъ организовалась самооборона, состоящая изъ расхаживающихъ по наиболѣе многолюднымъ улицамъ вооруженныхъ револьверами патрулей.

Челябинскъ. 31 марта. Здѣсь были разбросаны прокламаціи слѣдующаго содержанія: „Воззваніе. Просимъ васъ, братья, сегодня въ 9 часовъ соединиться съ нами. Помогите намъ стереть съ лица земли это злое сѣмя, конечно, вы знаете, вреднѣе нѣтъ этихъ жидовъ, уничтожимъ мы ихъ всѣхъ самихъ и все ихнее производство. Пока до свиданья, надѣемся увидѣться сегодня вечеромъ въ 9 ч. 29 марта 1905 г. Присоединяется тысяча голосовъ“.

Настроеніе въ массѣ возбужденное. Отовсюду требуютъ литературу.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 40 человѣкъ въ г. Иркутскѣ.

Мы, Иркутскіе работники и работницы, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ количествѣ 40 человѣкъ и обсудивъ вопросъ о современномъ положеніи рабочаго класса, пришли къ заключенію, что

1) вообще тяжелое положеніе рабочаго класса стало невыносимымъ въ послѣднее время, благодаря войнѣ;

2) виновникомъ войны и безправнаго положенія рабочаго класса является самодержавіе;

3) единственный выходъ при настоящемъ положеніи, какъ для насъ, такъ и для всего рабочаго класса одинъ — уничтоженіе царской монархіи путемъ народнаго возстанія для созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ;

4) Это Учредительное Собраніе прекратитъ войну и только оно одно обезпечитъ народу политическую свободу въ демократической республикѣ, а рабочему классу — возможность организовываться и бороться за соціализмъ.

5) Поэтому, мы привѣтствуемъ призывъ Сибирскаго Соціаль-Демократическаго Союза къ политической забастовкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзной дороги противъ царской монархіи и войны и обѣщаемъ поддержать эту стачку, а во время народнаго возстанія мы примкнемъ къ нему подъ знаменемъ Россійской Соціаль Демократической Рабочей Партіи.

Мартъ 1905 г.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ въ г. Нижнеудинскѣ.

Мы, рабочіе Нижнеудинскаго желѣзнодорожнаго депо, обсудивъ въ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ вопросъ о необходимости прекращенія войны, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что только активное вмѣшательство рабочихъ можетъ положить конецъ нелѣпой кровопролитной войнѣ съ Японіей.

Запутавшемуся въ сѣтяхъ собственной политики русскому правительству остается теперь одно изъ двухъ: побѣдить Японію или самому погибнуть; оно это прекрасно понимаетъ, оно знаетъ, что война затѣяна и ведется имъ въ цѣляхъ самосохраненія, и что она, поэтому, должна быть доведена до конца.

Русское самодержавіе надѣялось побѣдить Японію — и такимъ образомъ возвысить свой военный авторитетъ въ глазахъ другихъ державъ, чтобы имѣть возможность вновь пользоваться займами, безъ которыхъ оно жить не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно надѣялось, прокричавъ о новой побѣдѣ, подогрѣть ложный патріотизмъ темныхъ невѣжественныхъ массъ и отвлечь хотя на нѣкоторое время отъ себя ихъ революціонное вниманіе.

Но и самодержавіе знаетъ также, что ждетъ его въ случаѣ неудачъ: Оно лишится прежде всего иностраннаго кредита (ему, какъ обанкротившемуся коммерсанту, никто не будетъ вѣрить) и, кромѣ того, истощивъ въ неудачной войнѣ до послѣдней степени страну и, доказавъ свою полную неспособность управленія ею, оно еще сильнѣе возбудитъ революціонное настроеніе противъ себя.

Самодержавіе должно побѣдить, чтобы самому не погибнуть. И только крайняя необходимость заставитъ его подписать миръ; пока же есть хоть какая-нибудь возможность продолжать войну — правительство само не кончитъ ее.

Ежедневно оно перевозитъ на поля Манджуріи сотни и тысячи одѣтыхъ въ мундиры, одураченныхъ, вымуштрованныхъ братьевъ; шлетъ туда тысячи и милліоны рублей, нашимъ потомъ и кровью добытыхъ денегъ и жизненныхъ припасовъ, оставляя насъ здѣсь безъ продуктовъ первой необходимости, бросая на насъ вдовъ-женъ, сиротъ дѣтей и безпомощныхъ стариковъ родителей. Каждый день требуетъ новыхъ и новыхъ кровавыхъ жертвъ.

Ужасная, разорительная война тянется уже больше года, высасывая изъ рабочаго класса всѣ послѣдніе соки, и будетъ тянуться еще неопредѣленно долго — пока мы, рабочіе, сами не положимъ ей конецъ. И мы должны его положить!

На насъ, рабочихъ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ, лежитъ священная обязанность явиться застрѣльщиками въ этомъ благородномъ дѣлѣ, такъ какъ мы поставлены въ особо благопріятныя къ тому условія: въ нашихъ рукахъ находится вся линія Сибирскихъ и Забайкальскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Мы, Нижнеудинскіе рабочіе, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что лучшимъ и единственно подходящимъ въ данный моментъ средствомъ къ прекращенію войны является всеобщая *политическая* стачка по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Эта всеобщая политическая стачка положитъ конецъ нелѣпой войнѣ, нанесетъ смертельный ударъ одряхлѣвшему царизму и дастъ могучій толчекъ всенародному возстанію противъ царской монархіи, которую такъ тщетно бомбардируетъ наша буржуазія всѣхъ оттѣнковъ разными петиціями и банкетными резолюціями.

На мѣсто царскаго правительства возставшій русскій народъ установитъ свое временное правительство. Оно заключитъ миръ съ Японіей и, помощью всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго голосованія, созоветъ *Всенародное Учредительное Собраніе*, которое должно учредить въ Россіи новый государственный строй на началахъ самодержавія народа, т. е. учредитъ Россійскую Демократическую Республику. Тогда то народу будетъ свобода, значитъ, свобода будетъ и для насъ, рабочихъ. Тогда рабочій классъ побѣдитъ буржуазію, и настанетъ царство соціализма, царство счастія, равенства и братства людей.

Теперь же, во имя соціализма, подъ знаменемъ нашей Рабочей Партіи, Соціальдемократической, мы должны вступить въ безпощадный бой противъ царской монархіи, противъ царской войны и мы вступимъ въ этотъ бой.

Марта 1905. г.

Съ театра войны. (Письмо офицера). 21 фев. ст. Нингута. Вотъ уже 4-й мѣсяцъ, какъ мы изъ В-ка, немного кажется, а сколько разныхъ приключеній: отъ В. до Манчжуріи бойко мы ѣхали, право, молодцы! Грабили по дорогѣ, колотили всѣхъ, кто попадется; бывало, когда поѣздъ подходитъ къ какому нибудь городу, всѣ жители убѣгали, да ставни запирали; а водки-то, водки сколько вылакали! однимъ словомъ, храбрецы — молодцы! Японца въ щепки разобьемъ! — кричали, колотя стекла въ лавкахъ! Въ результатѣ отъ такой храбрости: 5 молодцевъ пьяненькихъ поѣздъ перерѣзалъ пополамъ, 3 молодцамъ руки или ноги поотрывало, 2 повѣсили за разбой, а 4 сослали въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Отличились! — Раньше я не вѣрилъ въ чудеса, но теперь вѣрю: развѣ это не чудо, что такіе храбрые, какъ только въѣхали въ Манчжурію и услыхали, какъ подъ Мукденомъ японцы: бумъ! бумъ! — такъ сейчасъ же всѣ стали смирные и перестали кричать „разобьемъ японца.“ — Но, какъ быть, начальство говоритъ что непремѣнно надо разбить японца, ну ужъ если не разбить, то хоть одну побѣду давай! Хоть роди, а давай побѣду! Э-э! у насъ и на это есть средство! вотъ оно: какъ только мы пришли подъ Мукденъ, пріѣхалъ къ намъ попъ главный съ образомъ, не съ простымъ образомъ, а съ такимъ, говорятъ попы, что кто имѣетъ этотъ образъ, тотъ побѣдитъ; даже японцы не имѣютъ такого хорошаго образа! Вотъ и давай пѣть, кадить да кланяться, а въ концѣ попъ поднялъ образъ и закричалъ грозно: „да погибнутъ всѣ японцы“! Ну, думаемъ мы, теперь уже конецъ япошкамъ! Но, видно, они лукавѣе насъ, мы то съ попами кадили и молились, а япошки въ это время подъ Сандепу укрѣпленія дѣлали. Наши, помолившись, пошли брать приступомъ эту самую деревню Сандепу: сунулись—12.000 нашихъ легло на мѣстѣ съ 15 го по 17 ое января и отступили назадъ. Ну, и времена! и образа даже не помогаютъ! Бѣда еще въ томъ, что въ Сандепу япошекъ было только 6 баталіоновъ и 6 орудій, а нашихъ 16 баталіоновъ и 102 орудія. Ну, да у насъ и на это есть средство: насъ вотъ поколотили, а мы за это панихиду отслужили, да еще не одну, а нѣсколько; поколотятъ еще — мы опять панихиду, да еще молебенъ, вотъ и тягайся съ нами! Ну, погодите, проклятые, пріѣдутъ къ намъ къ осени подкрѣпленія, зададимъ вамъ тогда! а теперь такъ намъ даже выгодно, что насъ бьютъ, это въ планъ войны у насъ вошло!.., Но что-же это такое? Да они, проклятые нехристи, уже въ тылъ намъ забрались: въ Цицикарѣ, въ Харбинѣ, въ Гунжуланѣ даже мостъ и желѣзную дорогу взорвали 3-го

---

[1] Къ сожалѣнію нѣтъ сейчасъ подъ рукой.

[illegible]ативной“ ископаемой рѣдкостью, называемой Скалдинымъ. Кромѣ записныхъ библіографовъ, мало кому что либо говоритъ названіе этого писателя, незамѣтно и нетипично промелькнувшаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ переходный періодъ „Отечественныхъ Записокъ“; но бѣдный кружковой марксистъ облюбовалъ эту рѣдкость за нѣсколько буржуазно-либеральныхъ идеекъ, пріятно пѣвшихъ въ униссонъ его антинародническому сердцу, не подозрѣвая, конечно, что безвѣстный Скалдинъ былъ не кто другой, какъ въ позднѣйшіе годы извѣстный хорошо на всю Россію авторъ проектовъ обузданія печати, реакціонный публицистъ по финляндскому вопросу, скверной памяти покойный Еленевъ.

Я не остановился бы на этомъ скандальномъ эпизодѣ изъ исторіи легальнаго марксизма, еслибы онъ не характеризовалъ такъ поразительно отчетливо и ярко особенностей мышленія кружковой интеллигенціи. Г. Ильину, какъ истому представителю кружка, свободному отъ элементарнаго историческаго чутья-пониманія, не стоило сомнѣній и труда выхватить изъ статей случайнаго и чуждаго писателя группу идей, формально сходныхъ съ положеніями современныхъ марксистовъ, и на основѣ этого сходства приняться за конструированіе того невѣроподобнаго преемства, которымъ онъ такъ горделиво щеголялъ на посрамленіе своимъ народническимъ оппонентамъ. Какъ и подобаетъ кружковому публицисту, онъ бралъ идеи внѣ среды, ихъ создавшей, внѣ той связи, которая только и сообщаетъ плоть и кровь безъ того безплотнымъ абстракціямъ. Онъ аргументировалъ отмахнувшись отъ исторіи, какъ и та первичная интеллигентская ячейка, изъ которой онъ пришелъ, и которая въ сущности живетъ — при всемъ радикализмѣ своихъ взглядовъ и несмотря на всю нелегальность своей практики — внѣ пространства и времени, въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ понятій.

И что примѣчательно: въ результатѣ — о иронія судьбы! — кружковой раціонализмъ омертвилъ и обезплодилъ кружковую отщепенскую нетерпимость: прочитайте, въ самомъ дѣлѣ, статью г. Ильина о „наслѣдствѣ“, если вамъ до сихъ поръ ее прочесть не удосужилось, и вы поймете, что нетерпимость кружка есть самое ненадежное предохранительное средство отъ возможныхъ соблазновъ политики, вы поймете, почему эта статья при своемъ появленіи на свѣтъ была встрѣчена сочувственно въ кругу русскихъ бернштейніанцевъ того времени, и почему впослѣдствіи непримиримый Ленинъ — о чемъ еще разговоръ впереди — могъ дѣлать свои благожелательные курбеты передъ фрондой предводителей россійскаго дворянства.

Старовѣръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

и 5-го февраля, всюду, лѣшие, успѣютъ! Скорѣй, Ленкоранцы и Закатальцы, съ артиллеріей садитесь на поѣздъ изъ Мукдена (4-го февраля) да скорѣе назадъ въ Харбинъ, а оттуда по разнымъ городкамъ караулъ, чтобы япошки не отрѣзали желѣзную дорогу отъ Россіи. Немного пришлось оттянуть войска назадъ — ну, тысячъ 30. Вотъ мы и сидимъ теперь на задахъ и ждемъ япошекъ уже не только спереди, а съ боку, съ неба и изъ подъ земли, а что будетъ дальше, не знаемъ, а мы пока жалованье беремъ и пьемъ, а пьемъ на пропалую, хоть этимъ возьмемъ; а какія славныя пѣсни въ ресторанчикахъ поютъ здѣсь при выпивкахъ:

Орловъ удралъ уже въ гаольянъ,
Сдается храбро Лаоянъ.
Не удираемъ — однако, отступаемъ,
Хотѣли взять мы Сандепу
Но япошки изъ пулеметовъ — пу!
Хотя 12000 оставляемъ,
Зато въ порядкѣ отступаемъ.
Нашъ Генеральный штабъ,
Въ познаньяхъ, охъ, какъ слабъ!
Давно замѣчаемъ, — но не исправляемъ.
Зато Ояма и Куроки,
Даетъ русскимъ генераламъ уроки,
По тактикѣ на практикѣ, и т. д.

Видите какъ все благополучно! вотъ только одно плохо, что нашъ бумажный рубль здѣсь бунтуетъ за $^1/_2$ цѣны и то не охотно, идетъ; китайцы говорятъ: давай золото, а золота то и нѣтъ, какъ на бѣду, надѣлали столько бумажекъ, все новенькія, думали, понравятся китайцамъ. Вотъ потому то жизнь здѣсь такъ дорога: фунтъ мяса 35-40 коп., фунтъ хлѣба чернаго до 12-15 к. сахаръ 40-50 коп., бутылка пива 1 руб., фунтъ масла 1 р. 50 к. соломы пудъ 1 руб. 50 коп., ячмень 3-4 руб. пуд. Вообще, подъ Мукденомъ мы страшно терпимъ: землянки безъ оконъ и дверей, ледъ и снѣгъ подъ бокомъ, обогрѣться негдѣ, потому что дрова до 120 руб. за сажень сырыхъ, а морозы болѣе 20°. Кругомъ площадь верстъ на 500 квадратныхъ, вся разорена, однѣ лишь развалины и руины, все разбито, разграблено, изломано, хуже, чѣмъ послѣ пожара, жители разбѣжались, однѣ собаки стаями бродятъ и съѣдаютъ убитыхъ и раненыхъ; только въ большихъ городахъ дома и жители еще цѣлы. Поэтому, мы всюду терпимъ отъ холода и голода и если пишутъ въ газетахъ, что войска рвутся въ бой, то это правда: всѣ говорятъ, что лучше идти на японца, чѣмъ такъ, безъ дѣла, мерзнуть на мѣстѣ. Да, всѣ тутъ, и большие и малые, повѣсили носы и спрашиваютъ: а что дальше будетъ? про то никто не знаетъ.

Насъ просятъ напечать:

МАНИФЕСТЪ

соціальдемократическихъ делегатовъ и членовъ, участвовавшихъ на 6 омъ конгрессѣ „Союза студентовъ армянъ въ Зап. Европы“, обращенной ко всѣмъ европейскимъ армянскимъ студентамъ соціальдемократамъ.

Товарищи!

Принимая во вниманіе,

что неоспоримая дифференціація классовыхъ интересовъ въ армянской жизни и обусловленные ею разные общественные идеалы нашли откликъ и въ армянской учащейся молодежи и вызвали различныя общественно-политическія стремленія;

что невозможно и противоестественно группировать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ и для одной и той же цѣли такіе разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ учащееся въ Европѣ армянское студенчество;

что никакое коллективное цѣлое или общество не можетъ стать выше партіи, въ особенности на общественно политической почвѣ, и что въ противномъ случаѣ оно обрекло бы себя на полную бездѣятельность, каковая доказывается безплоднымъ существованіемъ „Союза студентовъ-армянъ въ Европѣ“ въ послѣдніе годы;

что, наконецъ, учащееся въ Европѣ армянское соціальдемократическое студенчество съ присущимъ ему міровоззрѣніемъ, съ своими руководящими принципами и изъ опредѣленныхъ партійныхъ интересовъ не можетъ ни принципіально, ни практически принимать дѣйствительное и продолжительное участіе въ какомъ нибудь одномъ дѣлѣ съ націоналистическимъ студенчествомъ (Дрошакистами и Генчакистами).

Принимая все это во вниманіе, участвовавшіе на названномъ конгрессѣ соціальдемократы, 17 голосами противъ 34, рѣшили считать „Союзъ студентовъ-армянъ въ Зап. Европѣ“, какъ таковой, фактически распавшимся и ушли съ вечерняго засѣданія 6-го конгресса.

Отнынѣ названный „Союзъ“ не можетъ считаться однимъ коллективнымъ цѣлымъ, обнимающимъ все армянское студенчество, такъ какъ отъ него отдѣляется довольно значительная часть студентовъ.

Само собою разумѣется, что какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, армянская соціальдемократическая учащаяся молодежь, съ ея точки зрѣнія пролетарски-классовыхъ интересовъ, не можетъ слиться въ одно цѣлое и работать совмѣстно съ тѣми элементами изъ студенчества, которые, по своимъ общественнымъ взглядамъ и практическимъ стремленіямъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія національзма.

Участвовавшіе на конгрессѣ соціальдемократическіе
делегаты и члены.

Бернъ. 1905 года, 8 апрѣля.

Адресъ Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ отъ Онежскихъ политическихъ ссыльныхъ.

Вѣра Николаевна! Четверть вѣка прошло съ тѣхъ героическихъ дней, когда группа объединенныхъ въ партію „Народная Воля“, преданныхъ дѣлу народнаго освобожденія революціонеровъ потрясла своей борьбой зданіе насильническаго произвола, но, истощенная невѣроятными преслѣдованіями, не поддержанная въ своей борьбѣ силою широкихъ народныхъ массъ, борьбою революціоннаго класса, была разбита въ этомъ сраженіи. Висѣлицы и цѣпи бросило тогда правительство боровшимся за свободу и народное благо. Четверть вѣка томились десятки борцовъ „Народной Воли“ въ каторжныхъ тюрьмахъ Шлиссельбурга, — съ неудержимой злобой мстилъ царизмъ своимъ плѣннымъ противникамъ. — А за стѣнами Шлиссельбургской тюрьмы, во всей Россіи, превращенной въ одну обширную тюрьму, царилъ произволъ также неудержимо, также беззастѣнчиво.

Но въ эти тяжелые годы въ нѣдрахъ народной жизни развился и выросъ къ самостоятельному сознанію и къ самостоятельной политической дѣятельности новый общественный классъ. Революціонный по самому своему положенію, пролетаріатъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ лучшему будущему наталкивается на преграды, представляемыя подгнившими пережитками крѣпостническаго строя, — и передъ россійскимъ рабочимъ неизбѣжно встала великая задача пробить свободную дорогу къ своему полному освобожденію, къ соціальной революціи, къ уничтоженію всего этого порядка насилія и произвола. — И теперь, когда отъ шума повсемѣстной борьбы рабочихъ пробудились къ сознательной политической жизни всѣ общественные классы и близко время паденія зарвавшагося въ военныхъ авантюрахъ царизма, — въ этотъ моментъ, когда мы брошенные въ ссылку, участники современнаго движенія, вспоминаемъ о днѣ 1-го марта, какъ о прошломъ Русской революціи, мы можемъ съ полнымъ основаніемъ обратиться къ Вамъ съ радостной вѣстью:

Задача, которую Вы ставили себѣ, за которую боролись и величіе которой долгіе десятки лѣтъ поддерживало Васъ въ плѣну заточенія, — теперь она близка къ осуществленію. Могучимъ титаномъ встаетъ по всей Россіи рабочій классъ на борьбу, — и первый штурмъ народныхъ массъ направляется на стѣны царскихъ бастилій, гдѣ еще томятся плѣнные товарищи.

Мы привѣтствуемъ Васъ съ освобожденіемъ изъ тюремныхъ стѣнъ на вольный воздухъ разгорающейся общественной борьбы.

Первое марта неразрывно связано съ партіей „Народная Воля“, а Ваше имя съ именемъ этой партіи. И вотъ почему мы въ день 1-го марта, привѣтствуемъ Васъ, Вѣра Николаевна, и въ Вашемъ лицѣ партію „Народная Воля“, являющуюся славной предшественницей современнаго освободительнаго пролетарскаго движенія.

Онежскіе политическіе ссыльные:

Яковъ Вольфъ Визелькаръ, Борисъ Дорошевскій, Григорій Финкельштейнъ, Н. Скрынникъ, Ной Чхеидзе, Вацлавъ Карбовскій, Б. О. Овчарскій, Мордухъ Любовскій, Алексѣй Шумовъ, Давидъ Брагинскій, Павелъ Баланчевадзе, Абрамъ Зельбергъ, И. Сараевъ, Семенъ Малый, Константинъ Айрумовъ, Юлія Демицына, Мовша Бенціоновичъ Галдовскій, Фрида Галдовская, Владиміръ Демицынъ и Локтовъ.

Онега. 1-го марта 1905 года.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Севастополь. Черноморскій флотъ (изъ письма матроса). За послѣднее время работа во флотѣ стала замѣтно прогрессировать. Особенно стало расширяться движеніе съ назначеніемъ Чухнина. Этотъ помпадуръ, типичный представитель вырождающейся бюрократіи, своими жесткими распоряженіями, нелѣпыми приказами и идіотскими рѣчами, сильно озлобилъ матросовъ и создалъ подходящую почву для агитаціи. Его спичи предъ рабочими и матросами имѣютъ большое отрицательное значеніе. Глупо и избито критикуя задачи соц.-дем., онъ этимъ самимъ толкаетъ мысль своихъ слушателей въ опредѣленную сторону. Для большей внушительности, онъ отдаетъ такіе нелѣпые приказы, что само начальство подсмѣивается надъ нимъ.

По глубокому убѣжденію Чухнина, матросамъ, въ свободное отъ работы время, незачѣмъ ходить въ городъ. Поэтому онъ приказалъ закрывать ворота на замокъ, когда матросы пожелаютъ уходить въ городъ. Это сильно разозлило матросовъ. 3 ноября, они, утомленные и голодные идя съ работы, разбили ворота, но были встрѣчены залпами пѣхотинцевъ. Возвратившись съ пѣснями обратно, они были встрѣчены залпами матросовъ новобранцевъ, которые стрѣляли только въ окна и двери казармъ. Тогда матросы рѣшили всѣмъ пойти къ штабу и потребовать Чухнина для объясненій. Вмѣсто него явился старшій флагманъ Кригеръ, который на глазахъ матросовъ разорвалъ приказъ Чухнина и обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Недовольство противъ Чухнина сильно возросло и матросы ему даже не отвѣчаютъ, когда онъ здоровается съ экипажемъ. Послѣ этого случая было рѣшено повести усиленную агитацію. Былъ выпущенъ листокъ въ 1800 экз., въ которомъ указывалось на необходимость солидарности въ борьбѣ противъ начальства. Прокламація сильно подняла настроеніе матросовъ. Съ 10 ноября по 25 марта было устроено 11 массовокъ. На первомъ собраніи было 30 матросовъ, на послѣднемъ 300. На первыхъ пяти массовкахъ ораторами выступали сами матросы.

По поводу предстоящаго погрома, была организована самооборона, въ которую вошли многіе сознательные вооруженные матросы. Полиція, узнавъ объ этомъ, повела обратную агитацію и уже увѣщевала босяковъ никого и ничего не трогать. По поводу суда надъ бунтовавшими въ ноябрѣ матросами былъ выпущенъ листокъ въ 1500 экз. Матросы призывались протестовать противъ Шемякинаго суда надъ ихъ товарищами. Наканунѣ суда былъ выпущенъ второй листокъ тоже въ 1500 экз. Тогда главный командиръ распорядился, чтобъ всѣ матросы въ день суда были назначены на работы и ученія. У зданія, выходящаго на набережную, были поставлены пулеметы и двѣ роты при полномъ боевомъ вооруженіи. Сознательные матросы сами старались занять отвѣтственные посты, попасть въ караулы, въ боевыя роты и при пулеметахъ. Было рѣшено, чтобы портовые и городскіе рабочіе забастовали и соединились съ матросами для устройства демонстраціи. Оказалось что портовые рабочіе забастовки не устроили и напрасно матросы ждали ихъ цѣлый день. Рѣшивъ протестовать самимъ, матросы вдругъ узнали, что судъ отложенъ на неопредѣленное время. Въ виду предстоящаго отъѣзда матросовъ на войну, былъ выпущенъ листокъ въ 800 экз. Назначенная на войну команда все время торчала въ казармахъ и только на дняхъ ее отправили въ Либаву. На вокзалѣ ихъ провожала масса портовыхъ, городскихъ рабочихъ и матросовъ. Прямо въ вагонахъ разбрасывали „Солдатскую Памятку“, пѣли Варшавянку. Но настроеніе матросовъ было до того убитое, что они помирились даже съ тѣмъ, что ихъ отправили въ товарныхъ вагонахъ.

Послѣ листка „объ отправкѣ матросовъ“ была выпущена прокламація „Къ патрульнымъ и часовымъ матросамъ“, въ 900 экз., въ которыхъ указывалось на капризы Чухнина, который ставилъ патрули даже тамъ, гдѣ некого и нечего охранять. Послѣ появленія прокламаціи Чухнинъ издалъ приказъ, въ которомъ говоритъ, что сами матросы крамольнымъ поведеніемъ заставляютъ его назначать лишніе патрули. Мы слышали, что предполагается замѣнить патрули матросовъ—армейскими, такъ какъ на матросовъ расчитывать трудно.

Съ ноября по апрѣль среди матросовъ было распространено: „Пора“ 1200; Что такое политическая свобода 500; О петербургскихъ событіяхъ 1200; Пора кончать 1800; Солд. памятка 2800; Кто долженъ побѣд. 200; Двѣ Европы 300; Рѣчь Громозовой 100; О царскомъ манифестѣ 1000; Смерть тиранамъ 1000; Манифестъ Петербургскихъ рабочихъ 1000 — въ общей сложности больше 12.000 экз. Листки разбрасывались по всѣмъ экипажамъ и раздавались по рукамъ (до 800). Часто устраиваются летучки въ 30 человѣкъ и массовки. На летучкахъ и массовыхъ собраніяхъ каждый разъ бываетъ новая публика.

Севастополь. На 20-ое марта была назначена массовка матросовъ черноморскаго флота. Съ утра лилъ довольно сильный дождь, но къ полудню небо прояснилось и изъ за тучъ показалось южное солнце. Массовка была назначена на два часа дня. Такъ какъ квартирныя условія здѣсь тяжелыя, приходится собираться на открытомъ воздухѣ. Мы поднялись далеко въ гору и скоро пришли въ назначенное мѣсто. Это небольшая площадь, кругомъ окруженная мелкими деревцами, еще не покрытыми листьями. По дорогѣ мы встрѣтили патрули; мы имъ говорили условленный пароль и намъ указывали путь дальше. Организацію массовки матросы-организаторы всегда берутъ на себя и устраиваютъ въ высшей степени практично и конспиративно. На полянѣ уже собрался народъ. Было уже болѣе 100 человѣкъ. Подождавъ нѣсколько минутъ, ораторъ взялъ слово и сталъ говорить о томъ, какъ самодержавіе хочетъ усыпить рабочихъ. Говорилъ онъ о коммиссіи Шидловскаго, указалъ матросамъ, что они тоже рабочіе и крестьяне и потому не могутъ быть безучастными зрителями всего происходящаго. Ораторъ указывалъ путь къ тому, чтобы избавиться отъ самодержавія царя и возстановить самодержавіе народа. Онъ подчеркнулъ необходимость Учредительнаго Собранія на основѣ прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія.

„Учредительнымъ Собраніемъ мы возстановимъ самодержавіе народа, мы провозгласимъ Демократическую Республику. Мы добьемся полной политической свободы и при ней будемъ бороться противъ пауковъ эксплуататоровъ, мы будемъ бороться за лучшую жизнь народа, мы будемъ бороться за права пролетаріата, за возстановленіе общественной собственности на средства производства, мы будемъ бороться за соціализмъ“.

Послѣ перваго оратора говорила другой — дѣвушка. Она коснулась мѣстныхъ обстоятельствъ. Подчеркнула, что мѣстный царекъ Чухнинъ является только частью того цѣлаго, что зовется самодержавіемъ. Она призывала всѣхъ на борьбу за народное освобожденіе подъ знамя соціальдемократіи. Послѣ рѣчи 1 й ораторъ предложилъ принять резолюцію. Резолюція была принята всѣми присутствующими въ количествѣ 194 человѣкъ. Вотъ ея текстъ:

„Мы, матросы Черноморскаго флота, собравшіеся въ количествѣ 194 человѣкъ, присоединяемся къ голосу всей порабощенной Россіи и вмѣстѣ съ передовою выразительницею интересовъ рабочаго класса — Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіею требуемъ сверженія ненавистнаго самодержавія и замѣны его Демократической Республикой. Мы увѣрены, что только Учредительнымъ Собраніемъ, созваннымъ на основѣ прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія мы возстановимъ самодержавіе народа.

Мы знаемъ, что лично въ своихъ интересахъ, затѣялъ царь гнусную войну и потому требуемъ немедленнаго ея прекращенія.

Пусть нашъ голосъ присоединится къ голосу всей пробудившейся гражданской Россіи. Пусть за протестомъ Черноморскихъ моряковъ послѣдуютъ протесты всей арміи и флота. Пусть пойметъ наконецъ царь, что послѣдній его оплотъ рушится. Близко наше освобожденіе и потому мы зовемъ въ свои ряды, въ ряды Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи всѣхъ, кого гнететъ и давитъ самодержавіе. Мы не оставимъ до тѣхъ поръ борьбы, пока не добьемся полнаго освобожденія человѣчества изъ подъ ига капиталистовъ-пауковъ. Мы боремся за соціализмъ.

Долой самодержавіе съ царемъ во главѣ! Долой войну!

Да здравствуетъ Учредительное Собраніе; Да здравствуетъ Демократическая Республика; Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія; Да здравствуетъ Соціализмъ!“

Къ этой резолюціи присоединились еще 150 человѣкъ, которые не были на собраніи.

Здѣсь во флотѣ 50 судовъ, на каждомъ изъ нихъ имѣются связи. Листки расходятся въ большомъ количествѣ. По рукамъ наши организованные матросы раздаютъ около 800 штукъ. Вся организація состоитъ изъ небольшого количества человѣкъ. Имѣются сходки и подсходки — замѣстители. Теперь съ этими двумя сходками ведутъ регулярныя занятія, проводится пропаганда. Въ скоромъ времени намъ, вѣроятно, удастся устроить цѣлый рядъ летучекъ, гдѣ нужно повести углубленную агитацію и сдѣлать популярными наши демократическіе и соціалистическіе лозунги борьбы.

Послѣ первой массовки черезъ три дня назначена была другая; присутствовало до 300 человѣкъ.

Ораторъ говорилъ объ Учредительномъ Собраніи и демократической республикѣ, указывая на необходимость политической свободы для борьбы за соціализмъ. Собраніе выразило желаніе знать, какъ соціальдемократы будутъ бороться при политической свободѣ и что такое соціализмъ въ полномъ своемъ объясненіи. Рѣшено посвятить слѣдующую массовку разбору этого вопроса.

Все время продолженія массовки шелъ довольно сильный дождь, но это ничуть не отражалось на настроеніи окружающихъ. Массовка длилась 2 часа, въ заключеніе ораторъ предложилъ резолюцію, принятую на первомъ собраніи. Она съ восторгомъ была принята и мы присоединили еще 97 голосовъ. Хотѣли пѣть, но пришлось расходиться. Мы спустились на полотно желѣзной дороги и стали направляться въ городъ, но оказалось, что за скалою была устроена полицейская и солдатская засада. Первые ряды успѣли предупредить остальныхъ и мы снова ушли въ горы, пробравшись затѣмъ окольными путями въ городъ. Чухнинъ послѣ того собралъ судовыхъ начальниковъ и приказалъ имъ строже слѣдить за матросами.

Вѣроятно къ 1-му мая мы сможемъ устроить еще массовку.

Севастополь. Письма матросовъ.

I. (Пропагандисткѣ, члену мѣстной организаціи). Многоуважаемая сотрудница наша нашей соціальдемократіи, я,—слушатель Вашихъ рѣчей и внимаю ученію Вашему; тому ученію, которое не одну тысячу лѣтъ скрывали отъ насъ и за которое не одинъ учитель сложилъ свои кости въ заточеніи у нашихъ угнетателей, которые всѣми силами стараются насъ искоренить съ лица земли. Но чтобы этого не случилось намъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ себя оградить по возможности; но у насъ нѣтъ средствъ; т. е., виноватъ, я говорю Вамъ не за всѣхъ товарищей города Севастополя, а за товарищей матросовъ Черноморскаго флота, за посѣтителей нашего кружка, которые сочувствуютъ нашему дѣлу и у которыхъ, не смотря на ихъ львиное (!) образованіе, оживаетъ теперь мягкосердечность и любовь къ своимъ ближнимъ. И вотъ я хочу Вамъ сказать, что надо себя оградить во время лекцій огнестрѣльнымъ оружіемъ, хотя бы двумя или тремя револьверами, для охраны себя а также и для уничтоженія шпіоновъ, такъ какъ они враги нашему развитію.

Но гдѣ же достать оружіе? Купить — нашъ кружокъ не имѣетъ средствъ, казенныхъ мы не можемъ добыть, и я хочу Вамъ предложить, любезная сотрудница наша, походатайствовать за насъ всѣхъ, такъ какъ Вы членъ нашего комитета города Севастополя, прошу Васъ предложить вольнымъ (не военнымъ) представителямъ и интеллигентамъ, чтобы они помогли намъ и одолжили нѣсколько штукъ револьверовъ, только на то собственно время, когда у насъ собраніе, а по окончаніи рѣчи можно имъ воротить.

Только прошу, чтобы револьверы были трехлинейнаго солдатскаго образца или офицерскаго; это для того, чтобы мы могли сами достать патроны.

Прошу Васъ, не задержите отвѣтомъ и напишите, можно ли надѣяться на помощь соціалистовъ города Севастополя. Извините меня, что я плохо пишу, то виновато мое скудное образованіе.

Крымскій Союзъ Р. С.-Д. Р. П. Вашъ слушатель Х.

II. Въ редакцію „Искры“. Господинъ редакторъ заграничной газеты „Искра“, прошу помѣстить мое письмо, если по Вашему усмотрѣнію, оно годится.

Севастополь. Учебный отрядъ Черноморскаго флота. Что могъ видѣть я и слышать, какъ наблюдатель, о томъ извѣщаю товарищей Крымскаго Союза Р. С. Д. Р. П.

Такъ какъ во всѣхъ экипажахъ Черноморскаго флота часто происходятъ, можно сказать, даже очень часто, подметы прокламацій севастопольскаго комитета, а также и другихъ комитетовъ, то разскажу, какія мѣры противъ этого принимаются въ учебномъ отрядѣ. Проходилъ я по камерѣ, вдругъ слышу крикъ: „Тишевскій!“ Я остановился, такъ какъ Тишевскій — это фельдфебель 1-ой роты, по первому взгляду, на котораго можно замѣтить въ немъ Іезуита и врага соціальдемократической рабочей партіи; ему было обѣщано, что если онъ еще одного можетъ выдать (онъ предалъ уже одного матроса Яхновскаго, который, однако, благодаря тому, что онъ соціалистъ, бѣжалъ со службы), если кто будетъ говорить противъ правительства или читать безцензурную книгу, то ему разрѣшатъ держать экзаменъ на старшаго кондуктора. Смотрю, кто же это зоветъ Тишевскаго. Это оказывается ротный командиръ, капитанъ Шперлингъ приказываетъ Тишевскому: „смотри, ты сейчасъ назначь двухъ человѣкъ у чернаго входа, чтобы, какъ шесть часовъ вечера они такъ и смотрѣли, чтобы никто не бросалъ никакихъ бумагъ; а если замѣтятъ, такъ бросальщика цапъ-царапъ и ко мнѣ, а я его подъ судъ.“

Но ни судъ, ни осужденіе насъ не страшатъ, а страшитъ насъ то, что медленно теряетъ силу ихъ дисциплина; и все же она пропадаетъ, а что касается соціальдемократіи, то быстрыми шагами она идетъ впередъ...

Да здравствуетъ свобода! Да погибнетъ самодержавіе!...

ХХХ.

III. Севастополь, учеб. отрядъ Черноморскаго флота, 5 марта. Сегодня былъ обыскъ въ учебномъ отрядѣ, искали прокламацій у учениковъ машинной школы и смотрѣли, нѣтъ ли у нихъ безцензурныхъ книгъ — но тщетно.

У нихъ были книги и газеты, да переписанныя пѣсни, но хранили ихъ такъ хорошо, что никто не могъ найти.

Правду сказать, матросы такъ ловко передаютъ тайно прокламаціи другъ другу, что самый опытный офицеръ не заподозритъ матроса, когда тотъ на его глазахъ передаетъ книги своему товарищу. Были и такіе критическіе случаи, что сидятъ человѣкъ 5, читаютъ листокъ, и вдругъ проходитъ какое-либо подозрительное лицо или дежурный офицеръ, такъ что никакъ нельзя спрятать; тогда приходится рвать на куски и скорѣе проглатывать; отобрать — никому не дадутъ, развѣ найдетъ человѣкъ малосознательный на улицѣ или во дворѣ прокламацію — тогда принесетъ дежурному офицеру.

Когда кончился обыскъ, ученики сдѣлали слѣдующее: взяли нѣсколько листковъ священнаго писанія, сложили въ треугольники (какъ складываютъ прокламаціи) и разбросали на парадномъ ходѣ; матросы, проходившіе мимо, стали подбирать и показывать другимъ. Но что же оказалось? — священное писаніе. Стали тогда говорить наши товарищи: сбываются теперь слова священнаго писанія, какъ сказано въ книгѣ „потерянный и возвращенный рай“, что на небесахъ бьются чистые съ нечистыми духами; вотъ и сейчасъ тоже происходитъ — спорятъ соціалисты съ евангелистами: соціалисты просвѣщаютъ, а евангелисты затмеваютъ, не знаемъ, кому больше вѣрить. — Нѣтъ, перебиваетъ другой, вѣрьте соціалистамъ, потому что они не спятъ, не гуляютъ, а все стараются добыть то, что намъ необходимо, сидятъ въ тюрьмѣ, идутъ въ Сибирь, живутъ вмѣстѣ съ нами, не обѣщаютъ благъ въ будущемъ мірѣ, а все стараются сдѣлать въ настоящемъ, а евангелисты пообѣщали намъ садъ. называемый раемъ, а въ немъ только одни яблоки, да и тѣ кислыя, да и не сейчасъ, а когда помремъ.

X.

Одесса. 11 Апрѣля. Въ первыхъ числахъ апрѣля изъ Одессы отправлялся на Дальній Востокъ 21 Восточно-сибирскій батальонъ (запасные). Ко дню отправленія изъ 600 человѣкъ оказалась приблизительно половина; остальные разбѣжались. Передъ уходомъ солдаты буйствовали, два раза дѣлали попытку поджечь казармы, били окна. Для усмиренія была вызвана полиція. Ходитъ слухъ, что солдаты убили одого околодочнаго или пристава. Но этотъ слухъ не провѣренъ.

Не стѣсняясь присутствіемъ начальства, солдаты открыто заявляли, что они послѣдуютъ примѣру товарищей и убѣгутъ съ дороги. Вообще, бѣгущихъ солдатъ такъ много, что попадающихся не подвергаютъ даже особеннымъ репрессіямъ, а просто приписываютъ въ другіе полки и отправляютъ снова. Начальство въ страхѣ. Нелюбимый солдатами полковникъ послѣдніе дни совсѣмъ не показывался въ казармѣ и отправился отдѣльно отъ батальона, потому что солдаты грозили приколоть его въ дорогѣ. Для современнаго положенія дѣлъ въ казармѣ характеренъ упорно циркулирующій разсказъ о какомъ-то офицерѣ, который доѣхалъ до театра военныхъ дѣйствій одинъ — всѣ солдаты разбѣжались.

Въ Одессѣ усиленно поговариваютъ о погромѣ къ 18 апрѣля, и всѣ организаціи готовятся къ самооборонѣ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Одесса. Во время бывшей здѣсь стачки въ порту, начатой грузчиками, одесская група партіи выставила слѣдующія, общія для всѣхъ портовыхъ рабочихъ требованія: 1) 8 часовой рабочій день, 2) упраздненіе подрядчиковъ и передача работы въ руки самихъ рабочихъ, 3) отмѣна ночныхъ работъ, 4) двойная плата за сверхурочную работу, 5) воспрещеніе работы въ воскресные дни и двунадесятые праздники, 6) прекращеніе работъ въ субботніе и предпраздничные дни въ 2 часа пополудни, 7) увеличеніе поденной платы до 2 р. 50 к. въ день, 8) разрѣшеніе общаго собранія всѣхъ рабочихъ г. Одессы для обсужденія своихъ нуждъ.

Харьковъ. Союзъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ фактически присоединился къ мѣстному комитету, причемъ въ союзъ вошелъ представитель комитета, а представитель союза, въ свою очередь, вошелъ въ желѣзно-дорожный районъ комитетской организаціи. Дѣло союза стоитъ на хорошемъ пути. Связи съ желѣзно-дорожными рабочими установлены и продолжаютъ расширяться. Союзъ намѣренъ организовать исключительно пролетарскіе элементы: стрѣлочниковъ, составителей, сцѣпщиковъ, ремонтныхъ рабочихъ, кондукторовъ (главнымъ образомъ, товарныхъ поѣздовъ), смазчиковъ, телеграфистовъ, помощниковъ машинистовъ, кочегаровъ и конторщиковъ.

Служащіе остальныхъ категорій привлекаются въ роли сочувствующихъ, съ выдѣленіемъ изъ нихъ болѣе сознательныхъ и способныхъ къ активному участію въ работѣ союза Рабочіе мастерскихъ и депо входятъ въ организацію мѣстныхъ комитетовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ (узловыя станціи внѣ крупныхъ городовъ), входятъ въ союзъ.

Союзомъ выпущенъ листокъ къ служащимъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ съ призывомъ къ объединенію. Въ немъ освѣщаются всѣ событія послѣдняго времени, и, на фонѣ этихъ событій, унизительная и позорная роль служащихъ, помогающихъ правительству въ его преступленіяхъ.

Александровскъ Екат. губ. Кончилась стачка рабочихъ Мензеса. Всѣ рабочіе были разсчитаны, и приняты только желательные для Мензеса. У Бодовскаго работа тоже началась. Повышенъ расцѣнокъ на 15-20 процентовъ. Желая подольше удержать здѣшнихъ рабочихъ въ предѣлахъ одной экономической борьбы, власти, при благосклонномъ участіи довольно темной личности. нѣкоего Мороховскаго (учителя), учредили „трудовую артель“ въ зубатовскомъ духѣ. На собраніи этотъ учитель просилъ возражать всѣхъ несогласныхъ, но при всякой попыткѣ возраженія онъ грозилъ закрыть засѣданіе, а въ иномъ случаѣ и позвать полицію, благо казаки размѣщены въ смежной комнатѣ. Въ члены артели записалось нѣсколько бывшихъ соціальдемократовъ — трусящихъ продолжать работу въ партіи. Характерно, что нѣкоторые изъ нихъ просили организацію не выступать противъ предпріятія, говоря: „мы всегда успѣемъ его разгромить“. Кромѣ того, записался одинъ шпіонъ изъ г. Екатеринослава, узнанный товарищемъ. Охотниковъ вначалѣ было довольно много, но потомъ остыли. Въ кружкахъ рабочихъ говорится на тему объ артели и ея цѣляхъ и т. д. Второго апрѣля въ мѣстномъ театрѣ ставили „Дачниковъ“ Горькаго, на послѣднемъ актѣ были раскиданы листки „Въ бой за свободу!“ По выходѣ изъ театра, толпа человѣкъ въ 60 прошла по Большой улицѣ съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы; полиція всполошилась, но было уже поздно — всѣ успѣли разойтись. Говорятъ, три человѣка арестовано. Кромѣ того, за недѣлю передъ этимъ, во время распространенія было арестовано три человѣка, двухъ освободили, а одного — Янкеля Мечника — обвиняютъ въ раскидываніи прокламацій.

Нижній Новгородъ. Здѣсь намъ пришлось пережить одну за одной нѣсколько стачекъ. Не смотря на то, что ни одна изъ нихъ не окончилась удовлетвореніемъ всѣхъ выставленныхъ рабочими требованій, все же онѣ сыграли большую роль въ мѣстной жизни. Рабочіе увидѣли, какъ тяжело имъ бороться, благодаря ихъ неорганизованности, и замѣтно мѣняютъ свое прежнее, нѣсколько недовѣрчивое отношеніе къ соціальдемократіи.

Первыми забастовали столяры.

Условія ихъ труда, его оплаты были такъ плохи, что не потребовалось никакой особенной агитаціи, чтобъ поднять стачку. Рабочій день продолжается, въ лучшихъ случаяхъ, 12 часовъ, гораздо чаще 16-17, заработная плата колеблется отъ 3-4 рублей до 16-18, работать приходится въ грязныхъ подвалахъ подъ вѣчнымъ наблюденіемъ хозяина-мастера; обращеніе съ рабочими самое грубое; обсчитываніе при разсчетѣ — самое обыкновенное явленіе.

Изъ 500 нижегородскихъ столяровъ забастовало 300. Комитетъ немедленно вмѣшался въ стачку. Забастовщики выбрали 16 человѣкъ для переговоровъ съ хозяевами, которые упорно не хотѣли идти на уступки. Стачка, благодаря неорганизованности рабочихъ и отсутствію средствъ, длилась всего одну недѣлю, и работа возобновилась во всѣхъ мастерскихъ послѣ того, какъ хозяева согласились на 10 часовой рабочій день, выдачу квартирныхъ денегъ (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ) и обѣщали вѣжливо обращаться съ рабочими.

Собранія, происходившія во время стачки, рѣчи, произносившіяся на нихъ, указанія на „связь политики и экономики“, объясненія, что такое политическая свобода и парламентъ, ихъ значеніе для рабочаго класса, все это, взятое вмѣстѣ, оказало на рабочихъ большое вліяніе, и теперь они охотно входятъ въ различные кружки и все больше и больше заинтересовываются „политикой“.

Въ связи со столярами забастовали приказчики, на которыхъ до сихъ поръ не возлагалось, въ смыслѣ общественномъ, никакихъ надеждъ; но общее освободительное движеніе рабочаго класса захватило, очевидно, и ихъ.

27 марта приказчики одного магазина прекратили торговлю, за ними сдѣлали тоже ихъ сосѣди и т. д., по порядку. Закрывши магазинъ, приказчики выходили на улицу; скоро собралась толпа больше, чѣмъ въ 3000 человѣкъ, которая двинулась къ нижнему базару. У Похвалинскаго элеватора, на площади выступилъ ораторъ и началъ съ поздравленія товарищей съ началомъ стачки и выступленіемъ на борьбу за свои человѣческія права; подошедшая полиція не дала окончить рѣчи и попробовала арестовать оратора, но толпа не допустила, и ораторъ, не окончившій рѣчи, успѣлъ скрыться. Затѣмъ разошлась и толпа. На слѣдующій день всѣ стали на работу, получивъ крохотныя уступки. Настроеніе приказчиковъ послѣ стачки приподнятое, работа среди нихъ замѣтно облегчилась. Интересно сочувствіе нижегородскаго общества къ стачечникамъ: нѣкоторые торговцы стали разсчитывать своихъ бастовавшихъ приказчиковъ, и вотъ противъ этихъ торговцевъ предпринятъ довольно широкій по своимъ размѣрамъ бойкотъ со стороны нижегородскаго общества.

На другой день послѣ приказчиковъ забастовали пекаря, хлѣбники-булочники. Полиція уговаривала всѣхъ стать на работу, обѣщая „довести до свѣдѣнія правительства объ ихъ тяжеломъ положеніи“ и т. д. Забастовщики этимъ не удовлетворились, и хозяевамъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Рига. Среди рабочихъ настроеніе боевое; въ большомъ количествѣ прибываютъ казаки. Ночью они разъѣзжаютъ по улицамъ, разыскивая крамолу. Городовые дрожатъ за свою шкуру и при первомъ появленіи кучки людей улетучиваются. На фабрикѣ Кузнецова, послѣ того какъ рабочіе вывезли на тачкѣ управляющаго, начались репрессіи. Управляющій выхлопоталъ присылку для постоянной стоянки на фабрикѣ полсотни казаковъ. Сотни рабочихъ выбрасываетъ онъ на улицу. Требуетъ отъ тѣхъ, кто хочетъ остаться на работѣ, чтобы они сказали, кто его вывезъ на тачкѣ, и подписали эти свои показанія. Но рабочіе не хотѣли быть Іудами - предателями своихъ товарищей, предпочитаютъ остаться безъ хлѣба, чѣмъ выдать своихъ. Управляющій теперь боится выходить изъ дому одинъ, ѣдетъ въ городъ въ сопровожденіи полиціи и казаковъ, почему рабочіе прозвали его арестантомъ. При всемъ томъ настроеніе рабочихъ повышенное, престижъ соціалъ-демократовъ растетъ. „Соціалисты наши друзья, и мы не должны бояться ихъ“, такъ говорятъ самые сѣрые рабочіе. Многіе изъ разсчитанныхъ уѣзжаютъ въ деревню, и каждый беретъ съ собою что нибудь: прокламаціи, брошюрки, легальныя и нелегальныя И выходитъ, что самодержавіе способствуетъ нашей агитаціи въ самыхъ широкихъ массахъ. Мнѣ хотѣлось бы сообщить еще о нашей дѣятельности въ Кузнецовскомъ районѣ. Каждую недѣлю мы устраиваемъ въ немъ 3—4 массовки, на которыхъ перебываютъ 150 - 200 человѣкъ, а иногда и больше. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается центръ, одинъ разъ для рѣшенія практическихъ вопросовъ, другой — для теоретическихъ занятій. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается сходка. Одно время мы устраивали собранія въ районѣ, почти ежедневно, теперь рѣже изъ-за полицейскихъ условій. Кузнецовскій районный центръ состоитъ изъ шести рабочихъ и двухъ интеллигентовъ.

Рабочій (членъ Кузнецовскаго районнаго центра).

Сморгонь, 27 марта. Въ первыхъ числахъ марта наша организація съорганизовала стачку у мужскихъ портныхъ, въ которой принимали участіе 35 человѣкъ, и у портнихъ, работающихъ исключительно дамскія платья, въ которой участвовало 85 человѣкъ. Нашей организаціей были выставлены и отпечатаны слѣдующія требованія: 1) 8-ми часовой рабочій день, 2) уничтоженіе поштучной работы, 3) полная заработная плата за все время стачки, 4) бойкотированіе тѣхъ хозяевъ, которые выдадутъ рабочихъ, 5) лучшее обращеніе. Всѣ требованія были удовлетворены, только у портнихъ, вмѣсто выставленнаго 8-ми часового рабочаго дня, установили 9-ти часовой рабочій день. У мужскихъ портныхъ стачка продолжалась одинъ день, а у портнихъ нѣкоторые хозяева сразу сдались, у остальныхъ стачка продолжалась нѣсколько дней, а у одного, гдѣ работаютъ шесть человѣкъ, стачка продолжается и до сихъ поръ. За послѣднее время наша организація распространила слѣдующія прокламаціи: 1) „Отвѣтъ на объявленіе Коковцева“ 2) „Ко всѣмъ гражданамъ“ 3) „Царь и крамола“. Кромѣ того, наша организація перепечатала и распространила прокламацію Сѣверо-западнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. на еврейскомъ жаргонѣ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ и также во время стачки издала и распространила прокламацію на еврейскомъ жаргонѣ „Къ борьбѣ“ отъ имени сморгонской организаціи Р. С.-Д. Р. П., въ которой разъяснялось, что, кромѣ экономической борьбы, у насъ есть политическая борьба, борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за освобожденіе рабочаго класса и всей Россіи отъ самодержавнаго ига и полицейскаго произвола. На дняхъ нашей организаціей было созвано собраніе исключительно отъ организованныхъ христіанскихъ рабочихъ, на которое пришло 60 человѣкъ. Ораторъ говорилъ о соціализмѣ вообще и о волнѣ возмущенія, охватившей рабочій классъ всей Россіи послѣ январьскихъ дней, во время которыхъ самодержавное правительство вызвало противъ себя презрѣніе и негодованіе всего цивилизованнаго міра, и призывалъ товарищей бороться за лучшее будущее, за соціализмъ. Послѣ окончанія рѣчи изъ всѣхъ грудей вырвались проклятія самодержавному правительству и пожеланіе о скорѣйшемъ низверженіи его. На нашихъ сходкахъ и кружкахъ, въ которыхъ участвовало 140 человѣкъ исключительно еврейскихъ рабочихъ, единогласно высказались и приняли резолюцію о необходимости изданія литературы на еврейскомъ жаргонѣ; такія же заявленія доходятъ до насъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ наша партія начала развивать свою дѣятельность и среди еврейскаго пролетаріата.

Сморгонская организація надѣется, что партія не оставитъ нашего заявленія безъ вниманія и приметъ мѣры, чтобы хотя часть литературы, издаваемой партіей на русскомъ языкѣ, переводилась на жаргонъ. Послѣ того, какъ наша организація съорганизовала и руководила стачками, сморгонская бундовская организація заявила намъ, что она единственная представительница еврейскаго пролетаріата, что монопольное распространеніе соціалистическихъ идей среди еврейскаго пролетаріата принадлежитъ одной ей. Когда во время вышеупомянутой забастовки у портнихъ она вмѣшалась и заявила о своемъ правѣ, наша организація во избѣжаніе конфликта, уступила и соединилась съ ней для дальнѣйшаго руководства забастовкой. Нашей организаціи желательно было бы выяснить, гдѣ и отъ кого „Бундъ“ пріобрѣлъ для своихъ организацій такія монопольныя права.

Евпаторія Мы уже сообщали о томъ, что у насъ образовалась организація „Крымскаго Союза“. Появленіе въ городѣ организаціи, заявившей себя цѣлымъ рядомъ листковъ, вмѣшавшейся въ забастовку учащихся, въ стачку рабочихъ на водочномъ складѣ и начавшей проникать во всѣ слои рабочаго люда, вызвало переполохъ въ жандармскихъ и полицейскихъ сферахъ. Послѣ мартовскихъ подметовъ было произведено нѣсколько обысковъ, арестовано трое рабочихъ (одинъ изъ нихъ выдалъ), у которыхъ нашли нѣсколько прокламацій, нѣсколько номеровъ Искры и брошюры. Арестовали также и одного интеллигента Воеводу, у котораго ничего не было найдено, но котораго все - таки взяли черезъ нѣсколько дней послѣ обыска. Послѣ бывшихъ въ городѣ подметовъ ежедневно въ четыре часа утра на заводѣ Кацена появляется городовой, тщательно обшариваетъ всѣ углы двора и подбираетъ всѣ бумажечки, надѣясь найти прокламаціи.

За послѣднее время было распространено: 1) Манифестъ Петербургскихъ рабочихъ 300 экз. 2) Майскій листокъ 800 экз. изд. Крымскаго Союза.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Резолюція Тифлисскаго Комитета.

Предсѣдателю „III-го партійнаго съѣзда“.

28 марта с. г. мы получили отъ Ц. К. извѣщеніе о немедленномъ созывѣ 3 партійнаго съѣзда съ предложеніемъ немедленно прислать своего делегата. Т. К. Р. С. Д. Р. П., обсудивъ это предложеніе въ связи съ положеніемъ дѣлъ въ партіи, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія съѣзда партійныхъ работниковъ свои соображенія по этому поводу и посему проситъ предсѣдателя прочесть на съѣздѣ нижеслѣдующее заявленіе, со внесеніемъ его въ протоколы съѣзда.

Товарищи! По нашему партійному уставу, съѣздъ созывается только Совѣтомъ Партіи и при томъ въ двухъ случаяхъ:

Экстренный — по требованію организацій, имѣющихъ на съѣздѣ въ совокупности не менѣе половины рѣшающихъ голосовъ, и очередной, по усмотрѣнію самаго С. П., по возможности, не рѣже одного раза въ два года. Между тѣмъ, настоящій съѣздъ созывается съ явнымъ нарушеніемъ обоихъ условій. Съѣзда не требовало законное количество организацій (см. постан. С. П. въ 89 № Искры). Болѣе этого — два Кавказскихъ комитета, причисленные къ организаціямъ, добивающимся съѣзда. — нашъ и Батумскій — давно отказались отъ этой мысли, особенно послѣ такого небывалаго подъема революціонныхъ волнъ. Значитъ, съѣздъ незаконенъ, какъ экстренный, съѣздъ незаконенъ и какъ очередной, т. к. созванъ раньше срока и самое главное — помимо С. П. Слѣдовательно, этотъ съѣздъ не что иное, какъ частный съѣздъ партійныхъ работниковъ, конференція, а не законный общій партійный съѣздъ. Переходя къ разсмотрѣнію обстоятельствъ созыва теперешняго съѣзда по существу, мы отмѣтимъ слѣдующее: 1) Ц. К., все время стоящій противъ созыва съѣзда, вдругъ, въ продолженіи всего нѣсколькихъ дней, перемѣнилъ фронтъ и изъ рѣшительнаго противника съѣзда сдѣлавшись не менѣе рѣшительнымъ его защитникомъ, потребовалъ немедленной высылки делегатовъ и то до 22 марта, такъ что многія партійныя организаціи, даже при всемъ желаніи, не могли бы имѣть представителя на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ этотъ съѣздъ является импровизаціей частнаго характера и созывается безъ всякой хоть сколько нибудь серьезной подготовки къ нему со стороны большинства партійныхъ организацій [1]). 2) Главная цѣль съѣзда, по сообщенію Ц. К., предотвратить расколъ. Удастся ли это съѣзду? Главная задача съѣзда, по нашему мнѣнію, санкціонировать то партійное теченіе, которое взяло верхъ во внутри партійной жизни. При настоящихъ же условіяхъ, хотя тенденція т. н. „меньшинства“ и стала господствующими въ партіи, но въ виду своеобразнаго строительства Партіи, вообще, и комитетовъ въ частности, господствующее теченіе не можетъ быть представлено на съѣздѣ соотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ силамъ и вліянію въ партіи. Цѣлый рядъ комитетовъ съ рѣшающими голосами не выражаютъ мнѣнія большинства членовъ партіи въ данной мѣстности. И, обратно, цѣлый рядъ вліятельныхъ организацій въ рабочей средѣ будутъ лишены рѣшающаго голоса на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ постановленіе съѣзда по спорнымъ вопросамъ не можетъ соотвѣтствовать господствующему партійному мнѣнію. Съ другой стороны, организаціонно-тактическіе принципы „большинства“ настолько выходятъ изъ предѣловъ соціальдемократическаго воззрѣнія, а его взгляды на рабочій классъ, на строеніе партіи, на роль соціальдемократіи въ предстоящей буржуазной революціи — все это такъ рѣзко отличается отъ мнѣнія „меньшинства“, придерживающагося строго марксистскаго міропониманія, что думать о дѣйствительномъ объединеніи обоихъ теченій крайне наивно. Съѣздъ въ лучшемъ случаѣ дастъ бумажное объединеніе, а партійная жизнь пойдетъ своимъ путемъ, окончательно разбивая нежизнеспособное, въ данномъ случаѣ „большенствистское“ теченіе и предоставляя широкое поле дѣятельности жизнеспособному „меньшинству“. Въ третьихъ, въ настоящее время, когда общественно-политическая жизнь бьетъ ключемъ и не сегодня завтра разразится во всей силѣ народное возстаніе, когда во многихъ мѣстахъ Россіи, то тамъ, то сямъ происходятъ вооруженныя стычки, грозящія перейти въ вооруженное возстаніе, въ такое время отвлекать силы и средства партіи отъ революціонно практической работы граничитъ съ самоубійствомъ.

Въ частности у насъ на Кавказѣ обостреніе общественно-политическихъ отношеній дошло до такой кульминаціонной точки, мы живемъ въ атмосферѣ, такъ насыщенной революціонной энергіей, что отстраненіе отъ мѣстной работы хотя бы одного работника считаемъ для себя великимъ позоромъ.

Товарищи! Вотъ наше глубокое убѣжденіе. Но, предполагая возможность составленія партійнаго съѣзда помимо нашего желанія и зная изъ горькаго опыта 2 го съѣзда, что нѣсколько шаровъ будутъ имѣть серьезное вліяніе на исходъ рѣшенія тѣхъ или иныхъ крайне важныхъ для П. вопросовъ, мы предоставляемъ свои голоса въ полное распоряженіе, съ правомъ передовѣрять, нынѣшней редакціи Искры, съ которой въ основныхъ тактически-организаціонныхъ вопросахъ вполнѣ солидарны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы предлагаемъ ред. Искры нашими голосами воспользоваться, между прочимъ, противъ такого теченія, которое подъ видомъ созданія единаго „русскаго центра“, желаетъ разгромить единственный при настоящихъ условіяхъ устойчивый центръ — редакцію „Искры“ съ рискомъ поставить ее въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія Департамента полиціи.

7 апрѣля 1905 г. Т. К. Р. С. Д. Р. П.

---

[1]) Какъ въ началѣ заявлено, мы получили извѣщеніе 28 марта, а Батумъ, кажется, совсѣмъ и не получалъ его.

III. Севастополь, учеб. отрядъ Черноморскаго флота, 5 марта. Сегодня былъ обыскъ въ учебномъ отрядѣ, искали прокламацій у учениковъ машинной школы и смотрѣли, нѣтъ ли у нихъ безцензурныхъ книгъ — но тщетно.

У нихъ были книги и газеты, да переписанныя пѣсни, но хранили ихъ такъ хорошо, что никто не могъ найти.

Правду сказать, матросы такъ ловко передаютъ тайно прокламаціи другъ другу, что самый опытный офицеръ не заподозритъ матроса, когда тотъ на его глазахъ передаетъ книги своему товарищу. Были и такіе критическіе случаи, что сидятъ человѣкъ 5, читаютъ листокъ, и вдругъ проходитъ какое-либо подозрительное лицо или дежурный офицеръ, такъ что никакъ нельзя спрятать; тогда приходится рвать на куски и скорѣе проглатывать; отобрать — никому не дадутъ, развѣ найдетъ человѣкъ малосознательный на улицѣ или во дворѣ прокламацію — тогда принесетъ дежурному офицеру

Когда кончился обыскъ, ученики сдѣлали слѣдующее: взяли нѣсколько листковъ священнаго писанія, сложили въ треугольники (какъ складываютъ прокламаціи) и разбросали на парадномъ ходѣ; матросы, проходившіе мимо, стали подбирать и показывать другимъ. Но что же оказалось? — священное писаніе. Стали тогда говорить наши товарищи: сбываются теперь слова священнаго писанія, какъ сказано въ книгѣ „потерянный и возвращенный рай", что на небесахъ бьются чистые съ нечистыми духами; вотъ и сейчасъ тоже происходитъ — спорятъ соціалисты съ евангелистами: соціалисты просвѣщаютъ, а евангелисты затмеваютъ, не знаемъ, кому больше вѣрить. — Нѣтъ, перебиваетъ другой, вѣрьте соціалистамъ, потому что они не сѣютъ, не гуляютъ, а все стараются добыть то, что намъ необходимо, сидятъ въ тюрьмѣ, идутъ въ Сибирь, живутъ вмѣстѣ съ нами, не обѣщаютъ благъ въ будущемъ мірѣ, а все стараются сдѣлать въ настоящемъ, а евангелисты пообѣщали намъ садъ, называемый раемъ, а въ немъ только одни яблоки, да и тѣ кислыя, да и не сейчасъ, а когда помремъ.

X.

Одесса. 11 Апрѣля. Въ первыхъ числахъ апрѣля изъ Одессы отправлялся на Дальній Востокъ 21 Восточно-сибирскій батальонъ (запасные). Ко дню отправленія изъ 600 человѣкъ оказалась приблизительно половина; остальные разбѣжались. Передъ уходомъ солдаты буйствовали, два раза дѣлали попытку поджечь казармы, били окна. Для усмиренія была вызвана полиція. Ходитъ слухъ, что солдаты убили одого околодочнаго или пристава. Но этотъ слухъ не провѣренъ.

Не стѣсняясь присутствіемъ начальства, солдаты открыто заявляли, что они послѣдуютъ примѣру товарищей и убѣгутъ съ дороги. Вообще, бѣгущихъ солдатъ такъ много, что попадающихся не подвергаютъ даже особеннымъ репрессіямъ, а просто приписываютъ въ другіе полки и отправляютъ снова. Начальство въ страхѣ. Нелюбимый солдатами полковникъ послѣдніе дни совсѣмъ не показывался въ казармѣ и отправился отдѣльно отъ батальона, потому что солдаты грозили приколоть его въ дорогѣ. Для современнаго положенія дѣлъ въ казармѣ характеренъ упорно циркулирующій разсказъ о какомъ-то офицерѣ, который доѣхалъ до театра военныхъ дѣйствій одинъ — всѣ солдаты разбѣжались.

Въ Одессѣ усиленно поговариваютъ о погромѣ къ 18 апрѣля, и всѣ организаціи готовятся къ самооборонѣ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Одесса. Во время бывшей здѣсь стачки въ порту, начатой грузчиками, одесская група партіи выставила слѣдующія, общія для всѣхъ портовыхъ рабочихъ требованія: 1) 8 часовой рабочій день, 2) упраздненіе подрядчиковъ и передача работы въ руки самихъ рабочихъ, 3) отмѣна ночныхъ работъ, 4) двойная плата за сверхурочную работу, 5) воспрещеніе работы въ воскресные дни и двунадесятые праздники, 6) прекращеніе работъ въ субботніе и предпраздничные дни въ 2 часа пополудни, 7) увеличеніе поденной платы до 2 р. 50 к. въ день, 8) разрѣшеніе общаго собранія всѣхъ рабочихъ г. Одессы для обсужденія своихъ нуждъ.

Харьковъ. Союзъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ фактически присоединился къ мѣстному комитету, причемъ въ союзъ вошелъ представитель комитета, а представитель союза, въ свою очередь, вошелъ въ желѣзно-дорожный районъ комитетской организаціи. Дѣло союза стоитъ на хорошемъ пути. Связи съ желѣзно-дорожными рабочими установлены и продолжаютъ расширяться. Союзъ намѣренъ организовать исключительно пролетарскіе элементы: стрѣлочниковъ, составителей, сцѣпщиковъ, ремонтныхъ рабочихъ, кондукторовъ главнымъ образомъ, товарныхъ поѣздовъ, смазчиковъ, телеграфистовъ, помощниковъ машинистовъ, кочегаровъ и конторщиковъ.

Служащіе остальныхъ категорій привлекаются въ роли сочувствующихъ, съ выдѣленіемъ изъ нихъ болѣе сознательныхъ и способныхъ къ активному участію въ работѣ союза. Рабочіе мастерскихъ и депо входятъ въ организацію мѣстныхъ комитетовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ (узловыя станціи внѣ крупныхъ городовъ), входятъ въ союзъ.

Союзомъ выпущенъ листокъ къ служащимъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ съ призывомъ къ объединенію. Въ немъ освѣщаются всѣ событія послѣдняго времени, и, на фонѣ этихъ событій, унизительная и позорная роль служащихъ, помогающихъ правительству въ его преступленіяхъ.

Александровскъ Екат. губ. Кончилась стачка рабочихъ Менаеса. Всѣ рабочіе были разсчитаны, и приняты только желательные для Менаеса. У Бодовскаго работа тоже началась. Повышенъ расцѣнокъ на 15-20 процентовъ. Желая подольше удержать здѣшнихъ рабочихъ въ предѣлахъ одной экономической борьбы, власти, при благосклонномъ участіи довольно темной личности, нѣкоего Мороховскаго (учителя), учредили „трудовую артель" въ зубатовскомъ духѣ. На собраніи этотъ учитель просилъ возражать всѣхъ несогласныхъ, но при всякой попыткѣ возраженія онъ грозилъ закрыть засѣданіе, а въ иномъ случаѣ и позвать полицію, благо казаки размѣщены въ смежной комнатѣ. Въ члены артели записалось нѣсколько бывшихъ соціальдемократовъ — трусящихъ продолжать работу въ партіи. Характерно, что нѣкоторые изъ нихъ просили организацію не выступать противъ предпріятія, говоря: „мы всегда успѣемъ его разгромить". Кромѣ того, записался одинъ шпіонъ изъ г. Екатеринослава, узнанный товарищемъ. Охотниковъ вначалѣ было довольно много, но потомъ остыли. Въ кружкахъ рабочихъ говорится на тему объ артели и ея цѣляхъ и т. д. Второго апрѣля въ мѣстномъ театрѣ ставили „Дачниковъ" Горькаго, на послѣднемъ актѣ были раскиданы листки „Въ бой за свободу!" По выходѣ изъ театра, толпа человѣкъ въ 60 прошла по Большой улицѣ съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы; полиція всполошилась, но было уже поздно — всѣ успѣли разойтись. Говорятъ, три человѣка арестовано. Кромѣ того, за недѣлю передъ этимъ, во время распространенія было арестовано три человѣка, двухъ освободили, а одного — Янкеля Мечника — обвиняютъ въ раскидываніи прокламацій.

Нижній Новгородъ. Здѣсь намъ пришлось пережить одну за одной нѣсколько стачекъ. Не смотря на то, что ни одна изъ нихъ не окончилась удовлетвореніемъ всѣхъ выставленныхъ рабочими требованій, все же онѣ сыграли большую роль въ мѣстной жизни. Рабочіе увидѣли, какъ тяжело имъ бороться, благодаря ихъ неорганизованности, и замѣтно мѣняютъ свое прежнее, нѣсколько недовѣрчивое отношеніе къ соціальдемократіи.

Первыми забастовали столяры.

Условія ихъ труда, его оплаты были такъ плохи, что не потребовалось никакой особенной агитаціи, чтобъ поднять стачку. Рабочій день продолжается, въ лучшихъ случаяхъ, 12 часовъ, гораздо чаще 16-17, заработная плата колеблется отъ 3-4 рублей до 16-18, работать приходится въ грязныхъ подвалахъ подъ вѣчнымъ наблюденіемъ хозяина-мастера; обращеніе съ рабочими самое грубое; обсчитываніе при разсчетѣ — самое обыкновенное явленіе.

Изъ 500 нижегородскихъ столяровъ забастовало 300. Комитетъ немедленно вмѣшался въ стачку. Забастовщики выбрали 16 человѣкъ для переговоровъ съ хозяевами, которые упорно не хотѣли идти на уступки. Стачка, благодаря неорганизованности рабочихъ и отсутствію средствъ, длилась всего одну недѣлю, и работа возобновилась во всѣхъ мастерскихъ послѣ того, какъ хозяева согласились на 10 часовой рабочій день, выдачу квартирныхъ денегъ (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ) и обѣщали вѣжливо обращаться съ рабочими.

Собранія, происходившія во время стачки, рѣчи, произносившіяся на нихъ, указанія на „связь политики и экономики", объясненія, что такое политическая свобода и парламентъ, ихъ значеніе для рабочаго класса, все это, взятое вмѣстѣ, оказало на рабочихъ большое вліяніе, и теперь они охотно входятъ въ различные кружки и все больше и больше заинтересовываются „политикой".

Въ связи со столярами забастовали приказчики, на которыхъ до сихъ поръ не возлагалось, въ смыслѣ общественномъ, никакихъ надеждъ; но общее освободительное движеніе рабочаго класса захватило, очевидно, и ихъ.

27 марта приказчики одного магазина прекратили торговлю, за ними сдѣлали тоже ихъ сосѣди и т. д., по порядку. Закрывши магазинъ, приказчики выходили на улицу; скоро собралась толпа больше, чѣмъ въ 3000 человѣкъ, которая двинулась къ нижнему базару. У Похвалинскаго элеватора, на площади выступилъ ораторъ и началъ съ поздравленія товарищей съ началомъ стачки и выступленіемъ на борьбу за свои человѣческія права; подошедшая полиція не дала окончить рѣчи и попробовала арестовать оратора, но толпа не допустила, и ораторъ, не окончившій рѣчи, успѣлъ скрыться. Затѣмъ разошлась и толпа. На слѣдующій день всѣ стали на работу, получивъ крохотныя уступки. Настроеніе приказчиковъ послѣ стачки приподнятое, работа среди нихъ замѣтно облегчилась. Интересно сочувствіе нижегородскаго общества къ стачечникамъ: нѣкоторые торговцы стали разсчитывать своихъ бастовавшихъ приказчиковъ, и вотъ противъ этихъ торговцевъ предпринятъ довольно широкій по своимъ размѣрамъ бойкотъ со стороны нижегородскаго общества.

На другой день послѣ приказчиковъ забастовали пекаря, хлѣбники-булочники. Полиція уговаривала всѣхъ стать на работу, обѣщая „довести до свѣдѣнія правительства объ ихъ тяжеломъ положеніи" и т. д. Забастовщики этимъ не удовлетворились, и хозяевамъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Рига. Среди рабочихъ настроеніе боевое; въ большомъ количествѣ прибываютъ казаки. Ночью они разъѣзжаютъ по улицамъ, разыскивая крамолу. Городовые дрожатъ за свою шкуру и при первомъ появленіи кучки людей улетучиваются. На фабрикѣ Кузнецова, послѣ того какъ рабочіе вывезли на тачкѣ управляющаго, начались репрессіи. Управляющій выхлопоталъ присылку для постоянной стоянки на фабрикѣ полсотни казаковъ. Сотни рабочихъ выбрасываетъ онъ на улицу. Требуетъ отъ тѣхъ, кто хочетъ остаться на работѣ, чтобы они сказали, кто его вывезъ на тачкѣ, и подписали эти свои показанія. Но рабочіе не хотѣли быть Іудами-предателями своихъ товарищей, предпочитаютъ остаться безъ хлѣба, чѣмъ выдать своихъ. Управляющій теперь боится выходить изъ дому одинъ, ѣдетъ въ городъ въ сопровожденіи полиціи и казаковъ, почему рабочіе прозвали его арестантомъ. При всемъ томъ настроеніе рабочихъ повышенное, престижъ соціалъ-демократовъ растетъ. „Соціалисты наши друзья, и мы не должны бояться ихъ", такъ говорятъ самые сѣрые рабочіе. Многіе изъ разсчитанныхъ уѣзжаютъ въ деревню, и каждый беретъ съ собою что нибудь: прокламаціи, брошюрки, легальныя и нелегальныя. И выходитъ, что самодержавіе способствуетъ нашей агитаціи въ самыхъ широкихъ массахъ. Мнѣ хотѣлось бы сообщить еще о нашей дѣятельности въ Кузнецовскомъ районѣ. Каждую недѣлю мы устраиваемъ въ немъ 3–4 массовки, на которыхъ перебываютъ 150-200 человѣкъ, а иногда и больше. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается центръ, одинъ разъ для рѣшенія практическихъ вопросовъ, другой — для теоретическихъ занятій. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается сходка. Одно время мы устраивали собранія въ районѣ, почти ежедневно, теперь рѣже изъ за полицейскихъ условій. Кузнецовскій районный центръ состоитъ изъ шести рабочихъ и двухъ интеллигентовъ.

Рабочій членъ Кузнецовскаго районнаго центра).

Сморгонь. 27 марта. Въ первыхъ числахъ марта наша организація съорганизовала стачку у мужскихъ портныхъ, въ которой принимали участіе 35 человѣкъ, и у портнихъ, работающихъ исключительно дамскія платья, въ которой участвовало 85 человѣкъ. Нашей организаціей были выставлены и отпечатаны слѣдующія требованія: 1) 8-ми часовой рабочій день, 2) уничтоженіе поштучной работы, 3) полная заработная плата за все время стачки, 4) бойкотированіе тѣхъ хозяевъ, которые выдадутъ рабочихъ, 5) лучшее обращеніе. Всѣ требованія были удовлетворены, только у портнихъ, вмѣсто выставленнаго 8-ми часового рабочаго дня, установили 9-ти часовой рабочій день. У мужскихъ портныхъ стачка продолжалась одинъ день, а у портнихъ нѣкоторые хозяева сразу сдались, у остальныхъ стачка продолжалась нѣсколько дней, а у одного, гдѣ работаютъ шесть человѣкъ, стачка продолжается и до сихъ поръ. За послѣднее время наша организація распространила слѣдующія прокламаціи: 1) „Отвѣтъ на объявленіе Коковцева" 2) „Ко всѣмъ гражданамъ" 3) „Царь и крамола". Кромѣ того, наша организація перепечатала и распространила прокламацію Сѣверо-западнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. на еврейскомъ жаргонѣ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" и также во время стачки издала и распространила прокламацію на еврейскомъ жаргонѣ „Къ борьбѣ" отъ имени сморгонской организаціи Р. С.-Д. Р. П., въ которой разъяснялось, что, кромѣ экономической борьбы, у насъ есть политическая борьба, борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за освобожденіе рабочаго класса и всей Россіи отъ самодержавнаго ига и полицейскаго произвола. На дняхъ нашей организаціей было созвано собраніе исключительно отъ организованныхъ христіанскихъ рабочихъ, на которое пришло 60 человѣкъ. Ораторъ говорилъ о соціализмѣ вообще и о волнѣ возмущенія, охватившей рабочій классъ всей Россіи послѣ январьскихъ дней, во время которыхъ самодержавное правительство вызвало противъ себя презрѣніе и негодованіе всего цивилизованнаго міра, и призывалъ товарищей бороться за лучшее будущее, за соціализмъ. Послѣ окончанія рѣчи изъ всѣхъ грудей вырвались проклятія самодержавному правительству и пожеланіе о скорѣйшемъ низверженіи его. На нашихъ сходкахъ и кружкахъ, въ которыхъ участвовало 140 человѣкъ исключительно еврейскихъ рабочихъ, единогласно высказались и приняли резолюцію о необходимости изданія литературы на еврейскомъ жаргонѣ; такія же заявленія доходятъ до насъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ наша партія начала развивать свою дѣятельность и среди еврейскаго пролетаріата.

Сморгонская организація надѣется, что партія не оставитъ нашего заявленія безъ вниманія и приметъ мѣры, чтобы хотя часть литературы, [illegible]аваемой партіей на русскомъ языкѣ, переводилась на жаргонъ. Пос[illegible]ого какъ наша организація съорганизовала и руководила стачкой, [illegible]моргонская бундовская организація заявила намъ, что она единств[illegible] представительница еврейскаго пролетаріата, что монопольное ра[illegible]ніе соціалистическихъ идей среди еврейскаго пролетаріата принадлежитъ одной ей. Когда во время вышеупомянутой забастовки у портнихъ она вмѣшалась и заявила о своемъ правѣ, наша организація во избѣжаніе конфликта, уступила и соединилась съ ней для дальнѣйшаго руководства забастовкой. Нашей организаціи желательно было бы выяснить, гдѣ и отъ кого „Бундъ" пріобрѣлъ для своихъ организацій такія монопольныя права.

Евпаторія. Мы уже сообщали о томъ, что у насъ образовалась организація „Крымскаго Союза". Появленіе въ городѣ организаціи, заявившей себя цѣлымъ рядомъ листковъ, вмѣшавшейся въ забастовку учащихся, въ стачку рабочихъ на водочномъ складѣ и начавшей проникать во всѣ слои рабочаго люда, вызвало переполохъ въ жандармскихъ и полицейскихъ сферахъ. Послѣ мартовскихъ подметовъ было произведено нѣсколько обысковъ, арестовано трое рабочихъ (одинъ изъ нихъ выдавалъ), у которыхъ нашли нѣсколько прокламацій, нѣсколько номеровъ Искры и брошюры. Арестовали также и одного интеллигента Воеводу, у котораго ничего не было найдено, но котораго все-таки взяли черезъ нѣсколько дней послѣ обыска. Послѣ бывшихъ въ городѣ подметовъ ежедневно въ четыре часа утра на заводѣ Кацена появляется городовой, тщательно обшариваетъ всѣ углы двора и подбираетъ всѣ бумажечки, надѣясь найти прокламаціи.

За послѣднее время было распространено: 1) Манифестъ Петербургскихъ рабочихъ 300 экз. 2) Майскій листокъ 800 экз. изд. Крымскаго Союза.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Резолюція Тифлисскаго Комитета.

Предсѣдателю „III-го партійнаго съѣзда".

28 марта с. г. мы получили отъ Ц. К. извѣщеніе о немедленномъ созывѣ 3 партійнаго съѣзда съ предложеніемъ немедленно прислать своего делегата. Т. К. Р. С. Д. Р. П., обсудивъ это предложеніе въ связи съ положеніемъ дѣлъ въ партіи, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія съѣзда партійныхъ работниковъ свои соображенія по этому поводу и посему проситъ предсѣдателя прочесть на съѣздѣ нижеслѣдующее заявленіе, со внесеніемъ его въ протоколы съѣзда.

Товарищи! По нашему партійному уставу, съѣздъ созывается только Совѣтомъ Партіи и при томъ въ двухъ случаяхъ:

Экстренный — по требованію организацій, имѣющихъ на съѣздѣ въ совокупности не менѣе половины рѣшающихъ голосовъ, и очередной, по усмотрѣнію самаго С. П., по возможности, не рѣже одного раза въ два года. Между тѣмъ, настоящій съѣздъ созывается съ явнымъ нарушеніемъ обоихъ условій. Съѣзда не требовало законное количество организацій (см. постан. С. П. въ 89 № Искры). Болѣе этого — два Кавказскихъ комитета, причисленные къ организаціямъ, добивающимся съѣзда, — нашъ и Батумскій — давно отказались отъ этой мысли, особенно послѣ такого небывалаго подъема революціонныхъ волнъ. Значитъ, съѣздъ незаконенъ, какъ экстренный, съѣздъ незаконенъ и какъ очередной, т. к. созванъ раньше срока и самое главное — помимо С. П. Слѣдовательно, этотъ съѣздъ не что иное, какъ частный съѣздъ партійныхъ работниковъ, конференція, а не законный общій партійный съѣздъ. Переходя къ разсмотрѣнію обстоятельствъ созыва теперешняго съѣзда по существу, мы отмѣтимъ слѣдующее: 1) Ц. К., все время стоящій противъ созыва съѣзда, вдругъ, въ продолженіи всего нѣсколькихъ дней, перемѣнилъ фронтъ и изъ рѣшительнаго противника съѣзда сдѣлавшись не менѣе рѣшительнымъ его защитникомъ, потребовалъ немедленной высылки делегатовъ и то до 22 марта, такъ что многія партійныя организаціи, даже при всемъ желаніи, не могли бы имѣть представителя на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ этотъ съѣздъ является импровизаціей частнаго характера и созывается безъ всякой хоть сколько нибудь серьезной подготовки къ нему со стороны большинства партійныхъ организацій [1]). 2) Главная цѣль съѣзда, по сообщенію Ц. К., предотвратить расколъ. Удастся ли это съѣзду? Главная задача съѣзда, по нашему мнѣнію, санкціонировать то партійное теченіе, которое взяло верхъ во внутри партійной жизни. При настоящихъ же условіяхъ, хотя тенденція т. н. „меньшинства" и стали господствующими въ партіи, но въ виду своеобразнаго строительства Партіи, вообще, и комитетовъ въ частности, господствующее теченіе не можетъ быть представлено на съѣздѣ соотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ силамъ и вліянію въ партіи. Цѣлый рядъ комитетовъ съ рѣшающими голосами не выражаютъ мнѣнія большинства членовъ партіи въ данной мѣстности. И, обратно, цѣлый рядъ вліятельныхъ организацій въ рабочей средѣ будутъ лишены рѣшающаго голоса на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ постановленіе съѣзда по спорнымъ вопросамъ не можетъ соотвѣтствовать господствующему партійному мнѣнію. Съ другой стороны, организаціонно-тактическіе принципы „большинства" настолько выходятъ изъ предѣловъ соціальдемократическаго воззрѣнія, а его взгляды на рабочій классъ, на строеніе партіи, на роль соціальдемократіи въ предстоящей буржуазной революціи — все это такъ рѣзко отличается отъ мнѣнія „меньшинства", придерживающагося строго марксистскаго міропониманія, что думать о дѣйствительномъ объединеніи обоихъ теченій крайне наивно. Съѣздъ въ лучшемъ случаѣ дастъ бумажное объединеніе, а партійная жизнь пойдетъ своимъ путемъ, окончательно разбивая нежизнеспособное, въ данномъ случаѣ „большенствистское" теченіе и предоставляя широкое поле дѣятельности жизнеспособному „меньшинству". Въ третьихъ, въ настоящее время, когда общественно-политическая жизнь бьетъ ключемъ и не сегодня завтра разразится во всей силѣ народное возстаніе, когда во многихъ мѣстахъ Россіи, то тамъ, то сямъ происходятъ вооруженныя стычки, грозящія перейти въ вооруженное возстаніе, въ такое время отвлекать силы и средства партіи отъ революціонно-практической работы граничитъ съ самоубійствомъ

Въ частности у насъ на Кавказѣ обостреніе общественно-политическихъ отношеній дошло до такой кульминаціонной точки, мы живемъ въ атмосферѣ, такъ насыщенной революціонной энергіей, что отстраненіе отъ мѣстной работы хотя бы одного работника считаемъ для себя великимъ позоромъ.

Товарищи! Вотъ наше глубокое убѣжденіе. Но, предполагая возможность составленія партійнаго съѣзда помимо нашего желанія и зная изъ горькаго опыта 2-го съѣзда, что нѣсколько шаровъ будутъ имѣть серьезное вліяніе на исходъ рѣшенія тѣхъ или иныхъ крайне важныхъ для П. вопросовъ, мы предоставляемъ свои голоса въ полное распоряженіе, съ правомъ передовѣрять, нынѣшней редакціи Искры, съ которой въ основныхъ тактически организаціонныхъ вопросахъ вполнѣ солидарны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы предлагаемъ ред. Искры нашими голосами воспользоваться, между прочимъ, противъ такого теченія, которое подъ видомъ созданія единаго „русскаго центра", желаетъ разгромить единственный при настоящихъ условіяхъ устойчивый центръ — редакцію „Искры" съ рискомъ поставить ее въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія Департамента полиціи.

7 апрѣля 1905 г. Т. К. Р. С. Д. Р. П.

---

[1]) Какъ въ началѣ заявлено, мы получили извѣщеніе 28 марта, а Батумъ, кажется, совсѣмъ и не получалъ его.

Письмо въ редакцію „Искры“.

Обращаясь съ [illegible] письмомъ въ редакцію „Искры“, центральнаго [illegible] Р. С.-Д. Р. П., мы имѣемъ цѣлью огласить [illegible], которые заставили нашу Организацію отказаться [illegible] предложенія Бюро Ком. Большинства принять участіе въ 3-мъ съѣздѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы постараемся выяснить наши отношенія къ Партіи, программу которой мы осуществляемъ въ нашей мѣстной работѣ, оставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ самостоятельной, неподчиненной Партіи организаціей.

Оффиціальный представитель Б. К. Б. передалъ намъ предложеніе Бюро послать нашего представителя на съѣздъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) избранный нашей организаціей представитель долженъ быть утвержденъ Московскимъ Комитетомъ; 2) нашъ представитель имѣетъ на съѣздѣ право совѣщательнаго голоса; 3) участвуя въ работахъ съѣзда, мы, тѣмъ самымъ, входимъ въ Партію, а потому постановленія съѣзда для насъ обязательны. Эти условія, независимо отъ общаго характера 3-го съѣзда, были признаны нашей организаціей непріемлемыми, а потому нашъ представитель сообщилъ М. К., что Союзъ Моск. Тип. Рабоч. отказывается прислать своего уполномоченнаго. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ считать кого либо изъ членовъ М. К. компетентнымъ утверждать нашего представителя; внутренняя жизнь Союза остается неизвѣстной для М. К., а потому право послѣдняго утверждать избраніе того человѣка, который могъ бы явиться на съѣздъ выразителемъ нашихъ взглядовъ, является или насиліемъ, или ненужной формальностью. Далѣе, для насъ представляется нѣсколько непонятнымъ, почему наша организація, стоящая внѣ Партіи, должна подчиниться постановленіямъ партійнаго съѣзда. Если Бюро пригласило насъ участвовать въ работахъ съѣзда, несмотря на то, что мы до сихъ поръ не присоединились къ Партіи, то болѣе послѣдовательнымъ было бы, на нашъ взглядъ, дать намъ возможность принять уже окончательныя постановленія съѣзда и тѣмъ самымъ присоединиться къ Партіи. Въ такомъ случаѣ, намъ было бы понятно право совѣщательнаго голоса, которое намъ дано (согласно 2-му примѣч. 3-го пункта Устава). Подчиняться же постановленіямъ съѣзда, на которомъ нашъ представитель пользуется правомъ совѣщательнаго голоса, намъ представляется невозможнымъ.

Нѣкоторая непослѣдовательность Бюро объясняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что его предложеніе участвовать въ съѣздѣ заключаетъ собственно 2 предложенія: 1) примкнуть къ Партіи, 2) послать представителя на съѣздъ. Занявъ подчиненное положеніе по отношенію къ М. К., мы, тѣмъ самымъ, дали бы право контролировать и утверждать нашего представителя; вступая въ Партію, мы должны были бы подчиниться постановленіямъ партійнаго съѣзда.

Отклонивъ предложеніе Бюро, мы считаемъ, поэтому, нужнымъ отвѣтить по слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1) Почему мы не присоединяемся къ Партіи? 2) Какъ мы относимся къ третьему съѣзду?

Въ № 5 нашего Вѣстника С. М. Т. Р. призналъ программу Р. С.-Д. Р. П. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Союзъ призналъ присоединеніе къ Партіи преждевременнымъ и въ № 7 снова подтвердилъ, что до сихъ поръ остается вполнѣ самостоятельной организаціей.

Чѣмъ больше мы останавливаемся на вопросѣ о присоединеніи нашего Союза къ Р. С.-Д. Р. П., тѣмъ больше мы убѣждаемся, что на пути къ этому лежатъ помѣхой не частные интересы нашей организаціи, а общее состояніе Р. С.-Д. Р. П.

Присоединиться къ Партіи — это значитъ жить общепартійными интересами, входить во всѣ внутреннія партійныя дѣла, въ случаѣ партійной распри ясно представлять себѣ разногласіе и становиться на сторону той или другой изъ враждующихъ фракцій. Вступить въ Партію въ настоящее время — это значитъ принять участіе во внутренней распрѣ „большинства“ и „меньшинства“, ясно представить себѣ предметъ спора и превратиться въ „большевиковъ“ или „меньшевиковъ“, встать подъ знамя „Искры“ или „Впередъ“. Разногласія зашли такъ далеко, что всякая С.-Д. организація, вступающая въ настоящее время въ Партію, обязана дать себѣ ясный отчетъ, въ чемъ причина разногласій, кто правъ, кто неправъ. Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что, поскольку мы понимаемъ, разногласіе переходитъ на программную почву: со страницъ „Впередъ“ раздаются уже обвиненія новоискровцевъ въ оппортюнизмѣ и въ сближеніи съ „Освобожденіемъ“.

Между тѣмъ, подробное ознакомленіе со всей сложной эволюціей отношеній между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“ въ ея послѣдовательномъ развитіи представляется намъ вдвойнѣ трудной задачей. Съ одной стороны, мы не встрѣчаемъ большого интереса къ партійнымъ разногласіямъ, къ „высшимъ дрязгамъ“ у многихъ изъ нашихъ товарищей, и потому подробное ознакомленіе нашей периферіи съ разногласіями „большинства“ и „меньшинства“, при существованіи напряженной внутренней работы, представляетъ не мало затрудненій. Съ другой стороны, слѣдя, по мѣрѣ полученія литературы, за партійной полемикой, мы не представляемъ себѣ достаточно ясно, во всей сложности, эволюціи „большинства“ и „меньшинства“. Намъ непонятно, почему „большинство“ отказывается отъ посредничества нѣмецкой соціальдемократіи, почему новоискровцы обвиняются въ оппортюнизмѣ, на какомъ основаніи Ц. К. высказывается за созывъ Съѣзда, въ то время какъ Совѣтъ Партіи опредѣленно высказался противъ Съѣзда.

Установить твердое, сознательное отношеніе къ „большинству“ и „меньшинству“ мы считаемъ необходимымъ прежде, чѣмъ присоединяться къ Партіи; вносить партійныя разногласія въ нашу организацію мы считаемъ чрезвычайно трудно-выполнимой и неблагодарной задачей, такъ какъ, съ одной стороны, встрѣчаемъ мало интереса къ этимъ вопросамъ у нашей периферіи, а съ другой — позиція „меньшинства“ и особенно „большинства“ не представляется намъ достаточно выясненной и твердо установленной. Мы находимъ, что, продолжая свою самостоятельную работу, оставаясь въ товарищескихъ отношеніяхъ къ М. К., мы больше сдѣлаемъ на пути созданія сильной, единой Партіи, чѣмъ примкнувъ къ Р. С.-Д. Р. П., единство которой является задачей, требующей наискорѣйшаго разрѣшенія.

Выясняя свое отношеніе къ 3-му съѣзду, мы находились и находимся передъ большимъ затрудненіемъ. Съ одной стороны, мы читали (№ 89 „Искры“) заявленіе Совѣта Партіи, признающее съѣздъ непартійнымъ и объявляющее всѣхъ членовъ съѣзда внѣ Партіи; до сихъ поръ мы не видѣли оффиціальнаго опроверженія этого заявленія, между тѣмъ, Ц. К. выступилъ въ настоящее время за съѣздъ. Съ другой стороны, на страницахъ „Впередъ“ мы читаемъ доказательства, что Бюро располагаетъ голосами большинства правоспособныхъ организацій, въ „Искрѣ“ Совѣтъ Партіи категорически заявляетъ противное. Такой, казалось бы, простой вопросъ, высказалось ли большинство организацій за съѣздъ, не находитъ себѣ единаго рѣшенія.

Въ настоящее время мы не въ состояніи выяснить, является ли 3-й съѣздъ партійнымъ или это съѣздъ „большинства“. Мы, съ своей стороны, не могли бы участвовать въ конференціи „большинства“ и не послали бы своего представителя на съѣздъ, не имѣя доказательствъ, что мы примемъ участіе въ съѣздѣ всей Р. С. Д. Р. П.

Передавъ М. К. свой отказъ принять участіе въ работахъ съѣзда, мы руководились двумя соображеніями: 1) намъ казались непріемлемыми тѣ условія, о которыхъ было сказано выше, 2) мы не имѣемъ до сихъ поръ основаній считать 3-й съѣздъ партійнымъ.

Мы кончаемъ пожеланіемъ товарищамъ Р. С.-Д. Р. П. объединиться между собою. Мы полагаемъ, что Партія должна положить конецъ тѣмъ внутреннимъ распрямъ, которыя въ настоящее время такъ радуютъ нашихъ враговъ и такъ тяжело отзываются на дѣлѣ всего рабочаго класса Россіи.

Мы думаемъ, что объединенная и примиренная Партія дастъ и намъ возможность не только фактически, но и формально составить единое цѣлое съ пролетаріатомъ Россіи, органическую часть котораго мы составляемъ.

Центръ Союза Московскихъ Типо-литогр. Рабочихъ

Резолюція Харьковскаго желѣзнодорожнаго Союза: Желѣзнодорожный союзъ выработалъ слѣдующую резолюцію по поводу созыва третьяго очередного съѣзда:

„Союзъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, признавая желательнымъ созывъ третьяго очередного съѣзда, считаетъ, однако, необходимымъ настаивать: во-первыхъ, чтобы всѣ вопросы, которые подлежатъ рѣшенію съѣзда, были подвергнуты предварительному обсужденію возможно болѣе широкихъ круговъ партійныхъ работниковъ (пропагандистовъ, агитаторовъ, организаторовъ, техниковъ и всѣхъ сознательныхъ рабочихъ вообще); во-вторыхъ, чтобы до открытія съѣзда было дано достаточно времени для обсужденія этихъ вопросовъ, и, въ-третьихъ, чтобы различныя партійныя теченія были представлены на съѣздѣ пропорціонально ихъ силѣ и вліянію на пролетаріатъ, а не пропорціонально имѣющемуся за тѣмъ или инымъ изъ нихъ числу комитетскихъ мѣстъ“.

Резолюція Воронежскаго Комитета.

Въ виду постановленія Совѣта Р. С.-Д. Р. П. отъ 8 марта, опубликованнаго въ 89 № „Искры“, Воронежскій комитетъ, сорганизовавшійся въ 1902 году, заявляетъ единогласно (6 голосовъ), что считаетъ несвоевременнымъ созывъ третьяго партійнаго съѣзда, но на случай, если Совѣтъ Партіи рѣшитъ, на основаніи поступившихъ къ нему заявленій, что долженъ созвать съѣздъ, то, подчиняясь волѣ большинства организацій, Воронежскій Комитетъ заявляетъ, что онъ не уклоняется отъ партійной работы и назначаетъ своимъ делегатомъ на третій партійный съѣздъ уважаемаго товарища Акимова и проситъ Совѣтъ Партіи увѣдомлять его о всемъ, касающемся созыва третьяго съѣзда.

Резолюція, принятая на съѣздѣ 22-хъ заграничныхъ группъ содѣйствія Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи:

Съѣздъ группъ содѣйствія Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, считая своимъ долгомъ выразить свое отношеніе къ созываемому Ц. К. и Б. К. Б. съѣзду, заявляетъ, что онъ можетъ признать законнымъ съѣздомъ Р. С. Д. Р. П лишь тотъ, при созывѣ котораго выполнены слѣдующія условія:

Съѣздъ будетъ подготовляться въ продолженіи достаточнаго срока, будетъ составленъ изъ представителей всѣхъ фактически существующихъ организацій и явится представителемъ сознательной воли всѣхъ партійныхъ работниковъ.

Только такой съѣздъ могъ бы умиротворить партію и создать фактическое единство, уже нарушенное всѣмъ ходомъ развитія нашей партіи со времени II-го партійнаго съѣзда.

При отсутствіи этихъ условій, съѣздъ поведетъ лишь къ обостренію отношеній между обѣими частями партіи и къ неизбѣжному расколу при условіяхъ, дѣлающихъ этотъ расколъ крайне пагубнымъ для интересовъ россійскаго пролетаріата и соціальдемократическаго движенія.

Констатируя отсутствіе указанныхъ гарантій въ настоящій моментъ, съѣздъ группъ содѣйствія отказывается признать съѣздъ, устраиваемый Ц. К. и Б. К. Б., съѣздомъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Съѣздъ призываетъ всѣхъ истинныхъ представителей россійскаго пролетаріата, всѣхъ сознательныхъ соціальдемократовъ сдѣлать все, отъ нихъ зависящее для превращенія предполагаемаго съѣзда въ конференцію, на которой могли бы быть выработаны условія, могущія подготовить объединеніе соціальдемократической работы въ ближайшемъ будущемъ и формальное объединеніе партіи на законномъ III съѣздѣ, когда это станетъ дѣйствительно возможнымъ.

Если усилія эти не увѣнчаются успѣхомъ, пусть всѣ сознательные соціальдемократы, правильно понимающіе истинные интересы россійскаго пролетаріата, крѣпче сплотятся вокругъ знамени Р. С.-Д. Р. П.

Пусть они, оставаясь вполнѣ солидарными съ политической позиціей Центральнаго Органа и Совѣта, работаютъ надъ созданіемъ единства въ политическомъ движеніи россійскаго пролетаріата, подготовляя, такимъ образомъ, въ будущемъ и организаціонное его единство.

Отвѣтъ Центральному Комитету.

10/23 апрѣля сего года, Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. обратился съ письмомъ къ намъ, работающимъ въ партійныхъ предпріятіяхъ заграницей. Въ этомъ письмѣ Ц. К. сообщаетъ, что тов. Дейчъ отказался передать завѣдываніе техническими предпріятіями партіи заграницей уполномоченному имъ тов. Валеріану и предлагаетъ намъ, партійнымъ работникамъ, оказать „противодѣйствіе узурпаторскимъ намѣреніямъ тов. Дейча“.

Обсудивъ предложеніе „Ц. К.“, мы, работающіе въ партійной типографіи и брошюровочной, вынесли слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе,

что, вступивъ въ соглашеніе съ извѣстнымъ Б. К. Б. для созыва третьяго съѣзда и созвавъ этотъ „съѣздъ“ помимо Совѣта и вопреки волѣ большей части Партіи, Ц. К. самымъ грубымъ образомъ нарушилъ партійный уставъ и партійную дисциплину, и тѣмъ самымъ уничтожилъ всѣ обязательства, нормирующія партійныя отношенія;

что, отказавшись подчиниться постановленію Совѣта, какъ высшаго учрежденія партіи, Ц. К. поставилъ себя этимъ самымъ внѣ партіи и создалъ крайне ненормальное положеніе въ партійной жизни;

что, созывая съѣздъ въ разгарѣ переживаемаго нами революціоннаго времени, Ц. К. нанесъ непоправимый вредъ партіи, лишивъ ее лучшихъ силъ, столь необходимыхъ теперь на мѣстахъ революціонной работы;

что при самомъ созывѣ „съѣзда“, руководствуясь не интересами партіи, а чисто фракціонными соображеніями, Ц. К. произвольно лишилъ права голоса рядъ дѣйствительно рабочихъ организацій и представилъ его ничѣмъ не проявившимся и даже не существующимъ организаціямъ, —

мы, работающіе въ партійной типографіи и брошюровочной, обязанные, какъ члены партіи, нести на себѣ защиту чести, достоинства и интересовъ партіи, заявляемъ предъ лицомъ всей партіи, что требованія Ц. К. считаемъ незаконными и для себя необязательными.

Мы заявляемъ, что партійное имущество, впредь до возстановленія партійнаго единства, должно находиться въ рукахъ той части партіи, которая дѣйствительно является выразительницей интересовъ пролетаріата, а не той, которая ставитъ свои узко-кружковые интересы выше коллективной воли всей партіи. Мы приглашаемъ всѣхъ работниковъ, которымъ дороги интересы партіи, дать рѣшительный отпоръ всѣмъ, кто вздумаетъ посягнуть на нихъ.

(Слѣдуютъ подписи).

Оригиналъ этой резолюціи находится въ архивѣ редакціи Центр. Органа.

Агитаціонная дѣятельность **Виленской Группы** Р. С.-Д. Р. П. съ начала января 1905 года: 1) Ко всѣмъ рабочимъ. (Призывъ къ политической забастовкѣ) (800); 2) Письмо Г. Гапона отъ 9-го января (1000); 3) Къ обществу (по поводу 9 янв.) (300); 4) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ („Забастовка кончена“) (1000); 5) Ко всѣмъ рабочимъ (По поводу второй забастовки) (500); 6) Къ неорганиз. рабочимъ (на польскомъ языкѣ) (200); 7) Объявленіе о днѣ забастовки (карточки на русск., польскомъ яз. и на жаргонѣ) (1000); 8) Къ рабочимъ всѣхъ кожевенныхъ заводовъ (200); 9) Объ арестахъ (200); 10) Къ рабочимъ завода Менке (100); 11) Къ рабочимъ фабрикъ Шифеля и Гилеса (100).

Кромѣ того, Виленской Группой распространены слѣдующіе листки Сѣверо-Западн. Комитета: 1) Отвѣтъ Коковцеву и Трепову (1500); 2) Царь и крамола (1500); 3) Ко всѣмъ гражданамъ (1000); 4) „Солдатск. памятка“ (изд. „Искры“, перепеч. С. З. К.) (2000).

Херсонской организаціей распространены съ конца января по апрѣль сего года: „Купля и продажа“ изд. Ц. К. (400) и „Слово и дѣло“ изд. Ц. К. (400); „Правда о войнѣ“ (200); „Царь и народъ“ (печ., 400); „Письмо Гапона“ (печ., 400); „Ко всѣмъ“ (распростр. въ клубѣ, гект., 200); Ко всѣмъ гражданамъ“ (переп. лист. „Иск.“, 400); „Къ солдатамъ“ (по поводу слуха о бунтѣ къ 19 февр., 100); „Солдатская памятка“, „Въ бой за свободу“, „О коммис. Шидловскаго“ и „Булыгинскій Совѣтъ“ изд. Одесск. гр. 600). Всего — 3200 экз.

Отчетъ **Казанскаго Ком.** за янв. и февраль. Издано и распространено К-мъ за январь: Бюллетень № 1 (перепеч.), 500; Бюллетень № 2 (перепеч.) 400; Посланіе Гапона, 635; Къ рабочимъ и работницамъ (о Петерб.) 600; Ко всѣмъ (о стачкѣ), 800; Къ солдатамъ (передъ стачкой), 1050; Ко всѣмъ (по татарски), 400; Къ рабочимъ Алаф. о стачкѣ, 600; Тоже по татарски 350; Требованія рабочихъ Алаф., 600; Тоже по татарски, 150; Требованія работницъ Алафузова, 270; Къ татарамъ обще-полит. (по тат.), 800; Резолюція вечеринки 26 дек., 300; Требов. рабочихъ Крестовникова, 165; Воззваніе о стачечномъ фондѣ, 900; Отчетъ фонда № 1, 200; Цивилизованному міру (Ц. К. перепеч.), 1050. Всего — 10470 экз. За февраль: Къ рабочимъ Алаф. (объ уволенныхъ), 1000; Требованія типографщиковъ, 400; Типогр. объ уволенныхъ, 600; Къ обществу объ уволен. типогр., 1000; Требованія приказчиковъ, 500; Къ булочникамъ, 600; Требованія приказчиковъ (по тат.) 400; Резолюція банкета 21-го янв., 1050; Объ японскихъ милліонахъ, 910; О рѣчи царя къ депутатамъ раб., 910; Послѣдняя ставка (о черной сотнѣ) 1050; Къ рабоч. о черной сотнѣ, 1000; Къ обществу о черной сотнѣ, 1000; Крестьянской бѣднотѣ, 1580; Товарищамъ татарамъ о Баку, 1015; Тоже на татарскомъ, 225; О рѣчи царя (на тат.), 150; Письмо в.-эк. общ. къ офицерамъ (перепеч.), 800; Ко всѣмъ о 19 февр., 310; Солдатская памятка (перепеч.), 2140; Прогр. для занятій, 490; Проп. прогр. для занятій съ рабочими, 210. Всего — 17340 экз. Распространено присл. отъ Ц. К. Канунъ революціи, 4000; Русск. рабоч. и русск. гражданамъ, 4500; Какая политич. свобода нужна русскому народу, 4700. Всего — 31140 экз. Брошюры — Пѣсни революціи, 130; Послѣдняя исповѣдь, 195.

Отчетъ Комитета **Крымскаго Союза** Р. С.-Д. Р. П. за январь, февраль и мартъ сего года. ПРИХОДЪ: (въ рубляхъ) Симфер. организація — 562,00; Мелитоп. — 165,00; Керченск. — 140,00; Ялтинск. — 85,00; Ѳеодос. 55,00. Всего 1007,00. РАСХОДЪ: Техника — 522,20; помощь тов. — 195,80; складъ — 44,30; разъѣзды и развозка литературы — 196,30; почт. и мелкіе расходы — 14,40; скрывш. тов. — 30,00; штемпеля — 7,00; помощь Севастоп. орган. — 185,90; помощь Ѳеодосіи и Евпат. — 21,40. Всего 1217,30. По 1-е апрѣля дефицитъ въ 210,30. За эти три мѣсяца Союзомъ издано 15 листковъ въ 163,000 экз. Распространены: листки изд. Одесской группы и Ц. К. (15,000 экз.) — брошюры популяризир. общ. изд. соц.-дем. (500) — о войнѣ (ред. „Искры“, 2000) — №№ 1-2-3 „Соц.-дем.“ (500) — №№ 79—91 „Искры“ (1000).

Отчетъ **Симферопольской** Организаціи Крым. Союза съ 15-го марта 1904 по 1-е апрѣля 1905 г. ПРИХОДЪ: Черезъ АВ — 284 — АК. — 240 — РК. — 45 — разныхъ — 408 — Аа — 60 — ВИ. — 30 — прес. пов. — 70 — ЕГ. — 85 — ВИ. — 15; вечеринка — 125; изъ Москвы — 30. Всего 1472 руб. РАСХОДЪ: Конспират. кварт. — 123,50; почт. и мелк. расх. — 19,42; помощь тов. — 136,10; печат. на гектогр. — 15,46; покупка и доставка литературы — 25,50; заключ. въ тюрьмѣ — 145,00; поѣздки — 17,05; помощь Симф. стачечник. — 150,48; — Крымск. Союзу — 889,65. Всего — 1532,16. По 1-е апр. дефиц. — 60,16.

Вышли изданія Ц. К. „Первое мая“ и „Всероссійская стачка промышленниковъ“. **Петерб. Группы** листокъ къ обществу о первомъ мая. **Петербургск. Комитета:** „Рабочая недѣля“ (газ.) № 1. **Самарскаго Ком.:** 1) „Къ приказчикамъ“ (1.300 экз.), 2) „Правда для солдатъ“ (7.000), 3) „Почему царь не хочетъ мира?“ (5000), 4) „Ко всѣмъ рабочимъ“ (о коммиссіи Шидловскаго, 5200 экз.), 5) „Въ бой за свободу“ (лист. „Искры“, 6500 экз.). **Варшавск.** Ком. Военно-рев. организація: „Къ солдатамъ“. **Одесск.** Группы: „Ко всѣмъ портовымъ рабочимъ“ и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (800). **Полтавской гр.:** „Добровольныя пожертвованія“. **Тверскаго Ком.:** 1) „Опять мобилизація“ (6000); 2) Коммиссія Булыгина (перепеч. съ лист. Пет. гр., 6000); 3) „Милостью пушекъ“ (перепеч. съ лист. Моск. Ком., 2000); 4) Рабочимъ и работницамъ Зологинской фаб. (450); 5) „Русскій рабочій и зимній дворецъ“ (памяти Халтурина изъ „Искры“, (1400); 6) „Пора кончать!“ (6000); 7) „Онъ прощаетъ!“ (изъ „Искры“, 2350); 8) „Рабочимъ вагоностр. завода“ (450); 9) „Къ крестьянамъ“ (6000); 10) Майскій листокъ (Ц. К. 10000).

За послѣднее время Украинск. Союзомъ (Спілкой) выпущены слѣдующія изданія: 1) Листокъ „Правды“ (апрѣль); 2) Майская листовка; 3) Воззваніе къ семинаристамъ; 4) „Что дѣлать батракамъ?“; 5) „Мужицкій приговоръ“.

Въ изданіи „Искры“ выходитъ серія брошюръ „**Наши требованія**“, посвященная популяризаціи отдѣльныхъ пунктовъ программы-минимумъ.

Вышли: № 11 „Царская казна и народный карманъ“ (Долой косв. налоги!). № 2 „Самодержавіе царя или самодержавіе народа? (Долой царское самодержавіе!)“.

Печатается: № 9 „Что такое милитаризмъ и кому онъ нуженъ?“.

Готовятся къ печати: № 1 „Наши ближайшія требованія и конечная цѣль. № 3 „Неприкосновенность личности и жилища“, № 4 „Свобода слова, печати и собраній“, № 5 „Свобода стачекъ и союзовъ“, № 10 „Отдѣленіе церкви отъ государства“, № 13 „Государственное страхованіе рабочихъ“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено отъ русскаго художника для больного эмигранта 100 лиръ.

Бакинцу. Почему не пишете изъ новаго мѣста? Пришлите адресъ. Обязательно высылайте все выходящее. **Буржуа.** Гдѣ вы? **Андрею.** Пришлите адресъ для переписки. **Дьяконову.** Слышали, что вы застряли по дорогѣ. Думаете ли осѣсть или поѣхать по назначенію? **Японцу.** Почему не пишете о мѣстныхъ дѣлахъ? Интересно знать ваше отношеніе. **Хотимскому.** Почему перестали писать. Мы слышали о провалѣ — сообщите. Доходитъ ли литература? **Ивановичъ.** Почему не сообщаете о своей работѣ? **Сержу.** Ваши письма получены. **Райкину 2.** Письмо получено. Пишемъ. **Ѳомѣ.** Письмо получено. Простираемся исполнить просьбу. Не сумѣете ли помочь средствами? **Стенькѣ.** Получили. Пишите подробнѣе о дѣлахъ. **Колдуну.** Получено, ладно. Адресъ не оставленъ.

Просимъ всѣ организаціи и группы прислать спеціальные адреса для высылки по нимъ конспиративныхъ (печатныхъ или гектогр.) сообщеній.

Всѣмъ подписчикамъ на „Искру“ и „Соціальдемократъ“. Убѣдительно просимъ возобновлять адреса къ первому ч. каждаго мѣсяца. Адресаты, имѣющіе №, при возобновленіи, для краткости, могутъ сообщать этотъ послѣдній.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонн Соціальдемократіи“:

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“)

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.